

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Нодар
Думбадзе

Я, БАБУШКА,
ИЛИКО
И ИЛЛАРИОН

«ИНОСТРАНКА»



Нодар Думбадзе
Я, бабушка, Илико и Илларион
Серия «Иностранная
литература. Большие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70223845
Я, бабушка, Илико и Илларион: Иностранка, Азбука-Аттикус;
Москва; 2024
ISBN 978-5-389-24777-2

Аннотация

Нодар Думбадзе (1928–1984) – самый известный грузинский писатель, его произведения переведены на девяносто шесть языков мира. Проза Нодара Думбадзе исполнена любви к простым человеческим ценностям, его герои, беззаветно влюбленные в жизнь, кажется, могли появиться на свет лишь в теплой Грузии, где даже незрячий человек, если верить автору, способен увидеть солнце. Несмотря на то что Нодар Думбадзе был широко известен по всему Советскому Союзу, большинство его произведений давно не выходили на русском языке. Настоящее издание стремится исправить это досадное упущение – в том вошли знаменитые романы, повести и рассказы классика грузинской литературы, включая самую известную повесть «Я, бабушка, Илико и Илларион». В ней рассказана история взросления мальчика в грузинском селе в годы Великой

Отечественной войны. Кажется, здесь нашли отражение все самые характерные черты прозы Нодара Думбадзе: тонкий юмор, гротеск, колоритный быт, боль и ужас войны... Но, пожалуй, самый незабываемый персонаж этой повести – суровая бабушка Ольга, которая умеет ругаться, как никакая другая женщина в Грузии. Однако главному герою не страшны ее проклятия, ведь однажды бабушка выдала свою тайну: «Уста мои проклинаяют, а сердце благословляет тебя...»

Содержание

Я, бабушка, Илико и Илларион	7
Бабушка	8
Охота	18
Кровь за кровь	32
Сторож	43
Общее собрание	48
Бурка, сапоги и носки	55
Литературный вечер	62
Первая любовь	69
Одиннадцать пудов кукурузы	79
Аттестат зрелости	89
Поезд	100
Что такое дом	116
Кого я вижу!	131
Еще один одноглазый	144
Здравствуй, Илларион!	159
Цира	169
Шиомгвиме[32]	186
Дрова	201
Клад	211
Пакизо	224
Я вижу солнце	239
Тетя	240

Отлив	250
Хатия	257
Не так уж страшен черт	266
Урок военного дела	273
Бригадир Датико	280
Бежана	287
В чем заключается задача?	310
Анатолий	329
Рыбалка	334
Снег	350
Кукури	353
Бегларова мельница	365
Цуца	380
Триумфальный марш	389
Конец ознакомительного фрагмента.	404

ნოდარ დუმბაძე Я, бабушка, Илико и Илларион

ნოდარ დუმბაძე

მე, ბებია, ილიკო და ილარიონი

© Н. Думбадзе (наследник), 2023

© З. Ахвледиани (наследник), перевод, 2023 © К. М. Коринтэли, перевод, 1987, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

Я, бабушка, Илико и Илларион

Перевод З. Ахвледиани

Бабушка

Справа от моего села протекает река Губазоули, слева – небольшая речушка Лаше, кишащая крабами, бычками и босоногими мальчишками. Через Губазоули перекинут мостик. Каждой весной взбушевавшаяся река уносит его, оставляя только торчащие из воды черные сваи.

И все же мое село самое красивое и веселое в Гурии¹. Я люблю его больше всех сел на свете, потому что нигде не может быть другого села, где жили бы я, бабушка, Илико, Илларион и моя собака Мурада...

Моя бабушка – мудрая женщина. Она постоянно твердит мне:

– Учись, негодяй, учись, а то неучем останешься!

О науке у бабушки своеобразное представление. Однажды, когда я сидел на балконе и во весь голос твердил наизусть правила из грузинской грамматики, бабушка спросила:

– Что это ты там зубришь, сынок?

– Лицо глагола, бабушка!

– Что? Где это слыхано – лицо у глагола! Лицо может быть только у человека!

– Это другое лицо, бабушка, совсем не то, что ты думаешь.

– Лицо на свете одно. И все.

¹ Гурия – область в Западной Грузии. – Здесь и далее примеч. ред.

– Ладно, – сказал я и захлопнул книгу, – отвечай тогда, что такое лицо.

– Лицо – это... лицо!

– Садись, бабушка. Урока не знаешь, ставлю двойку.

– Я тебе покажу двойку, прохвост! Сию же секунду иди и привяжи козу, не то так взгрею – своих не узнаешь!

– Хорошо, еще один вопрос задам и пойду. Сколько существует лиц?

– Лиц столько, сколько людей на свете. Но лицо дано не для того, чтобы такие гримасы строить, болван! У одних лицо худое, у других – круглое и толстое, у третьих – вообще не разберешь какое, размазня одна. А еще бывают лицемерные и двуличные люди.

– Жулики тоже бывают, – сказал я.

– Правильно! Например, наш почтальон. Сдирает с конвертов марки, а потом говорит – без марки, мол, было, давай рубль.

– А я какой, бабушка?

– Ты? Ты прохвост, шалопай, бездельник, плут, пройдоха и нехристь к тому же!

Нет во всей Гурии женщины, которая могла бы проклинать лучше, чем моя бабушка. Но мне не страшны ее проклятия – однажды бабушка обмолвилась: «Уста мои проклинают, а сердце благословляет тебя...»

Надо сказать, моя бабушка весьма отрицательно относит-

ся к бездушному решению Наркомпроса², которое обязывает учащихся ежедневно высиживать в школе полные шесть уроков. Хотя лично я никогда не давал ей повода для этого. Свой учебный день я, как правило, еле дотягиваю до четвертого урока. Потом уже теряю всякое представление о времени и пространстве и голосом, несколько громче обычного, спрашиваю соседа по парте:

– Ромули, дорогой мой, что это так долго не звонят? Звонок пропал или сторож?

Ромули скалит зубы, а учитель, указывая на меня пальцем (я показательный ученик!), ласково процеживает:

– Сейчас же встань и убирайся вон! И пока не приведешь родных, чтобы духу твоего здесь не было!

Я не спрашиваю «почему?», так как знаю, что после такой дискуссии в ход обычно пускаются мел и линейка. Я молча беру сумку и фуражку и направляюсь к двери.

– До свидания! – говорю я Ромули.

– До скорой встречи! – говорит он мне и машет рукой.

На второй день я веду в школу бабушку, затем бабушка ведет меня домой, потом опять я веду бабушку в школу, и снова бабушка отводит меня домой и так далее. Можно смело сказать, что десятилетку я и бабушка заканчивали вместе. По-моему, это единственный случай в истории человечества.

Я обыкновенный деревенский мальчик. У меня в сумке

² Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения.

всегда фрукты, рогатка и пугач. До первых заморозков хожу в школу босиком. У меня всего одни залатанные штаны и по две переэкзаменовки каждый год. Из-за моей собаки Мурады, которая всегда бежит за мной хвостом, в деревне меня называют собачником, в школе – плутом и лентяем, а бабушка раз и навсегда окрестила прохвостом. Настоящее же мое имя – Зурико.

Когда бабушка сердита на меня, я ночую в давяльне; как помиримся – я снова перебираюсь в комнату. Днем бабушка, призывая на мою грешную голову грома небесные, гоняется за мной с хворостиной в руке. Ночью она моет мне ноги и, дождавшись, когда я усну, тихо целует...

Как я веду себя в школе? На этот счет существует официальный документ – «Протокол заседания педсовета». Выглядит этот документ примерно так:

«Протокол заседания педагогического совета Н-ской средней школы от 18 марта 1940 года.

Присутствовали: все преподаватели.

Слушали: сообщение руководителя шестого класса о поведении ученика того же класса Зураба Вашаломидзе.

Высказались:

Преподаватель физики: „В природе не существует энергии, которая могла бы расшевелить Вашаломидзе. Мальчик этот – погруженное в жидкость тело, на которое не действует никакая выталкивающая сила!“

Преподаватель математики: „Для меня Вашаломидзе – уравнение со ста неизвестными. Решить такое уравнение я не в силах“.

Преподаватель химии: „Никакой реакции! Сидит и выматывает мне нервы. Это какой-то необычный лакмус: он никогда не краснеет!“

Преподаватель русского языка: „По-моему, он просто идиот“.

Преподаватель географии: „Познания Вашаломидзе весьма не рельефны. Мальчик или аномальный, или истощенный“.

Преподаватель истории: „Это скорее человек каменного века, чем цивилизованный представитель двадцатого столетия. Невозможно зафиксировать момент нахождения Вашаломидзе в состоянии покоя на уроке. Никакого прогресса. Вашаломидзе – позор для всего класса“.

Школьный сторож: „Да что вы пристали к бедному ребенку? Если уж он такой дурак, как же вы его переводите из класса в класс?“

Завуч: „Тебя не спрашивают! Твое дело – приходить вовремя и звонить!“

Преподаватель грузинского языка (мой близкий родственник): „Я вас не понимаю! Можно подумать, что на этом Вашаломидзе свет клином сошелся! Да кто у вас в классе лучше его? Может, директорский сынок? Круглый пятерочник, а такого идиота я в жизни не встречал! Сидит на уроках, точно сыч в дупле“.

Преподаватель физкультуры: „А почему ты

ставишь ему пятерки?“

Преподаватель грузинского языка: „Попробуй не поставь!“

Завуч: „Замолчите!.. А ты что скажешь, Вашаломидзе?“

Вашаломидзе: „Учитель грузинского языка прав“.

Завуч: „Истукан! Не об этом спрашиваю! Что ты скажешь о себе?“

Вашаломидзе: „О себе? На этот раз простите, а в дальнейшем я исправлюсь!“»

Наслушавшись подобных отзывов о собственной персоне, я усомнился было в своей нормальности и здоровье, но счастливый случай рассеял мои подозрения.

Пришлось мне как-то целую неделю не ходить в школу – мотыжил кукурузу. А чтобы за пропуски занятий не исключили из школы, требовалась справка о болезни. В те времена в нашей деревне таких справок здоровым людям, к сожалению, не выдавали. Поэтому пришлось уложить меня на один час в постель и вызвать врача.

С утра меня морили голодом, чтобы придать моему лицу болезненную бледность, стянули голову полотенцем, и бабушка отправилась за врачом. Через полчаса врач осадил своего коня в нашем дворе.

– Что с тобой, парень? – спросил врач, присаживаясь ко мне на кровать.

– Умираю... – простонал я.

– Хорошо... А все же, что у тебя болит?

Признаться, такого вопроса я не ожидал и поэтому в испуге взглянул на бабушку.

– Все болит, – сказала бабушка.

– Волосы болят?

– Болят, – простонал я.

В это время в комнату вошли соседи – Илико и Илларион. Они знали о моей «болезни» и тут же вступили в разговор.

– Что-то в последнее время стал я замечать, ослабел наш мальчик, – сказал Илларион.

– Точнее...

– Точнее? Аппетит у него пропал. Прошлый раз насилу заставил мальчика съесть три тарелки лобио³ и один мчади⁴. И ни куска больше!

– Да ну? – удивился врач.

– Тобой клянусь!.. Раньше, бывало, он съедал еще головку сыра, а в тот день как заупрямится – «не хочу да не хочу!». Дома, говорит, уже обедал.

– Это правда? – спросил меня врач.

– Правда, доктор. Как увижу лобио, сразу тошнить начинается.

– М-да... А как насчет жареного цыпленка с чесночной подливкой, или молодого сулгуни⁵ с мятой, или целиком отварной курочки с эстрагоном, или, друг ты мой любезный,

³ Лобио – фасоль, а также блюдо из фасоли.

⁴ Мчади – лепешка из кукурузной муки.

⁵ Сулгуни – вид сыра.

может быть, лучше рубец с острой приправой, или, скажем, усач и форель в ореховом соусе? Что скажешь?

— С ума сведет ребенка этот болван, — пробормотала бабушка.

Илико не выдержал такого меню и, закашлявшись, выскочил на балкон. Илларион выдержал испытание и стал разглядывать фотографии в альбоме.

— Что еще болит у него? — спросил с улыбкой врач. Потом снял с моей головы полотенце и заботливо утер мне слюни.

— Еще... чихает! — ответил Илларион.

— А моча у него какая?

Тут и Илларион не нашелся, что ответить.

— Какая у него моча, Илико? — обратился он к вернувшемуся в комнату Илико.

— Моча? — не растерялся тот. — В последнее время, прямо скажу, не нравится мне его моча.

— А раньше была хорошая?

— Изумительная!

— На что еще жалуешься, молодой человек?

— Хи-хи! — кашлянул Илико. — Еще он немного того... —

И он выразительно покрутил пальцем у своего виска.

Я понял, на что он намекал.

— Да?.. А ну, сколько это? — спросил врач и поднес к моему носу растопыренную пятерню.

— Семь! — сказал я и как можно глупее улыбнулся.

— Правильно! — воскликнул врач.

Илларион от удивления выронил очки, бабушка в испуге отшатнулась. Врач вывернул мне веки, опустил, потом снова поднял, заглянул мне в глаза, с сожалением покачал головой и спросил:

– Родственников и близких узнает?

– С трудом, – вздохнул Илларион.

– Так... Кто этот человек? – спросил меня врач, указывая на Илико.

– Это не человек, это зверь! – сказал я и придал своему лицу такое идиотское выражение, какого и Илико не ожидал.

– Зурико, это же я, твой дядюшка Илико, неужели не узнаешь? – сокрушенно произнес Илико.

Я отрицательно покачал головой и скосил глаза к переносице. Бабушка закусила нижнюю губу и схватилась за голову.

– Чем лечите больного? – спросил врач.

– Виски натираем водкой.

– Принесите сюда эту водку!

Бабушка торопливо принесла бутылку с водкой.

– Подайте мне чайный стакан!

Подали. Врач наполнил стакан и начал:

– Положение ребенка весьма серьезное, боюсь, не протянет до утра. Нужно немедленно везти его в больницу на операцию!

– На какую операцию?! – вскочил я с постели.

– Придется вскрыть черепную коробку...

– Только через мой труп! – вскричала бабушка. – Ишь

ты, «вскрыть черепную коробку»! Это тебе не тыква! Да что ты понимаешь в болезнях? Мальчик здоров как бык, а он – «в больницу»! Вставай, сынок, вставай, а то и впрямь он загонит тебя в могилу!

– Ну, вот и отлично! Здоров, говорите? Дай Бог и впредь всем вам здоровья! – сказал с улыбкой врач и опрокинул в рот стакан.

– А закусить? – сказал Илларион и подал ему грушу.

Врач аппетитно, с хрустом откусил грушу, потрепал меня по щеке, простился со всеми и, направляясь к выходу, сказал:

– А такого здорового мальчишки действительно во всей деревне не найдешь.

Потом он вскочил на коня, помахал рукой и ускакал...

Охота

Спустя неделю после моего чудесного исцеления к нам во двор зашел Илларион. Он прилег на траву под грушевым деревом, закурил самокрутку и, сладко потягиваясь, спросил:

– Ну что, собачник, перенес операцию?

– Вам всем, конечно, начхать, а я чуть было не погиб!

– Скажи, пожалуйста! «Погиб»! А какая тебе грозила опасность? Ну, вскрыли бы твой паршивый череп и тут же бы и захлопнули. Чего копаться-то в пустоте?

– Ладно, ладно... «В пустоте»... Зато ты да твой дружок Илико – ума палата!

Помолчали.

– Что это твоей собаки не видать? – спросил Илларион, и в тот же миг, словно в ответ на его слова, раздался отчаянный собачий визг.

– Убью скотину, убью! Пропади ты пропадом, Зуруке-ла-негодник, вместе со своей собакой! И где ты ее откопал, эту безродную тварь?! Слыханное ли дело! Сперва таскала яйца из-под наседки, а теперь принялась за цыплят!

По тропинке между изгородями, громко голоса и размахивая палкой, ковыляла соседка Ефросинэ. Перед ней, жалобно скуля и волоча заднюю ногу, бежал мой бедный Мурада.

– Держи его! – вопил из своего двора муж Ефросинэ.

– Да что ты раскричалась, баба! Что случилось?! – выско-
чила из дома бабушка. – Это кто же, по-твоему, безродная
тварь? Наш Мурада? Да он, если хочешь знать, породистее
твоего мужа и всей вашей родни!.. Проваливай лучше, пока
не поздно! Безродный... Да я за него с двух доек сыр отдала
мельнику Симону!

Ефросинэ, которая больше всего на свете боялась бабуш-
ки, тотчас же повернула обратно, а Мурада с видом оскорб-
ленного достоинства прилег у моих ног. Не сводя глаз с
удалявшейся Ефросинэ, он жалобно повизгивал. Как только
женщина скрылась за поворотом, собака умолкла.

– Здравствуй, Мурада! – поздоровался с собакой Иллари-
он.

«Здравствуй!» – ответил про себя Мурада и приветливо
вильнул хвостом.

– Ах ты, лисья порода! – улыбнулся Илларион, доставая
из рта собаки цыплячий пух. – За что тебя пробрали?

«А бог их знает, – проговорил про себя Мурада, – остав-
ляют без присмотра цыплят на улице, а потом еще обижают-
ся...»

– Крепко досталось тебе?

«Порядком», – ответил про себя Мурада и взглянул на
ушибленную ногу.

– Не огорчайся, пройдет...

«Да не так уж и больно, как хотелось бы Ефросинэ», –
улыбнулся Мурада, тряхнул ушами и стал лизать Иллариону

руку.

– Что с его мордой? – спросил меня Илларион.

– Обжегся, дурак. Вчера вздумалось ему стащить со сквороды мчади, вот и угодил носом в огонь...

– Это правда, Мурада?

«Эх, на сей раз не повезло, поторопился малость», – вздохнул Мурада и облизнулся.

– Да ты, брат, не собака, а настоящее сокровище! – произнес с уважением Илларион. – Вот этот собачник, гляди, какой верзила вымахал, а все на бабушкиной шее сидит, а ты уже сам о себе заботишься. Молодец! Однако воровать все же нельзя, это ты учти! Краденый кусок впрок не идет. Вот хоть возьми нашего завскладом Датико – близок его смертный час. А какой ненасытный был, все ему мало. Теперь вот валяется в постели, как списанный товар. Слышишь?

«Слышать-то слышу, да что с того? Все воруют, а я что, Божий агнец? В конце концов, я обыкновенный пес», – возразил про себя Мурада.

– Ладно, иди к себе и не вздумай убежать со двора, не то поколочу, сукин ты сын! – сказал я и легонько пнул собаку ногой.

«Не ругайся!» – огрызнулся Мурада и, поджав хвост, побрел восвояси.

Илларион скрутил самокрутку, затянулся и сказал:

– Утром обошел я колхозные поля, побегии сои сплошь обглоданы, не иначе как зайцы шалют... Следы видел... Не ме-

шало бы пройтись завтра утром с ружьем...

– Знаю я твоих зайцев! Прошлый раз ты тоже потащил меня, а заячьи следы оказались козыими.

– А сейчас, говорю тебе, – заячьи! Кроме того, помет заячий!

– Ну ладно, пойдем. Смотри только, как бы заячий помет тоже не оказался козыим!

– Не учи меня, сопляк! Приготовь-ка к утру ружье да захвати своего глупого пса, авось пригодится... – сказал Илларион, нахлобучил мне по самый нос фуражку и ушел.

На другое утро, чуть свет, мы пробирались сквозь высокую – по колено – росистую траву. Впереди шагал Илларион, за ним – я, за мной трусил весь мокрый, облепленный репьем Мурада.

– Вот это собака! – насмеялся Илларион. – Никак за зайцев нас принимает – по следу идет. Скажи ей, пусть бежит вперед!

– Марш вперед! – приказал я собаке.

Мурада послушно сел.

– Устал пес. Может, и нам отдохнуть и перекусить чего-нибудь, а? – спросил Илларион и опустился на землю.

– Что ж, отдохнем, – согласился я и уселся рядом.

Илларион извлек из сумки вареную курицу, мчади, молодой сыр, бутылку виноградной водки и разложил все это на большом круглом камне. Я, со своей стороны, прибавил к

столу пхали⁶ из крапивы, лобио, вареную картошку, соль. И пиршество началось.

– Смотри, Илларион, не чавкай громко, зайцев распугаешь! – предупредил я.

– Ты над кем смеешься, урод? Зайцев здесь хоть пруд пруди, только искать их нужно с головой! – рассердился Илларион.

Он наполнил стакан водкой и, произнеся обычное «будем здоровы», осушил его.

– Будем здоровы! – сказал я и тоже выпил.

– Закуси чем-нибудь, сгоришь!

– Подумаешь! Не видал я сивухи!

– Мерзавец! Сивуху поищи у своей бабушки!.. Ну, давай по второй!

– Давай! – охотно согласился я, выпил и вдруг развеселился. – Ну и пробирает! Бьет прямо в почки!

– Еще бы – чистая чача!⁷

– Выпьем по третьей, – предложил я.

– Выпьем!

Илларион быстро опрокинул в рот стакан и достал кисет с табаком.

– На вот, возьми мой кисет, табак у меня знатный: стамбульский! – сказал я, протягивая полный кисет.

⁶ *Пхали* – национальное блюдо из мелко нарезанных отварных листьев капусты (шпината, крапивы), перемешанных с пряными специями.

⁷ Игра слов: *чача* по-грузински и «почка», и «виноградная водка».

Илларион взял кiset, понюхал табак, подозрительно взглянул на меня, но все же скрутил козью ножку, зажег, затянулся и... опрокинулся на спину.

– Что с тобой, Илларион?! – кинулся я к нему.

Илларион лежал побледневший, с закатившимися глазами и молчал.

– Мурада, скорей воды! – крикнул я.

Илларион отрицательно покачал головой, медленно поднялся, долго смотрел на меня покрасневшими глазами, потом глубоко вздохнул и спросил голосом приговоренного:

– Откуда у тебя этот табак?

– Илико подарил. А что?

Илларион наполнил стакан, смахнул слезу, потом простер руку к небу и медленно, торжественно произнес:

– Боже всесильный, покарай всех жуликов и подлецов на свете! Ниспошли на Илико Чигогидзе кару, чтобы корчился он в адских муках и некому было бы подать ему руку помощи, кроме меня! Аминь!

– В чем дело, дядя Илларион?!

– К табаку примешан перец!

– Ну, тогда выпьем по четвертой, и пусть Бог накажет Илико! – сказал я, выпил, и вдруг мне захотелось поцеловать длинный нос Иллариона.

– Дядюшка Илларион, дорогой мой, ты лучше всех на свете! Если б ты знал, как я тебя люблю! У тебя длинный нос и доброе сердце. Если бы не ты, мне б вообще незачем жить на

этом свете. Поверь мне, дядюшка Илларион! Дай-ка я тебя поцелую!

– Ну, говоря откровенно, Зурико, дорогой, другого такого мальчика, как ты, и свет не рожал! Это пустяки, что я старше тебя на тридцать лет! Был я твоим ровесником? Был. Будешь ты моим ровесником? Будешь. Спрашивается, какая между нами разница? Никакой. Разве имеет значение, у кого больше волос на голове? Не имеет. Мы друзья! А потому – выпьем...

...Средь друзей хожу печальный,
Я, Симона, эх, Долидзе...⁸ —

затянул я песню.

– Как это – «печальный»? Что тебя печалит, дорогой? В школе обижают, да? Так вот, запомни мое слово – спалю я вашу проклятую школу! Или, может, враг у тебя завелся? Ты только скажи мне, кто он!

И Илларион потряс ружьем.

– Давай, пли, Илларион! Пусть узнает весь мир, арго мы – это мы! Ау-у-у!..

Илларион спустил оба курка, ружье громынуло, эхо, словно пташка в клетке, долго бросалось от горы к горе, потом, найдя выход, выпорхнуло и умчалось куда-то...

...Я проснулся от холода, протер глаза и огляделся. По-

⁸ Из популярной грузинской песни о народном герое Симоне Долидзе.

видимому, Мурада давно закончил завтрак, убрал все со стола и куда-то ушел...

Я разбудил Иллариона.

– Не стой над головой, точно стражник! – огрызнулся он. – И убери, ради бога, ружье, еще выстрелишь, чего доброго, тогда берегись, расквашу твой дурацкий нос!

– Пройдусь немного, может, зайца встречу...

– Иди, иди... будешь стрелять – не забудь закрыть левый глаз! – крикнул мне вдогонку Илларион.

Не успел я сделать и десятка шагов, как услышал отчаянную ругань Иллариона:

– Вай, чтоб ты околела, паршивая! Дерьмо ты, а не собака! Лаять, что ли, тебе лень, ублюдок несчастный?!

– Что случилось, Илларион? – подбежал я с ружьем наготове.

– Вот, полюбуйся, пожалуйста, – сказал он, протягивая ладонь. На ней чернело несколько зернышек заячьего помета.

– Совсем еще теплые, понимаешь? – простонал Илларион и стал яростно давить пальцем зернышки. – Заяц только что был здесь, а твой проклятый пес и не учуял его!

– Где ты их подобрал?

– Да говорю же тебе, вот тут, рядом, в двух шагах! Ну-ка, живо, заходи сверху, а я подкараулю здесь! Заяц не мог уйти далеко!

Я взвел курок и медленно двинулся вверх по косогору. Вскоре я увидел общипанные побеги сои и заячьи следы.

Они вели к большому кусту орешника. Я несколько раз обошел куст, потом сильно пнул его ногой. Вдруг из куста выскочил заяц – настоящий заяц, длинноухий, косой, с белой полоской на спине.

– Держи! – взвизгнул я, словно ошпаренный, и выстрелил.

Заяц, смешно пригнув уши, стрелой помчался вниз.

– Илларион, не упускай его! – орал я.

– Я здесь, не бойся!

На минуту воцарилась гробовая тишина. Затем я услышал шелканье курка, потом Илларион громко сплюнул, потом что-то плюхнулось, раздались проклятия, стоны, вздохи и потом вдруг:

– Держи, держи, Зурикела, он бежит к тебе!

Я присел и вскинул ружье... Неожиданно где-то внизу бабахнул выстрел, другой, и в тот же миг раздался душераздирающий собачий визг. В глазах у меня потемнело, ноги подкосились, и я без звука опустился на землю...

– Мурада, дорогой, взгляни на меня! – Я поцеловал своего верного пса и горько зарыдал.

– Не плачь, сынок, возьми себя в руки, – сказал Илларион, смахивая слезу.

Мурада приоткрыл глаза и взглянул на нас.

Плакали все трое – я, Илларион и Мурада.

– Тебе больно, Мурада?

«Очень», – вздохнул бедный пес.

– Эх, почему у меня не отсохнут руки и не ослепнут глаза! – воскликнул Илларион.

«Ладно уж, Илларион, не убивайся... Не нарочно ведь – спьяна... Кроме того, знаю же я нрав твоего ружья – из него выстрелишь во врага, угодишь в друга... Помнишь, точно так же ты подстрелил свою собаку... Так что не стоит сокрушаться... Я на тебя не в обиде... Одно досадно: Ефросинэ будет рада! А впрочем, бог с ней, пусть радуется...» Сказав все это про себя, Мурада ласково потерся мордой о колено Иллариона.

– И он должен псом называться, а Илико – человеком! Где же тут справедливость? – вздохнул Илларион.

– Мурада, крепись, дружище! Потерпи немного! – нагнулся я к Мураде.

«Ну нет, брат, плохи мои дела... Как это у вас говорится? „Заживет, как на собаке“! А я вот умираю... Умираю, Зурикела...»

– Крепись, крепись, Мурада. Будь до конца мужественной собакой, – упрашивал Илларион.

«Вам, людям, горя мало: умрете – похоронят, оплачут. А кто нас хоронит? Никто. Если и зароят нашего брата, опять-таки потому, чтобы трупы наши не воняли...» По телу Мурады пробежала дрожь.

– Илларион, на помощь, Мурада умирает! – закричал я.

«Прощайте...» – Мурада в последний раз взглянул на меня, закрыл глаза и застыл.

– Кончился, чтоб отсохли мои руки, – тихо произнес Илларион и вытер рукавом слезы...

...Вопли и причитания бабушки всполошили все село. Примчались перепуганные соседи. Узнав, в чем дело, они возмутились:

– Вы что, люди, с ума посходили? Слыханное ли дело – поднимать такой шум из-за дохлого пса?! Что за ненормальная семья!

И разошлись...

Илларион весь день ходил, словно убийца перед казнью. Под вечер он позвонил мне и сказал:

– Должны похоронить. Вон там, под чинарой!

Вдвоем мы выкопали яму и торжественно предали земле останки нашего погибшего друга. Потом я выпросил у бабушки кувшин вина, и мы справили на могиле Мурады поминки.

Первый тост произнес Илларион:

– Зурико, сынок мой, – начал он, – безутешное горе привело нас сегодня сюда, к этой могиле. Из наших рядов ушел наш любимый друг и товарищ Мурада. Он всегда был верен нам, как собака, и если на том свете существует собачий рай, то врата его открыты для Мурады. Светлая память о нем всегда будет жить в наших сердцах. За упокой души Мурады! Выпьем!

– Благодарю тебя, Илларион... Выпьем!

– Вторым стаканом я хочу выпить за здоровье близких и

родственников покойного. Желая тебе счастья, благополучия и чтобы это горе было последним в твоей семье!

– Спасибо, Илларион!

...Во двор воровато прокралась черная собака. Она несколько раз обошла могилку Мурады, потом уселась поодаль и жалобно завывала.

– Плакальщики пришли, – сказал Илларион.

– Это собака Симона-мельника, мать Мурады, – сказал я.

– Господи помилуй! Поди сюда, собака!

Собака приблизилась к Иллариону. Он бросил ей кусочек мяса. Собака отвернулась и легла на землю.

– Собака, а ведь тоже чувствует! – сказал я.

– За родителей Мурады! Будь здорова, собака! Это я, ока-
янный, взял грех на душу! – сказал Илларион и выпил. Вы-
пил и я.

Во двор по очереди, одна за другой, вошли еще четыре собаки.

– Гляди, вот собака Асало... Эта – Датико... Вон та – Дес-
пинэ... Эта – Маки... А где же головастый пес Матрены?
Почему он не пришел? – спросил Илларион.

– Он был в ссоре с Мурадой. В прошлом году я стравил
их, и Мурада больно его искусал, – ответил я.

– И он решил сейчас свести счеты? Плевал я на такую со-
баку! Нет у нее ни чести, ни совести! Тьфу!

– Хозяин! – слышалось у калитки.

– Кто там?

– Можно к вам?

– Пожалуйста!

Во двор вошел семилетний мальчуган – сын Махаре Гогичайшвили.

– В чем дело, сынок? – спросил Илларион.

– Телеграмма на ваше имя!

– Покажи!

Мальчик протянул телеграмму. Илларион не спеша достал из кармана очки, тщательно протер их платком, водрузил на нос и начал читать.

«Молния. Зурикеле-собачнику и Иллариону Носатому. Примите мое глубокое соболезнование по поводу трагической гибели дорогого Мурады. Вместе с вами горько оплакиваю эту утрату. Горе мое безгранично, не знаю, переживу ли. Скорблю, что не могу присутствовать лично. Не знаю, как утешить вас. Будь вы неладны оба, горе-охотники, олухи царя небесного! Когда еще раз соберетесь устроить охоту на собак, непременно захватите меня с собой. Целую обоих в лоб.

Ваш скорбящий друг».

– Без подписи! – сказал Илларион. – От кого бы это, а? Поди сюда, сынок, – обратился он к мальчику. – Иди, иди, не бойся!

Мальчик подошел. Илларион так схватил его за ухо, что мальчишка завопил, как гудок чайной фабрики.

– Говори, кто дал телеграмму?

– Не скажу, убьет!

– Не скажешь? Тогда я убью тебя! Выбирай! – сказал Илларион, и гудок завыл с новой силой.

– Илико Чигогидзе дал три рубля, велел отнести телеграмму и молчать, не то язык вырвет.

– Илико, говоришь?

– Илико.

Илларион отпустил мальчика и кулаком ударил себя в грудь:

– Ну, погоди же, кривой черт! Ты у меня еще попляшешь!..

Мне искренне стало жаль Илико.

Наступила ночь, обыкновенная сельская ночь. И все вокруг было мирно и спокойно, словно в тот день никто в нашей семье не умирал...

Кровь за кровь

Нынешний учебный год я опять закончил с переэкзаменовкой по русскому языку. Два раза в неделю я ходил заниматься на дом к преподавательнице. Вознаграждение за труды выплачивалось натурой: полпуда лобио, четыре головки сыра и пуд вина с нового урожая. По сравнению с прошлым годом дань выглядела ничтожной – в прошлом году у меня были две переэкзаменовки.

Мой учебный день начинался так:

– Вставай, вставай, бездельник! Хватит тебе валяться! Опоздаешь! – доносился со двора голос бабушки. Я тотчас же вскакивал, несколько раз пробежал по комнате, громко стуча ботинками; с грохотом передвигал стулья, затем на цыпочках возвращался к кровати, забирался под простыню и продолжал прерванный сон. Окончательное пробуждение наступало в момент, когда вместе с ушатом холодной воды на мою грешную голову обрушивались громы и молнии, исторгаемые бабушкой:

– В кого только ты уродился этакий бездельник и непутевый?! Чтоб ты провалился сквозь землю, бессовестный ты человек!

– Ну что тебе от меня нужно?

– Смерти твоей, мерзавец! Похоронила бы тебя рядом с Мурадой и оплакивала бы по-русски. Да, по-русски, болван!

Что, не научилась бы? Вся Россия по-русски говорит, а ты что за тупица такой? Ну, назови мне кого-нибудь в нашей семье, кроме тебя, чтоб русского не знал?! Эх, бедный твой дед! Семь лет прожил в России и выучил русский язык лучше самого начальника почты Ивана.

– Што ви гаварице! – удивлялся я.

– Да, да, не тарашь, пожалуйста, глаза! Два часа покойный говорил с Иваном, два часа слушал его Иван с разинутым ртом, а потом повернулся к народу и сказал, что подобной русской речи он в жизни своей не слышал. Вот как оно было!

– Нэ может биц! – опять удивлялся я, после чего следовали знакомый свист хворостинки и мое поспешное бегство по направлению к дому учительницы.

– Здравствуйте, учительница! – представал я пред очи учительницы Заблоны.

– Здравствуй! Что мы сегодня будем делать? – вопрошала она.

– Сегодня? Закончу прополку кукурузы, потом – корову на выпас, потом – сбегая на мельницу, потом – наколю дров, а потом – уроки, – говорил я, мешая русские и грузинские слова.

– Ну, валяй! – благословляла учительница, и я приступал к занятиям. После полудня начиналось выпрашивание пройденного материала.

– Как с кукурузой?

– Все в порядке, учительница!

– На мельницу сходил?
– Сходил, учительница!
– Корову напоил?
– Напоил, учительница!
– Дрова?
– Хватит на неделю!
– Что такое грамматика?
– Грамматика греческое слово!
– Правильно, молодец, ты хороший мальчик! Ну, беги домой!

Однажды утром я совсем уже было подготовился к очередным занятиям, как к нам во двор пожаловал Илико.

– Ольга, дорогая моя, одолжи-ка сегодня мне своего Зурикелу!

– Да? А русскому языку ты его будешь обучать, что ли?

– Такому русскому, какому учит его Заблону, я тоже могу научить. Поставлю его на прополку огорода, и так он у меня намахается мотыгой, что его язык тебе китайским покажется! И ни лобию, ни вина за это не возьму!

– Чтоб у тебя язык отсох, кривой черт! А все-таки зачем он тебе понадобился?

– Это уж не твоя забота, дорогая! Ты только отпусти его.

– Ладно. Прохвост, ступай с кривым, чтоб ему и второй глаз выклевали! Посмотрим, чему он тебя научит.

– Вперіот! – скомандовал Илико и бодро зашагал к воротам.

– В чем дело, Илико? – спросил я.

– Просьба у меня к тебе, Зурикела: хочу послать тебя к Иллариону...

– Это еще зачем?

– Нужно выпросить у него пуда три вина – знаешь ведь, вино у Иллариона лучшее в селе.

– Лучше выпроси у бабушки, она не откажет.

– Благодарю покорно! Мне вино нужно, а не уксус. Я не огурцы мариновать собираюсь.

– Так и передам бабушке.

– Передашь, зашью тогда тебе этот рот, что растянул до самых ушей, – и делу конец! Лучше делай, что говорю. Иди к Иллариону и попроси – пусть продаст или одолжит вино. Он уважает тебя, не откажет...

– Кому нужно вино? Тебе? Вот ты сам и проси...

– Зурико, дорогой мой, милый, без ножа меня зарезать хочешь? Сделай одолжение, выполни мою просьбу, ведь он после той телеграммы меня на выстрел к себе не подпускает... А если он откажет, тогда...

– Что тогда?

– Тогда... Тогда ты должен пометить кувшин, в котором он хранит «Цоликаури»⁹. И я выкину с ним такой фокус, что вся деревня говорить будет.

– Какой фокус?

– А вот какой: вино из помеченного кувшина Иллариона

⁹ «Цоликаури» – сорт вина.

в полночь перекоцует в мой кувшин. Понял?

– Да ты с ума спятил, Илико!

– Не ори, болван! Забыл, чей табак куришь?

– Подумаешь! От твоего табака того и гляди чахотку наживешь!

– Ну ладно, лучше поговорим о деле. Десять пригоршней табака, и ты – могила. Идет?

– Сейчас же дашь?

– Ну конечно.

– Ладно, иди домой, я сам приду к тебе с ответом.

– Ну смотри!

– До свидания!

Илико поцеловал меня в лоб, потрепал по щеке и, про-
сверлив меня единственным глазом, проникновенно сказал:

– Слышь, Зурикела: изменить Илико Чигогидзе – все равно что изменить родине. Не забывай об этом...

– За кого ты меня принимаешь? – обиделся я.

Успокоенный Илико бодро зашагал домой, а я отправился к Иллариону.

Солнце щедро подрумянивало рассыпанные по всему балкону сушеные яблоки. Сам Илларион полулежал на разостланной под липой козьей шкуре и очень старательно читал газету недельной давности. В нашем селе вообще не существует сегодняшней, вчерашней и позавчерашней газеты, все газеты недельной давности.

– Здравствуй, Илларион!

– Зурикеле привет!.. Что нужно было чуть свет этому кри-
вому черту?

– Просто так зашел.

– Все же что говорит этот разгильдяй?

– Вина, говорит, хочу. Пойди, говорит, к Иллариону,
пусть, говорит, одолжит или продаст три пуда.

– А стрихнина он не хочет?

– Нет, вина, говорит, хочу.

– Такого вина, какое можно на этого сумасброда расходо-
вать, у меня нет!

– Жалко его, дай!

– А он нас пожалел, когда подсунил наперченный табак?
А про телеграмму ты забыл?

– Это правда!

– Ну и не уговаривай меня!

– Знаешь, что он сказал!

– Ну?!

– Если, говорит, Илларион откажет, ты, говорит, пометь
кувшин с лучшим вином, а я, говорит, его в полночь опусто-
шу в два счета...

– Ах вот как?! Ну, Зурикела, теперь мне нужна твоя по-
мощь! За мной, знаешь ведь, не пропадет!..

Вечером я сидел у Илико и отчаянно торговался:

– На тебе две пригоршни табаку, и больше не проси!

– Что такое! Выходит, даром я кувшин помечал?

– Ну, черт с тобой, бери четыре!

– Десять!

– Четыре!

– Десять!

– Сдохнешь, дурак! Пожалей свои легкие!

– Это не твоя забота! Гони табак.

– Пять!

– Или давай все десять, или я сейчас же иду к Иллариону и выкладываю ему все!.. До свидания!

– На, на, чтоб лопнуло твое ненасытное брюхо, мерзавец! – Илико в сердцах высыпал передо мною десять пригоршней золотистого табака и добавил: – Только решено: ночью пойдешь со мной и поможешь!

В полночь я и Илико лежали под выломанным забором у марани¹⁰ Иллариона в мокрой от росы траве.

– Апчхи!.. Апчхи!.. Апчхи!.. – чихнул я три раза подряд.

– Чтоб ты не вырос больше, холера тебе в бок! Верзила, не можешь справиться с собственным носом! – рассердился Илико и дал мне сильного тумака.

– Вон тот кувшин... тридцатипудовый, видишь, палка воткнута, – шепнул я Илико.

Илико просунулся в проделанную в заборе дыру и по-пластунски пополз к кувшину. Я запихал бурдюк за пазуху и последовал за ним.

– Ну, начнем! – шепотом приказал Илико и протянул мне мотыгу.

¹⁰ *Марани* – винный погреб.

Работали быстро и бесшумно. Спустя пятнадцать минут показалась крышка кувшина.

– Открывай! – сказал Илико и приготовил бурдюк.

Горло кувшина было так велико, что мы вдвоем пролезли бы внутрь.

Я с трудом приподнял крышку, Илико быстро нагнулся, всунул голову в кувшин и вдруг зарычал:

– Что это? Кувшин пустой!!!

– Ну что ты, Илико, он полный, ты глубже посмотри!

Илико залез в кувшин почти по самые плечи.

– Держи воров! Ух вы, мошенники! – заорал вдруг Илларион, соскакивая с дерева. – Ни с места, стрелять буду!

– Спасайся, – гаркнул я, хватая Илико за ноги.

Тот в испуге рванулся и... провалился в кувшин. Илларион схватил меня.

– Ты кто? Говори, не то прикончу на месте!

– Это я, Илларион! Не убивай меня! – взмолился я дрожащим голосом.

– А где второй?

– Не знаю!

– Говори, не то прикончу!

– Не знаю, дядя Илларион!

– Кто он?!

– Не знаю!

– Как ты не знаешь, вы же вместе были!

– Не знаю!

– Сейчас же закрой этот кувшин, пока я из тебя душу не вытряс, а потом я с тобой еще поговорю! – сказал Илларион и закатил мне такую оплеуху, что вместо предусмотренного по плану хныканья у меня вырвался отчаянный вопль.

Я быстро закрыл крышку, придавил ее большим камнем и, взявшись за мотыгу, собрался было засыпать кувшин землей, как вдруг из чрева его раздался голос:

– Всесильный Боже, святые угодники, пусть разверзнется земля и поглотит всех плутов, подлецов, прохвостов и двуличных людей! Господь всемогущий, ниспошли гром и молнию на головы Иллариона Шеварднадзе и Зурикелы Вашаломидзе! Одурачили меня, нехристи!

– Эй, кто там? Говори, не то башку размозжу! – крикнул Илларион, просовывая в кувшин дуло ружья.

– Это я, Илико. Убери ружье, носатый черт, не бери греха на душу.

– Подонок ты, а не Илико! Что тебе понадобилось в пустом кувшине?

Я чуть не задохнулся от смеха.

– Илларион, живо хоронишь меня? Побойся Бога!

– Нечего мне бояться! Вот замурую тебя, нехрестя этакого, Бог даже благодарить меня будет!

– Выпусти, Илларион!

– Пойди-ка, Зурикела, разбуди соседей, пусть все увидят, какой у меня в кувшине одноглазый барсук сидит!

– Илларион Шеварднадзе! Не срами меня на все село!

Хватит, что я задыхаюсь в этом гнилом кувшине! Довольно шутить!

– Я не шучу вовсе, сейчас закупорю кувшин и через месяц буду гнать из тебя водку!

– Кому она нужна, такая вонючая водка, еще людей отравишь! – сказал я.

– Зурикела! Продал меня, как козу, подлец!

– А ты лучше про наперченный табак вспомни и про телеграмму! Сиди вот теперь в кувшине и дыши серой!

– Хватит вам издеваться над человеком, безбожники! Остаток дней в кувшине доживать мне, что ли?

– Выпустим его, жалко! – сказал я.

– Ладно уж, пусть вылезает! Только пускай громко крикнет: «Я олух».

– Согласен? – спросил я Илико.

– Олух я, олух! – обреченно выкрикнул Илико.

Выбравшись из кувшина, он так глубоко вдохнул сырой ночной воздух, как будто был членом экипажа подводной лодки, вернувшейся из длительного плавания. Потом поднял бурдюк и, согнув указательный палец, сказал:

– Что ж, ваша взяла, сдаюсь.

Отвернулся и, бормоча что-то себе под нос, направился к калитке.

– Ты куда, неблагодарный! Не хочешь благословить нас? – крикнул Илларион.

– Благословит вас Бог, большое вам спасибо, уважили ме-

ня! – сказал Илико.

– Да не так, кривой! Погоди!.. А ну, разгреби кувшин, Зурикела! – приказал мне Илларион, указывая на полный кувшин.

Прежде чем взяться за мотыгу, я достал полученный от Илико табак и скрутил сигарку.

– Не кури, Зурикела, табак перченный, – робко предупредил меня Илико.

...До последних петухов в марани Иллариона не затихали песни, проникновенные тосты и звуки громких поцелуев.

Утром я и Илларион с трудом волокли Илико и огромный бурдюк с вином...

Сторож

Как-то я возвращался из школы сокращенным путем, через чайные плантации. Созревшая «изабелла»¹¹ лукаво поглядывала на меня сквозь листву деревьев. Я не выдержал, повесил сумку на сук и мигом очутился на самой верхушке дерева. Виноград оказался изумительным! Горожане почему-то говорят, что «изабелла» отдает клопами. Не берусь судить – клопов я никогда не пробовал, но если это действительно так, то браво клопам! Сперва я глотал виноградины целиком; насытившись, стал есть медленнее, смакуя и выплевывая кожуру.

– Эй, кто там на дереве? Кто это расхищает колхозное добро?! – раздался вдруг грозный окрик.

От неожиданности я чуть не свалился с дерева, но вовремя схватился за ветку и затаил дыхание.

– Кому говорят? Оглох ты, что ли?!

Я поглядел вниз. Под деревом стоял Илико – в соломенной широкополой шляпе, с перекинутой через плечо веревкой и топором за поясом. Тут же рядом тощая коза, смешно шевеля губами, подбирала виноградную кожуру.

– Ты что, не слышишь меняй А?! Говори, кто ты такой? Кто дал тебе право распоряжаться колхозным виноградом? Нечистая сила ты, что ли? Отвечай сейчас же!

¹¹ «Изабелла» – сорт винограда.

– Дьявол я, дьявол!

– Будь ты трижды дьявол, все равно должен знать, что колхозная плантация – это тебе не райский сад, чтоб каждый голодный сукин сын и проходимец обжирался тут виноградом! Спускайся вниз, не то живо стряхну тебя оттуда!

– Поднимись сюда, здесь поговорим!

– Сойди вниз, говорят тебе!

– Не сойду!

– Не сойдешь?

– И не подумаю!

– Ну и сиди, пожалуйста, посмотрим, сколько ты выдержишь! А мне спешить некуда! – сказал Илико и уселся под деревом.

Я продолжал спокойно уплетать виноград.

Прошел час. Наконец Илико не выдержал и окликнул меня:

– Черт проклятый, что ты там делаешь?

– Гнездо себе выю! – ответил я.

– По-хорошему тебе говорю: спустись вниз и добровольно следуй за мной в контору!

– Подожди, пока поем!

– Да ты человек или давяльня? Спускайся немедленно!

– Не спущусь!

– Значит, не подчиняешься власти?

– Нет!

– Хорошо. Тогда вот тебе веревка, вот топор, иди и сам

сторожи!

– Что ты пристал ко мне! Вот человек! Иди своей дорогой и оставь меня в покое!

– Последний раз предупреждаю: сойди с дерева! Иначе позову людей!

Тут только Илико заметил на суку мою сумку.

– Ага! Сейчас-то ты никуда не денешься. Узнаю ведь, кто ты такой!

Илико устроился поудобнее, взял сумку за углы и одним рывком вытряхнул на землю все содержимое.

– «Декамерон»... – прочел он и отложил книгу в сторону. – «Как закалялась сталь»... «Один среди людоедов»... «Тристан и Изольда»... «Витязь в тигровой шкуре»... Да кто ты такой в конце концов, чертов сын?! И где ты учишься, в какой школе, что ни тетради, ни карандаша у тебя нет! – обозлился совсем потерявший надежду Илико.

– Это я, Зурикела, дядя Илико!

– О-о-о, чтоб тебя разорвало, прохвост ты этакий! Ну и извел же ты меня, подлец! Скатывайся сейчас же вниз да захвати с собой пару гроздей!

Я тотчас же спустился с дерева и крепко обнял Илико.

– Как живешь, дядя Илико?

– Он еще спрашивает, бесстыдник! Целый час морочил мне голову! И все теперь пошло насмарку!

– Как – насмарку? – не понял я.

– А так... Вот уже полгода, как я работаю полевым сторо-

жем. Знаешь ведь об этом?

– Знаю, конечно. Ну и что?

– Дали мне, значит, коня... Не конь, а дьявол! Прошлый раз забралась на поле корова хромого Сипито... Я – с коня долой и – цап корову за хвост!.. Оглядываюсь, где конь?! Погнался за конем, еле поймал проклятого, оборачиваюсь – где же корова?! Отпустил коня, погнался за коровой, поймал ее, а коня нет! Оставил корову, стал ловить коня, а тут корова пропала. Короче говоря, бегал целый день с высунутым языком от коровы к коню, пока оба не сбежали. А вчера на общем собрании получил нагоняй от председателя: или, говорит, выполняй свои функции добросовестно, или, говорит, сниму с поста...

– А я тут при чем?

– При том! Увидел я вора на дереве и подумал: спасся! Поймаю сейчас его, отведу в контору, и пусть потом посмеет председатель говорить: Илично, мол, плохо работает! А сейчас что буду делать, просто не знаю!

– Доставь в контору меня!

– Ты что, ошалел? Хочешь, чтоб твоя бабушка выколола мне последний глаз?!

– А что будешь делать?

– Отведу председателю козу. Пусть делает с ней что хочет!

– А коза-то чья?

– Как это чья? Моя! Ты что, первый раз ее видишь?

– Но ведь она носила бороду?

– Носила. А теперь я ее остриг.

– Почему?

– Чтоб не узнали. Иначе нехорошо получится – сторож ловит собственную козу!

– А дальше?

– Ничего. Все равно в ней никакого проку. Ее хоть молоком пои, она доиться не станет... И на мясо она не годится – одна кожа да кости. От нее мне только убыток.

– А вдруг узнают?

– Куда там! Мне самому и то не верится, что это моя коза... Ну, будь здоров, сынок! Спасибо за виноград, а то глотка совсем пересохла!

– До свидания, Илико!

– Смотри, Зурикела, дорогой, не проболтайся Иллариону, погубит меня, – попросил Илико.

– Не бойся, Илико!

...Спустя месяц в награду за хорошую работу Илико получил от правления колхоза заметно пополневшую козу...

Общее собрание

На пригорке стоит одинокая ель. На ней висит старый колокол, снятый с часовни разрушенной церкви. Прежде чем совсем разрушить, церковь эту перестраивали несколько раз: сперва под клуб, затем – под склад, потом устроили в ней хлев, потом – медпункт, потом – библиотеку; после этого хотели переделать под гараж, но двери оказались слишком узкими для машин. Тогда церковь разобрали и построили пекарню. Потом пекарню переделали в читальню. Сейчас опять разрушили. Илично говорил бабушке, что, кажется, снова под церковь перестраивают. В Бога я не верую, так что мне все равно, что они там построят. Бабушка моя тоже не очень-то верует, но все же лучше, говорит, церковь, чем читальня.

Так вот, висит, значит, теперь тот колокол на ели. Утренний звон колокола оповещает о начале занятий в школе, вечерний – о пожаре или общем собрании колхозников.

Меня, как единственного в семье мужчину, всегда приглашают на собрание, но только с правом совещательного голоса.

Сегодня колокольный звон раздался вечером. Дыма и огня не было видно – значит, звали на собрание.

– Зурико, идешь? – раздался голос Иллариона.

– Иду, иду, Илларион! – крикнул я, мигом перемахнул через плетень и зашагал рядом с Илларионом. – По какому со-

бираемся делу, не знаешь? – спросил я.

– А что тут знать? Опять по вопросу конторы, наверное!

Собрание уже началось. Мы заняли места в заднем ряду и прислушались. Говорил председательствующий – колхозный бухгалтер Алфез:

– Значит, так: наш Авксентий, когда его избрали председателем, велел разобрать здание конторы и перенести его ближе к своему дому. Потом, вы помните, председателем избрали Кирилла, и контора перекочевала на новое место. В прошлом году контора стояла перед домом Димитрия. Теперь вот наш новый председатель Шалва требует перенести контору к его дому. Ну, кто хочет высказаться? Только предупреждаю: регламент – пять минут! А то знаю я вас: вам дай только слово, потом и не остановишь...

– У меня вопрос!

– Ну, что там у тебя, говори, Трифон!

– Вы как желаете, уважаемый Шалва: новое здание конторы построить перед вашим домом или старое перенести и заново перекрыть?

– Трифон Сихарулидзе! – вскочил председатель. – Ты мне зубы не заговаривай, а говори серьезно, не то я тебе покажу твое место! Контору нужно разобрать и поставить перед моим домом! Понятно? Не могу я столько времени терять! Утром выхожу чуть свет и только к вечеру в контору попадаю!

– А ты ускорь шаг, дорогой Шалва!

– Кто это сказал? А ну встань, покажись!

– Товарищи, ближе к делу! У кого еще вопрос?

– У меня! – сказал Макарий Цхоидзе и так откашлялся – чуть голосовые связки не порвал.

– Давай жми, Макарий!

– Куда девалась породистая телка, которую я в прошлом году привез из Самтредиа?

– Не пережила, несчастная, благополучного разрешения нашей уважаемой председательши.

– Кто это сказал? А ну встань, покажись, провокатор!

– У меня есть предложение. Разрешите? – спросил Илларион.

– Дайте слово Иллариону!

– Товарищи, нечего теперь вспоминать да уточнять, куда девалась телка, почему казенный стройматериал пошел на постройку дома председателя, каким образом колхозное вино очутилось в председательских кувшинах... К чему это?.. Узнают люди, нас же и засмеют... Нельзя выносить сор из собственной избы...

– Илларион Шеварднадзе! Ты тоже хороший провокатор! Погоди, ответишь мне за клевету! А сейчас лучше садись!

– Дайте человеку досказать! Правду ведь говорит! – вмешался Илико.

– Так вот, я говорю: может, было бы лучше наоборот сделать: разобрать дом председателя и перенести его ближе к конторе?!

– Что ты, Илларион, только что он перекрыл новый дом, и уже разбирать?

– Тогда сделаем так: переселим председателя в контору, а его дом займем под контору.

– Да ты что, с ума сошел? – взорвался председатель. – Взамен моего нового дома хотите подсунуть гнилую хибарку?!

– Есть еще одно предложение: разобрать председательский дом и поставить его во дворе конторы, потом разобрать контору и перенести ее на место дома!

– От перестановки слагаемых сумма не меняется! – сказал учитель.

– Тогда все! Больше предложений не имею! – Илларион сел.

– У меня есть предложение, – сказала Маргарита Чантурия. – Завтра к нам приезжают тбилисские артисты, а так как материал для клуба пошел на постройку председательского дома, мы проведем концерт у него.

– О чем я думал, когда тебя звеньевой назначал!

– У меня вопрос, – встал кто-то. – Когда председатель думает начать ремонт школы? Классные комнаты вот-вот обрушатся.

– Зачем ему классы? Он строит бесклассовое общество! – сказал Илларион.

Председатель побледнел. Дело осложнялось.

– У меня есть хорошее предложение! – поднял руку Илько.

– Говори!

– Друзья, мы опять отступаем от главного вопроса: где нам ставить контору?

– Что же ты предлагаешь?

– Может, не стоит вообще разбирать контору? Не лучше ли сложиться нам всем миром и купить председателю М-1?

– Ни в коем случае! Погубить нас хочешь? А вдруг, не дай бог, случится авария? Что нам, сиротам, тогда делать без председателя? Лучше уж посылать каждое утро к нему на дом двоих здоровых парней, и пусть они его на руках приносят в контору!

– Не хватает того, что на голове у нас сидит, еще и на руках его таскать?!

– Ладно, есть еще одно предложение... Где наш шофер?

– Здесь я, Илико!

– Ну, как у тебя дела, как чувствует себя твоя машина?

– Ничего, спасибо... А как ваше здоровье?

– Благодарю, не жалуюсь... Нет ли у тебя лишних четырех колес?

– А зачем тебе колеса?

– Приделаем колеса к конторе и будем перекачивать ее туда и обратно, туда и обратно!

В зале поднялся хохот.

– Илико Чигогидзе! – встал председатель. – Запомни сегодняшний вечер... Если ты не пожалеешь об этом, плюнь мне в лицо!

– Пожалуйста, дорогой Шалва, пожалуйста... Просил тебя назначить меня почтальоном – ты назначил сторожем... Это меня-то, одноглазого! Инвалида! Что же ты еще можешь сделать со мной?

– А ты небось хотел бы стать председателем? Да?

– А почему бы и нет? Думаешь, я не смог бы построить себе дом из колхозных материалов? Или аппетит у меня хуже твоего?

Шалва смешался.

– Так на чем же порешили? – спросил председательствующий.

– Разреши сказать! У меня есть предложение! – выкрикнул вдруг я и сам испугался своей смелости.

– Молчи, сопляк! – зашикали на меня.

– Пусть говорит! – крикнул Илико. – Каждый участник собрания имеет право голоса!

– Ну, говори, говори, прохвост! – зашумело собрание.

– У меня есть предложение... Поскольку все село в сборе и собрание близится к концу... Нельзя же расходиться без определенного решения!

– Не морочь нам голову! Выкладывай наконец, какое у тебя предложение!

– Воды, если можно... – еле выговорил я. – Во рту у меня пересохло.

– Дайте ему воды, чтоб его!..

Я не спеша опорожнил полграфина, вытер губы и продол-

жал:

– Поскольку дело так обернулось и мы никак не придем к общему решению...

– Говори покороче, негодяй! Сил больше нет!

– Предлагаю: снять председателя и избрать нового – который бы жил поближе к конторе!

Наступила мертвая тишина. С дрожью в коленях я ждал – вот-вот грянет гром...

И гром действительно грянул. Это было первое предложение, которое я произнес на общем собрании и которое прошло единогласно.

– Слава богу! Наконец-то нашелся один умный человек! Если бы не он, сидели бы мы тут до утра! Завтра выберем нового председателя, и делу конец! – Илларион подошел ко мне и поцеловал в лоб.

Бурка, сапоги и носки

Зима в этом году выдалась лютая. Беспреданно валил снег, дул пронизывающий ветер, проникал сквозь щели в нашу комнату. Бабушка сперва затыкала их тряпками, затем принялась за мои домашние тетради. Трудно представить, с какой радостью я помогал уничтожать эти позорящие меня документы!...

Наконец щели в стенах были забиты, и в комнате потеплело. А на дворе по-прежнему бушевала метель. Мы с бабушкой сидели у камина. Бабушка рассказывала какую-то сказку и время от времени искоса поглядывала на меня, проверяя, слушаю я ее или нет. Я медленно жевал кислый лаваш и думал о своем. Молодой царевич, перебив стражу, добрался до заветных дверей хрустального замка и уже готов был заключить в объятия томившуюся в неволе красавицу, когда на нашем балконе раздался топот ног.

– Взгляни-ка, кто там! – сказала бабушка.

Я выглянул в окно. На балконе стояли Илико и Илларион и отряхивали с себя снег. Я открыл им дверь.

– Добрый вечер! – поздоровался Илларион, швырнув в угол новенькие лыжи.

– Откуда лыжи, Илларион? – спросил я.

– За ночь снегу выпадет по колено. А утром кто вместо тебя в школу пойдет? Примерь-ка, балбес! Твои лыжи...

Я обнял Иллариона и чмокнул его в холодные колючие щеки, потом с мольбой взглянул на бабушку. Она понимающе улыбнулась, кряхтя поднялась и направилась к чуланчику, который почему-то называла «кассой». Спустя минуту перед камином появился низенький столик, а на нем бутылка водки, чурчхелы¹², яблоки, груши.

– Зря хлопчешь, Ольга, ей-богу, не стоит беспокоиться, мы ведь зашли просто так, поболтать! – сказал Илларион.

– Воля ваша, я могу убрать, – сказала бабушка, протягивая руку к бутылке.

– Не хочешь – скатертью дорога, а за других ты не болтай! – рявкнул Илико на Иллариона и быстро схватил бутылку.

– Как, разве ты пьешь водку? – На лице Иллариона было написано такое изумление, словно он вдруг увидел доисторического ящера.

– В такой холод не только водку – термометр проглотишь, лишь бы градусы были, – сказал Илико и наполнил стакан.

– Холодно! – сказал Илларион, тоже налил, выпил и закусил яблоком. – Эти яблоки, Ольга, осенью у тебя такие кислые, что если свинья попробует, и та с привязи сорвется, а сейчас с чего они такие сладкие стали?

– Пой, ласточка, пой, – улыбнулась бабушка. – Тебе лишь бы водку подать, так ты сам в сахар готов превратиться!

¹² *Чурчхела* – национальное лакомство; нанизанные на нитку орехи в застывшем виноградном соке, смешанном с мукой.

Налили по второй. Выпили. Потом по третьей.

– Сегодня наш почтальон заходил ко мне... – начал Илларион. – Извещение принес... О гибели сына Герасима... Я, говорит, не смогу ему сказать... Скажи, говорит, ты...

– Сынок, сынок! Горе твоему отцу!.. О несчастный Герасим! – запричитала бабушка.

– Погиб в Керчи, бедный парень... Седьмой убитый в нашем селе... – продолжал Илларион.

– Ты сказал Герасиму? – спросил я.

– Да ты что! Человек со дня на день ждет возвращения сына, как же у меня язык повернется...

– О Господи, накажи этого изверга Гитлера... Чтоб не было в жизни счастья ни ему, ни семье его, ни близким!.. – плакала бабушка.

– Что же ты собираешься делать? – спросил я опять.

– А вот что! – Илларион достал из кармана сложенный листок бумаги, долго глядел на него, потом быстро нагнулся и бросил бумагу в огонь. Вспыхнувшее пламя на миг озарило лицо Иллариона. По его небритым щекам катились две крупные слезинки. – Если парень жив – бог даст, объявится рано или поздно. А нет – пусть ждет несчастный отец... Надеждой жив человек... Ты смотри, Зурико, не проговорись! Слышишь?!

– Слышу...

– Ольга! – донеслось с балкона.

– Кто там? Входи!

В комнату вошел наш сельский агитатор Вашакидзе.

– Извините, что так поздно, но, понимаете, дело у меня неотложное!

– Привет агитатору! – Илико налил водку. – А ну, бери стакан!

– Пожалуйста, к огню! – пригласила бабушка.

– Ну, что скажешь нового, агитатор? Как идут дела на фронте? – спросил Илларион.

– Дела на фронтах Великой Отечественной войны идут неплохо. Наступление противника приостановлено. Гитлеровский план молниеносной войны потерпел крах! – выпалил агитатор.

– Погоди, погоди... Об этом мы читали в газетах месяц тому назад... Ты что-нибудь новое скажи!

– Новое? Дело у меня к вам серьезное. Слушайте!

– Начинай! – скомандовал Илларион.

Агитатор встал, кашлянул и начал так, словно выступал на многотысячном митинге:

– Товарищи! Социалистическое отечество в опасности! Вероломный враг стремится своими кровавыми лапами задушить нашу свободу и независимость! Доблестная Красная армия наносит фашистским захватчикам сокрушительные удары!..

– Что ты заладил, чудака, по-газетному! – прервал агитатора вышедший из терпения Илико. – Скажи прямо, в чем дело?

Агитатор смутился.

– Ну, говори, говори, что тебе нужно? – подбодрил его Илларион.

– Да вот, подарки для красноармейцев собираем... Может, и вы чем-нибудь поможете... – сказал агитатор и облегченно вздохнул.

– Так бы и сказал, сынок, а то начал с Адама и Евы... – улыбнулась бабушка.

– А какие нужны подарки? – спросил Илико.

– Всякие: фрукты, чурчхелы, теплая одежда, варежки, носки теплые... Сегодня четверг, в понедельник от имени нашего села на фронт отправится вагон подарков... Если что надумаете, несите сюда, к Ольге. Завтра зайдут наши ребята, заберут.

Агитатор попрощался и ушел.

Мы долго сидели молча и думали – что бы такое подарить красноармейцам...

Тишину первым нарушил Илико:

– Какие у меня есть сокровища? Одна бурка, и та вон торчит за дверью... Встань, Зурикела, тащи ее сюда! – Я удивленно взглянул на Илико.

– Что ты вылупил глаза? Мир провалится, что ли, если такой старый хрыч, как я, не будет бурку носить?! Все равно уже весна скоро! Неси сюда бурку!

Я вышел на балкон и тотчас же вернулся с буркой – черной, почти новой буркой Илико, той самой, которой он укры-

вался, которую берег как зеницу ока и которую не одалживал даже Иллариону.

– Принес? Клади ее в угол... Придут ребята – отдайте, – сказал Илико, не глядя на бурку.

– Позор этому старому дураку – Господу Богу, что тебя одноглазым сделал! Я-то знал, что у тебя золотое сердце, но, честно говоря, не думал, что в такой высохшей груди лежит целый самородок, – сказал Илларион и почесал за ухом. Потом он беспокойно заерзал на стуле и вдруг сорвался и выскочил из комнаты.

– А я знаю, куда помчался носатый! – ухмыльнулся Илико.

– Куда? – спросила бабушка.

– Домой! Ты что, нрава его не знаешь? Теперь он мне назло перевернет весь дом! Да много ли у него добра, у голодранца!

Не прошло и пяти минут, как вернулся Илларион и молча поставил рядом с буркой Илико свои единственные новые сапоги.

– С ума сошел, несчастный?! – вскочил Илико.

– Вставай, старик. Поздно уже, ты что, ночевать тут собираешься? – сказал Илларион и направился к двери...

...Я проснулся от легкого шороха. Бабушка сидела на краю кровати и, стараясь не шуметь, одевалась. Потом так же бесшумно встала, на цыпочках прошла в «кассу» и вернулась с чесалкой в руках. Поставив чесалку у камина, она подошла к кровати, распоролa тюфяк и стала ключьями вы-

рывать из него шерсть. Затем уселась перед чесалкой на валившуюся там же козью шкурку и принялась чесать шерсть, раскачиваясь всем телом в такт движению рук и что-то монотонно бормоча про себя.

Я долго молча смотрел на бабушку, и глаза мои наполнялись слезами. Я думал о незнакомом солдате, для которого в эту лютую зимнюю ночь моя бабушка дрожащими от холода руками вязала теплые носки...

Литературный вечер

Холодные зимние вечера мы коротаем у Илико. В камине весело потрескивают дрова, на сковороде аппетитно шипит кусок окорока, тут же рядом греется вино в небольшом кувшинчике. А мы режемся в нарды или читаем вслух, но чаще всего беседуем о политике. Политика занимает нас больше всего, да разве только нас: стоит зима 1942 года, и немцы подошли к Москве.

...Илларион читает сводку Совинформбюро¹³. Потом не спеша складывает газету и безапелляционно заявляет:

- Конец Гитлеру!
 - Ну, что там в газете, Илларион?
 - Стали у Москвы и ни шагу дальше!
 - А что слышно про второй фронт?
 - Гм, не спешат союзнички... И вообще, хитрит Англия...
- К Америке пристаёт – отвернись, говорит, от Советского Союза и помощи мне.
- А Америка что?
 - Это, говорит, не твоё дело.
 - А тут ещё Германия уговаривает Турцию и Японию: как только, говорит, я вступлю в Сталинград, вы ударьте со своей стороны!
 - Может быть, она думает, что в Сталинград вступить –

¹³ *Совинформбюро* – Советское информационное бюро.

это все равно что в Красный Крест?! Напиши Верочке Бурчуладзе заявление, и тебя с аплодисментами примут, да?

– М-да-а... В последнее время, прямо скажу, не нравится мне политика Турции!

– О-о, это такой жулик... Стоит Турции заметить, что Германии тяжело, как она сразу же набросится на нее.

– Да что ты? Не говори!

– Вот – я! А вот – Германия! Сбрить мне усы, если так не будет!

– А Япония?

– Что – Япония... Германия ее торопит – начни, говорит, чего ты ждешь? А она в ответ: ты, говорит, как стала у Москвы, так и стоишь без движения. Скажем, начну я, а потом куда мне деваться?

– А что говорит Гитлер?

– Гм, Гитлер... Гитлер уже дважды объявлял по радио о взятии Сталинграда, да разве Японию проведешь? Это такая хитрая бестия... Нет, плохи их дела!..

– Дай бог!.. Налей, Зурикела!

Мы поднимаем стаканы и пьем за победу, за тех, кто на фронте, за мир.

– А я стихи вчера написал! – вдруг выпалил я.

– А ну, прочти!

Илларион от неожиданности выронил кусок ветчины. Я нерешительно взглянул на Илико. Илико поперхнулся вином и посинел, как петушиный желудочек. – Валяй, валяй, те-

перь уже все равно! – сказал он.

– Что ты сказал? – спросил, отдышавшись, Илико.

Илико и Илларион переглянулись.

– Ну-ка, прочитай, пожалуйста!

Я достал из кармана лист бумаги, встал, выпрямился, протянул вперед левую руку и как можно громче начал:

Враг коварный, враг проклятый,
Он на нас ползет войной!
Не бывать ему с победой —
Мы дадим смертельный бой!

Герои наши не дремлют,
Гремят наши пушки и танки,
А если потребует Родина,
Я смело пойду в атаку! —

закончил я и с трепетом стал ждать приговора.

– М-да-а-а... Написано довольно того... громко! – сказал Илларион после получасовой паузы.

– Это еще ничего, можно прочесть и тише... Но что с ним теперь будет? – ответил Илико, с сожалением глядя на меня.

– Скажи-ка, давно тебя тянет к стихам? – спросил меня Илларион.

– Уже месяц! – сказал я.

– Где же ты был до сих пор, несчастный, вовремя не мог

сказать, что ли? А теперь что делать будем? Бабушку твою бедную жалко мне, а я-то раньше знал, что в один прекрасный день ты все равно с цепи сорвешься! – сказал Илико и махнул рукой.

– Ну и как, легко они даются тебе?

– Ничего... За день сочиняю восемь-девять таких стихов! Бумаги нет, а то больше написал бы!

– Мало! – сказал Илико.

– Бабушка знает про твое стихоплетство? – спросил Илларион. Неожиданный вопрос застал меня врасплох.

– Нет.

– Ну так и не говори ей. Хватит старушке и другого горя... У тебя есть еще стихи?

– Есть. О любви...

– А ну, прочти!

Я нерешительно взглянул на Илико.

– Валяй, валяй, теперь уже все равно! – сказал он.

Я достал из кармана второй лист бумаги и начал потише:

Ночь. Луна плывет по небу,

Снег и ветер, час ненастья.

Я люблю гулять среди ночи,

Слезы лью я, слезы счастья.

Не могу сомкнуть я очи,

Ошалел совсем я, братья!

Молчание длилось добрых пять минут. Илико и Илларион

смущенно переглянулись.

– Что ты скажешь? – спросил наконец Илларион.

– Последняя строчка хорошо написана, с чувством...

– Но он говорил, что стихи – про любовь. Почему же о любви нет ни слова?

– Стесняется парень!

– Это же стихи, Илларион! В стихах всего не скажешь! – попытался разъяснить я.

– Во-первых, это такие же стихи, как я шах персидский! А во-вторых, если стихи про любовь, нужно хоть упомянуть про эту любовь.

– А ну тебя! Человеку не спится, он бродит по ночам и с ума сходит: что это, по-твоему, если не любовь?! – разозлился я.

– Ну, знаешь, дорогой мой. Илико всю свою жизнь был сумасшедшим, и бродит он больше ночью, чем днем, так он тоже влюблен? Как ты думаешь? – сказал Илларион.

– Эй ты, старик, языку волю не давай! – вскочил Илико. – Мальчишка нацарапал какую-то чушь, при чем тут я! Спрячь сейчас же свою мазню, негодяй! – набросился он на меня.

– Погодите, сперва разберем стихи! – остановил его Илларион. – Вот у тебя сказано: луна по небу плывет, и тут же – снег, буран. Как же это? А?

Неожиданный вопрос застал меня врасплох.

– И еще. Вот ты говоришь: бессонница у тебя, ветер, снег,

ненастье, мир рушится. Чему же ты радуешься? От какого такого счастья у тебя слезы льются, болван?!

– Да что вы в стихах понимаете, из ума вы оба выжили! – обиделся я.

Илико разлил вино. Илларион поднял стакан, привлек меня к себе и сказал ласково:

– Другая у тебя, дорогой мой, беда... Знаю я, отчего люди становятся поэтами... Когда я был мальчишкой вроде тебя, я тоже сочинял стихи. Помнишь, Илико?

Без нее я жить не буду!
Застрелюсь я! Где патроны,
Огонь любви меня сжигает,
Свет не мил мне без Матрены!

Илико утвердительно кивнул головой и захихикал.

– Тогда я и тебя принял за сумасшедшего, но потом все прошло... Так и с ним будет!

– Вот так-то, сынок... А стихи ты пиши! За это людей не наказывают... Твоей девчонке, если она такая же дура, вроде тебя, может, и понравится. А не понравится – не горюй. Эта маленькая пташка – любовь – только что снесла яичко в твоём сердце. Пройдет время – вылупятся птенчики, оперятся, полетят. А потом – айда... Будешь бродить по свету влюбленный... За твою любовь, мой мальчик!

Я стоял смущенный, с опущенной головой и молча слушал Иллариона... И мне казалось, что он бережно держал на

ладони мое сердце и читал все, что там было написано.

Первая любовь

– Чигогидзе!

– Здесь!

– Каландадзе!

– Я здесь!

– Сихарулидзе!

– Сихарулидзе заболел! Чкония, Центерадзе, Бурчуладзе,

Коридзе, Нинидзе и Глonti пошли провожать его.

– Пошли бы уж всем классом... – сказал сердобольный учитель. – Вашаломидзе! Вашаломидзе!! Ваша-ло-мидзе!!! – надрывался учитель и стучал по столу кулаком.

– Здесь я, уважаемый учитель!

– Будешь ты здесь или не будешь, все равно от этого мало пользы!

– «Быть или не быть, вот в чем вопрос!» – патетически изрек Ромули.

– Ромули Каландадзе, изволь выйти из класса!

– Холодно, учитель!

– Бери свою долю дров и убирайся! – поддержал я учителя.

Ромули вышел, бросив на меня испепеляющий взгляд. А над моей головой разразилась страшная гроза.

– Вашаломидзе, что было задано на сегодня?

– Применение соды...

– Ну, пожалуй-ка отвечать!

Я удрученно поплелся к доске.

– Слушаю вас!

– Существует несколько способов применения соды, – начал я. – Илико Чигогидзе, к примеру, насыпает соду на кончик языка и глотает прямо без воды; Илларион Шеварднадзе чайную ложку соды растворяет в стакане теплой воды, а моя бабушка...

– Вашаломидзе, убирайся вон!.. Кто живет с ним по соседству?

– Я! – встала Мери Сихарулидзе.

– После уроков отнесешь записку его бабушке... А ты чего стал! Вон из класса!

– Я-то уйду, но кто же в классе останется?

– Выходи... – прошептал учитель, поглядывая на чернильницу.

Я поспешно удалился. Вряд ли мог так сильно обрадоваться Колумб при виде земли, как обрадовался Ромули моему появлению.

– Вытурили?

– По твоей милости!

– Вот еще! Я-то при чем? Сидишь на уроке как пень... Думаешь, я не знаю, что ты влюблен?

– В кого, дурак?

– В Мери!

– Скажешь еще раз – получишь по морде!

– А я при чем? Весь класс об этом говорит.

– Да ты обалдел! Какое время нам любить?

– Подумаешь! Бабушка моя вышла замуж в четырнадцать лет!

– Ну и что ты хочешь?

– Я ничего. Если ты хочешь, скажу ей...

– Если бы любил, сам бы сказал...

– Как же, скажешь! В любви объясниться – это тебе не урок отвечать! Здесь без письма не обойтись!

– А ты писал когда-нибудь такие письма?

– Ого! Еще сколько!

Я испытующе взглянул на Ромули – не хитрил ли он? Но глаза Ромули светились неподдельной искренностью. Я поверил ему.

– Ромули, ты для меня все равно что родной брат... Ну, что скрывать... Помоги мне! Люблю ее, понимаешь?!

Ромули даже заржал от восторга. Он крепко обнял меня, приподнял, потом опустил на землю и заявил:

– Все в порядке! Остальное – за мной!

Свободного времени у нас было хоть отбавляй. Мы забрались в пустую классную комнату. Я уселся за стол, Ромули, заложив руки за спину, зашагал взад и вперед.

– Начнем... «Моя ненаглядная, дорогая, несравненная! Любовь – это величайшее чувство. От любви человек немеет, глохнет, слепнет, теряет рассудок...»

– Неправда! – возразил я.

– Знаю, но так нужно... Продолжай: «С тех пор как я впервые увидел тебя, я познал абсолютную истину красоты. Я понял смысл своего бытия, я воспринял тебя как апофеоз духовной красоты и эстетического наслаждения...»

– Ромули, откуда ты берешь такие слова? – спросил я, потрясенный.

– Один студент из Тбилиси прислал моей сестре письмо. Он влюблен в нее.

– И что же, она собирается выйти за него замуж?

– Собиралась. Но потом один наш знакомый из Тбилиси сообщил, что тот студент сошел с ума... Продолжай: «Нет смысла скрывать, я люблю тебя больше жизни. Будь моим духовным другом, молю тебя. Меня лишили покоя твои глаза, ресницы, твой взгляд, твои жемчужные зубы, коралловые губы, агатовые волосы, пальцы, руки – вся ты. С тобой навеки, или смерть мне! На этом кончаю. До свидания!...»

– Ну как? – спросил Ромули и подбоченился.

– Еще немного – и твоя сестра попалась бы на удочку, – сказал я.

– Камень прошибет! – сказал Ромули.

Я помчался на почту, купил конверт, вложил письмо, лизнул конверт, заклеил и спрятал его в карман.

К концу последнего урока я незаметно засунул письмо в сумку Мери и замер, как покойник. Я не слышал, как прозвенел звонок, как разошлись товарищи. Я все сидел за партой, словно в дурмане, и не двигался, пока не пришла убор-

щица.

– С каких пор ты так полюбил школу, Вашаломидзе, что и домой не идешь? Подними ноги, вымести надо, – обратилась она ко мне.

– Здравствуйте, тетя Мака!

– Господи помилуй! Ты что, впервые меня видишь сегодня?

– До свидания, тетя Мака!

– Спаси его Господи! – Женщина перекрестилась и, подозрительно косясь на меня, поспешно вышла из комнаты.

Вечером я снова сидел у Илико и сражался в нарды. Я так увлекся игрой, что почти забыл про письмо.

– Ну как, больше не написал стихотворения? – спрашивал меня Илико.

– Прочти, будь человеком! – ухмылялся Илларион.

– Илико! – раздалось со двора.

– Кто там?

– Это я, Ольга. Мой прохвост у тебя?

– Заходи, заходи, Ольга! Здесь он!

В комнату, сгорбившись, вошла бабушка, сняла шаль, поставила палку в угол, присела к огню и, помолчав немного, обратилась ко мне:

– Зурико, сынок, сколько лет твоему учителю химии?

– М-м-м, лет тридцать – тридцать пять... А в чем дело? – сказал я и превратился в слух.

– Он немножко... не того?.. Не тронутый?

– От такого ученика – да не тронуться! – сказал Илико.

– Что ты, бабушка! Да у него из ушей мозги капаят, – сказал я.

– Илларион, посмотри, ради бога, что он тут мне пишет! – сказала бабушка, протягивая Иллариону письмо.

Я похолодел...

Илларион надел очки, развернул письмо и спросил:

– Кто тебе принес письмо, Ольга?

– Мери, дочь Ладико Сихарулидзе.

Илларион не спеша начал читать:

– «Моя ненаглядная, дорогая, несравненная...»

– Это он тебе пишет? – спросил Илико бабушку.

– Мне, клянусь тобой!

Во рту у меня пересохло, руки похолодели, на лбу выступил пот. Илларион продолжал:

– «С тех пор как я впервые увидел тебя, я познал абсолютную истину красоты...»

– И где он меня видел, проклятый! – хихикнула бабушка и повернулась к Илико.

Тот сидел с разинутым ртом, не веря своим ушам.

– «Я понял смысл своего бытия, я воспринял тебя как апофеоз духовной красоты и эстетического наслаждения...» – продолжал Илларион.

– Это место я что-то не поняла, – сказала бабушка.

– Да разве любовь поймешь, дорогая Ольга? – сказал Илларион.

– Да, но когда он успел так влюбиться? – сказал Илико.

– А сколько раз ее в школу из-за этого сорванца вызывали, вот и влюбился человек.

– «Меня лишили покоя твои глаза...»

– Чтоб он окривел! – сказал Илико.

– «...ресницы...» – продолжал Илларион.

Илико скорчился от смеха и повалился на пол.

Иллариона одолевала икота, но он продолжал читать:

– «...твой взгляд, твои жемчужные зубы...» Здесь он немножко ошибся, – сказал Илларион.

– Чтоб ему пусто было, о каких зубах он говорит! – всплеснула руками бабушка.

– «...коралловые губы, агатовые волосы, пальцы, руки – вся ты...» – читал Илларион, заливаясь слезами.

– Хватит, ради бога, прекрати, не могу больше! – завопил Илико, почти теряя сознание.

Илларион кончил читать и стал приводить в чувство Илико. Бабушка хихикала. Один я стоял как громом пораженный и окаменевший.

– Когда замуж выдаешь бабушку? Пригласишь на свадьбу? – еле выговорил сквозь смех Илико и снова опрокинулся.

– М-да-а-а, – протянул Илларион, – тут что-то не так...

– Ай-ай-ай, Ольга! До чего человека довела!

– Дядя Илико! – донеслось со двора.

– Кто там? – откликнулся, вставая, Илико.

В комнату вошла раскрасневшаяся Мери. С минуту она дула на озябшие руки, совала их под мышки, топала ногами. Отогревшись, она сказала:

– Я искала бабушку Ольгу...

– Здесь я, дочка. Ну и письмо же ты мне принесла, чуть со смеху нас, стариков, не уморила, – сказала бабушка, протягивая ей письмо.

– Бабушка, письмо, которое мне дал учитель... Вот оно, я принесла... А это другое... Откуда оно взялось, даже не знаю...

– Господи, еще одно письмо? Илларион, прочти, пожалуйста!

– «Прошу явиться в школу в связи с недостойным поведением Вашего внука».

– Опять? Опять осрамил меня, бесстыдник?! – Бабушка схватила палку. Я пулей вылетел за дверь.

– Не смей показываться дома, мерзавец! Убирайся, куда хочешь! – крикнула вдогонку бабушка.

Вскоре из комнаты вышла Мери. Она шла, опустив голову, задумавшись, не пряча голых рук. Платок сполз ей на плечи, спутанная прядка волос упала на лоб. Сейчас она напоминала мне картину какого-то известного художника. Я не помнил его имени. Мери прошла мимо, не заметив меня.

– Мери! – сказал я тихо.

Она остановилась. Я подошел к ней, осторожно поправил прядку. Она не двинулась с места.

– Прочла?

Мери не ответила. Она лишь окинула меня умным, задумчивым взглядом и пошла дальше.

– Мери!

Мери снова остановилась.

– Это Ромули во всем виноват... Он диктовал. Я хотел совсем не так, а он говорит – так нужно.

– Нехорошо так шутить, Зурико...

– Я не шутил, Мери... Я, Мери... Ты думаешь, я правда такой уж плохой?..

– Нет, не думаю...

Мы медленно двинулись по свежему снегу. Снег все валил, не переставая дул холодный ветер. Мы шли молча. Прошли мимо моего дома, мимо укутанной снегом чинары.

– Здесь похоронен мой Мурада...

– Знаю...

– Я очень любил Мураду, больше всех на свете. Я одинаково люблю его, бабушку, Иллариона и Илико...

– Знаю, Зурико.

– С каждым днем я любил его все сильнее. И Мурада очень любил меня... Я с ним как с человеком разговаривал... Когда он умер, я готов был покончить с собой... От любви человек и впрямь может сойти с ума!.. Тебе холодно?

– Холодно...

– А мне не холодно!

Я скинул тулуп и набросил его на плечи Мери. Руку я не

убирал. Так мы и шли по свежему снегу. Шли и молчали...
Миновали дом Мери...

– Согрелась?

– Согрелась, Зурико.

– Ты ведь знала моего Мураду?

– Да...

– Он очень любил тебя. Он часто говорил мне: «Мери славная девочка, она лучше всех, таких глаз, как у Мери, нет ни у одной девочки. Мери очень добрая и умная девочка...» Мурада очень любил тебя, так же, как меня, даже больше, чем меня, он никогда не лаял на тебя... Ты ведь тоже любила его?

– Да, Зурико, очень любила, очень.

– Мери!

– Что, Зурико?

Я нежно обнял Мери, привлек к себе и зарылся лицом в ее распущенные волосы. Мери плакала, плакал и я. Снег валил хлопьями, и ветер был, и луна, и солнце, и любовь, и слезы, и много, много снега. Спросить у Илико, так и радоваться было нечему – ветер, снег, мир рушится. А я радовался и этому ветру, и луне, и солнцу, и моей любви, и этим белым-белым хлопьям снега.

Одиннадцать пудов кукурузы

Любимую свинью Илико – чистокровную йоркширку с огромными обвислыми ушами, маленькими, заплывшими жиром глазами и коротким, смешно вздернутым рылом – все село звало Серапионой.

Свинья поросилась дважды ежегодно, и каждый раз – ранней весной и осенью – производила на свет двенадцать розовых кругленьких поросят. Илико, конечно, продавал их и зарабатывал на этом весьма недурно. В годы войны Илико стал обменивать поросят на кукурузу.

Неудивительно, что Илико души не чаял в Серапионе, называл ее кормилицей и буквально на руках носил. Сам недоест, а свинью накормит. Стоило только похвалить Серапиону – и Илико таял. Он тут же бросался угощать вас водкой и ненаперченным табаком, обещал лучшего поросенка со следующего опороса и бог знает еще что! Мы с Илларионом прекрасно знали об этой слабости Илико и наперебой восхваляли десятипудовую йоркширку.

Вот и сейчас мы сидим под тенистой яблоней во дворе Илико, с уважением поглядываем на развалившуюся тут же Серапиону и мирно беседуем.

– Ну и свинья! В жизни не видел такой! – говорит Илларион.

– Кормилица моя! Сокровище мое! – Илико нежно щеко-

чет Серапионе брюхо. Свинья блаженно щурит глаза и хрюкает. Илико с умилением смотрит на покрасневшие, вздувшиеся соски свиньи. — Двенадцать сосков! Двенадцать породистых поросят! Бог даст, не сегодня завтра Серапиона благополучно разрешится, и тогда — принимай, Илико, мешки с золотистой кукурузой!

— И где ты достал такую породистую свинью, Илико? — спрашиваю я.

— Э, дорогой мой, это длинная история... Прабабушка Серапионы досталась в приданое моей бабушке Каленти, царство ей небесное! Говорят, неважная была свинья, больная, дед Харитон даже постыдился держать такую дрянь и решил выгнать ее со двора...

— Напрасно, лучше бы прирезал ее! — сказал Илларион.

— Да кому она была нужна больная! Время тогда было другое, не то что сейчас...

— Сейчас война... Народ нуждается... — сказал я.

— И то правда... Туго приходится людям... Нам-то еще ничего, а вот в Ленинграде, говорят, в дни блокады люди кошек ели...

— Да что в Ленинграде! Я улыбнуться боюсь даже в собственном доме! — сказал Илларион.

— Это почему же? — не понял Илико.

— А потому... Стоит мне показать зубы, как мой петух таким коршуном кидается на меня, — думает, во рту у меня кукурузные зерна!

– А ты зарежь его! – посоветовал я.

– А потом ты будешь каждое утро кукарекать и будить меня, да? – спросил Илларион.

– Так вот, – продолжал Илико, – заупрямился, оказывается, дед Харитон. Не желаю, говорит, видеть ее в моем доме. А моя бабушка Каленти прямо на стенку лезет: вы, говорит, ничего не понимаете, это, говорит, породистая свинья, погодите, она еще покажет себя! И что же, бабушка, оказывается, была права! Моя Серапиона и есть потомок того дохлого поросенка.

– Да она лучше некоторых молодцов! – сказал я.

– Зурикела, ведь ты умный парень! – просиял польщенный Илико. – Ну-ка, скажи по совести, разве моя Серапиона не достойна всяческого уважения?

– А по-моему, Илико, дорогой, ты ее просто недооцениваешь, – сказал Илларион. – На кой черт тебе эта разбойничья фотография деда Харитона с закатившимися глазами? Пригласи нашего Павлушу-фотографа и закажи ему портрет Серапионы; лучше этого портрета что ты можешь повесить в комнате?

– Илларион Шеварднадзе, если эта свинья не лучше тебя, чтоб я ее гроб вынес из своего дома, – сказал Илико и так посмотрел на Иллариона, что я понял: назревал скандал, и это в то время, когда заветная бутылка с водкой была уже так близко! Я подмигнул Иллариону: нашел тоже время шутить, и сказал:

– Не обращай на него внимания, Илико! Твоя свинья только говорить не умеет, а так совсем как человек.

Илико испытующе взглянул на меня. Я выдержал взгляд. Тогда Илико встал и, бормоча что-то под нос, пошел за водкой.

– Нашел время шутить! – набросился я на Иллариона.

– Идите вы все к черту! – огрызнулся Илларион. – Уже и слова нельзя вымолвить! Может, кланяться прикажете этой вонючей свинье!

Илико принес бутылку водки, три стакана и пару заплесневелых чурчхел. Первые два стакана выпили молча, кивнув друг другу головой. Перед третьим стаканом Илико держал речь:

– Зурикела, теперь ты считаешься ученым человеком. Правда, со страшными мучениями и переживаниями, но все же дотащился ты до девятого класса. Ну вот, если не учил, так хоть слышал, может быть, что нашим предком была обезьяна.

– А какой же еще предок мог быть у тебя, как не обезьяна? – вставил Илларион.

Теперь он ничем не рисковал – бутылка с водкой стояла перед ним. Но Илико будто и не слышал.

– Я хоть и не особенно силен в науке, но думаю, что это не совсем правильно. Мне кажется, что у разных людей были разные предки. Взять, к примеру, Серапиона Сепертеладзе... его предком наверняка была свинья. Посмотри на мою

Серапиону и на Серапиона Сепертеладзе! Чем не близнецы? Говорить не умеет? Ну и что же? Ведь рождаются немые люди? Вот так и моя Серапиона...

– А вот я расскажу об этом Серапиону Сепертеладзе, он тебе покажет предков! – сказал Илларион.

– Пожалуйста, расскажи! Что он, и сам, думаешь, не знает! – парировал Илико. – Да я тебе лучше скажу. Видишь Иллариона? – продолжал он, обращаясь ко мне.

Илларион насторожился.

– Ну, вижу...

– Знакомо тебе его упрямство?

– Ну, положим, знакомо...

– Ты видел, как он смеется! Это же ослиный рев! – Я был вынужден согласиться. – А его длинные уши ты тоже видишь? – Возражать не приходилось: факт был налицо. – А теперь, если можешь, докажи мне, что предок Иллариона не был ослом!

Илларион поперхнулся чурчхелой и закашлялся. Отдышавшись, он встал, взял шапку и, не произнеся ни слова, направился к калитке. Потом с сожалением оглянулся на бутылку, вернулся, наполнил стакан, одним духом выпил и так же молча пошел к выходу. И только дойдя до калитки, он обернулся и крикнул:

– Ну, одноглазый черт, ты еще попляшешь у меня!

Илико удовлетворенно посмеивался.

...Приближался долгожданный день появления на свет

божий йоркширского потомства. Ко двору Илико началось паломничество будущих свиновладельцев. Сдав положенный пуд кукурузы, они получали расписку следующего содержания:

«Я, Илико Чигогидзе, получил от гражданина такого-то один пуд кукурузного зерна, взамен обязуюсь выдать ему одного поросенка (указывался пол новорожденного), после того как перестанет сосать».

Переговоры проходили довольно мирно, в атмосфере дружбы и взаимопонимания, если не считать одного обстоятельства: каждый покупатель старался во что бы то ни стало заполучить себе поросенка-самку.

– Люди! – сокрушался Илико. – Где это видано, чтобы свинья рожала двенадцать самок!

– Почему же, – отвечали ему. – У Кучулия Цинцадзе, например, двенадцать дочерей!

– Пожалуйста, в таком случае договаривайтесь с Кучулия и Серапионой, и пусть Кучулия выдает вам расписки! Я ничего не знаю больше!

– Илико Чигогидзе, будь ты немного моложе, вырвал бы я у тебя твой проклятый язык! – бесился Кучулия.

– Будь я немного моложе, распорол бы тебя по швам! – наступал Илико.

Были среди покупателей и такие, которые пытались выторговать саму Серапиону. Но Илико здраво смотрел на жизнь своим единственным здоровым глазом. Душу запро-

дал бы, но Серапиону ни за что.

– Ну, что тебе еще нужно? – приставал к нему Аслан из Суреби. – Отдаю за свинью коня и двести штук отборной дранки в придачу. Договорились?

– Ищи дурака, дорогой Аслан! Сейчас военное положение: коня могут забрать в кавалерию, а моя Серапиона кому нужна?

– Продай свинью, пока не поздно! – пугал Аслан. – Все равно ей пропадать: Гитлер на носу!

– Поживем – увидим, дорогой Аслан. А ты не знаешь, не из-за моей ли свиньи Гитлер напал на нас? – спрашивал Илико.

После этого Аслану оставалось безнадежно махнуть рукой и уйти.

Однажды вечером Илико пришел к нам и свалил под мушмулой мешок с кукурузой.

– Что это, Илико? – спросила бабушка.

– Вчера я выдал одиннадцать расписок на потомство Серапионы, – объявил Илико, – и получил одиннадцать пудов кукурузы. Теперь до осени мне хватит.

– Почему одиннадцать? – удивилась бабушка. – Ведь Серапиона всегда рождает не меньше двенадцати поросят?

– Одного поросенка я дарю твоему прохвосту. И вот кукурузу тоже. Не обижайся, Ольга. Знаешь ведь, как я люблю этого лоботряса.

– Боже милостивый, пошли счастья и радостей Илико Чи-

гогидзе и всей его семье. Пусть наполнится его дом добром, – прослезилась бабушка и поцеловала Илико в лоб.

– Ночью сходим на мельницу, через час зайди за мной! – сказал мне Илико и ушел...

...Уже брезжил рассвет, когда я и Илико с мешками муки на плечах возвращались домой. На ветвях деревьев, унизанных курами, точно соревнуясь друг с другом, старательно драли горло петухи. Вдруг мы услышали ужасающий вопль.

– Это Машико кричит, – сказал Илико. – Неужели извещение о сыне получила, несчастная?..

Мы ускорили шаг.

– Угораздило же проклятую сдыхать в моем дворе! – причитала Машико. – Попробуй теперь убеди этого одноглазого, что я тут ни при чем!

Охваченный страшным предчувствием, Илико выронил мешок и, сразу обессилев, опустился на землю. Я стремглав помчался ко двору Машико, подбежал к плетню – застыл от ужаса: у самой калитки лежала и жалобно похрюкивала похудевшая до неузнаваемости Серапиона. Тут же валялось двенадцать крохотных поросячьих трупов!

– Что случилось, Машико? – с трудом выговорил я.

– Несчастье, несчастье, Зурикела. Вот тут через дыру в заборе пролезла – и пожалуйста... Сколько раз я предупреждала его: приглядывай, старый черт, за свиньей, не позволяй ей лазить куда вздумается! Не послушался, окаянный!.. Теперь пусть локти кусает!

Собрались соседи – пострадавшие, сочувствующие и просто любопытные. Последним во двор пришел Илико. Побледневший, осунувшийся, он долго смотрел на Серапиону, потом снял шапку, в сердцах швырнул ее на землю и сказал:

– Где твоя справедливость, Господи?! Совести у тебя нет! Что мне теперь делать?

– Крепись, Илико! – раздались ободряющие голоса. – Ничего ведь страшного не случилось: свинья жива, и все будет в порядке! При ее-то темпераменте!..

– А как быть с кредиторами? – сокрушался Илико.

– Обойдется как-нибудь...

– Соседи, люди добрые, согласны ждать до следующего опороса? – обратился Илико к кредиторам.

Наступило неловкое молчание.

– Ну как, подождем? – спросил кто-то.

– А что ты с ним поделаешь? Не отбирать же у него теперь кукурузу! Да и черта с два он ее отдаст!

Кругом захохотали. Даже Илико улыбнулся. Инцидент близился к благополучному концу. Но тут неожиданно в толпу ворвался разъяренный Серапион Сепертеладзе.

– Эй ты, черт одноглазый, – набросился он на Илико, – последний раз предупреждаю: или перемени имя своей проклятой свинье, или я за себя не ручаюсь! При свидетелях заявляю!

– Ты что, пьян или белены объелся! Чего орешь?! – огрызнулся Илико.

– Он еще спрашивает! Половина села собралась у моего дома, – слышали, говорят, Серапион разрешился поросятами! Бабы к жене лезут с соболезнованиями!.. А он еще спрашивает!.. Убью обоих – и тебя, и твою паршивую свинью!..

Толпа покатывалась со смеху, и вместе со всеми хохотал Илико. Вырывавшегося из рук Серапиона насилу отвели домой.

– А поросята-то оказались самками... Все двенадцать... – проговорил Илико и искоса поглядел на Кучулию Цинцадзе.

Соседи понемногу разошлись. Остались только я, Илларион, Илико и Серапиона.

– Погубила она меня, – сказал Илико.

– Пойдем-ка домой, – сказал Илларион.

– Пойдем, Илико! – сказал я.

В ту ночь мы справили поминки по безвременно погибшим поросятам...

Аттестат зрелости

Шло время. Дни, не похожие друг на друга, как испеченные в золе бабушкины лепешки, сменялись днями. И каждый новый день приносил новую радость. Отцы, мужья, сыновья, братья возвращались в родные дома.

Из нашей семьи на фронте не было никого, но я каждый день вместе со всеми выходил на дорогу встречать грузовики, на которых возвращались в село раненые и увешанные орденами бойцы. Вместе с друзьями я обнимал и целовал их.

Незнакомые смущенно улыбались, знакомые ласково трепали меня по щеке и замечали, что я здорово вырос и возмужал. Радость, счастье и мир, неожиданно покинувшие наше село четыре года назад, вновь возвращались к нам. И село встречало их, как встречает мать давно потерянного и вновь обретенного сына.

Шла весна 1945 года...

Под щедрыми лучами солнца цвела пробудившаяся природа. Вдали, на склонах бархатистых гор, паслись стада. Воздух был наполнен ароматом полевых цветов.

В школе занятий уже не было. Мы готовились к выпускным экзаменам.

Я и Мери с утра шли на край села, к старой заброшенной мельнице, усаживались в тени огромного орехового дерева и занимались.

Вот и сегодня мы сидим под деревом и готовимся к грузинскому языку.

– Стихи ты должен знать наизусть, – говорит Мери. – Вот послушай – это Галактион¹⁴.

В сердце мечта таится,

Небо – полоской ясной.

Юноша: «Стой, девица!»

Девушка: «Сгинь, несчастный!»

– Моя бабушка здесь бы сказала: чтоб ты провалился сквозь землю, бесовестный, – говорю я.

Мери смеется и закрывает мне рот рукой – не мешай, мол.

Потом я читаю свои любимые стихи, которые, хотя их и нет в программе, я обязательно прочту на экзамене:

На Ксани и Арагви снова

Луга окрестные в цветах,

И терпкой патокой медовой

Опять кипят твои уста.

Мери сидит, обхватив колени руками, и смотрит куда-то вдаль, в бездонную синеву неба, где плывут еле заметные белые хлопья облаков.

Через тысячу лет я тебя призываю, иди,

¹⁴ Галактион Табидзе (1892–1959) – поэт, классик грузинской литературы.

Стану горсткою пепла я в молниях жарких твоих... —

продолжаю я.

– Ты, я вижу, опять стихи сочиняешь?! – раздалось вдруг у самого моего уха.

Я подскочил словно ужаленный и обернулся. Передо мной стоял улыбающийся Илларион.

– Мы к экзаменам готовимся. Здравствуй, Илларион!

– Вижу, вижу, как вы готовитесь... Ну, здравствуйте! – Илларион сел.

– Как у вас идут дела?

– Заканчиваем, дядя Илларион, – ответила Мери.

– Заканчиваете или только начинаете?

– Что ты, Илларион! Остался всего один экзамен! – сказал я.

– Э, дорогой мой, экзамены у вас только начинаются! Ты, пожалуйста, не прикидывайся простачком!..

Я прекрасно понял Иллариона, но сделал наивное лицо и пожал плечами.

Илларион сначала долго, старательно ковырял палкой землю, потом поинтересовался, есть ли у меня табак. Узнав, что нет, достал свой, не спеша скрутил самокрутку, затянулся, выпустил длинную струю дыма и вдруг произнес речь, подобно которой я никогда еще от него не слышал:

– Человеческая жизнь, дети мои дорогие, похожа на мельницу. Видите то колесо? Колесо – судьба, а вода, бегущая по

желобу, — жизнь человека. Вода — великая сила, дети. Вода сильнее огня, сильнее ветра, вода сверлит камень. И как ты направишь эту силу, так и будет вертеться мельничное колесо... Разный народ приходит на мельницу — один за мукой, другие за крупой, третьи и вовсе без дела сидят целый день, прислушиваются к грохоту жерновов и уходят... Помню, построили мы колхозную мельницу и пустили по желобу нашу речушку Лаше. Билась, билась вода, да так и не сумела сдвинуть колесо с места — силенок не хватило. Тогда мы подвели второй рукав реки, и пошло дело! Завертелось колесо, да еще как! Понимаете, к чему я это говорю? Две реки — это надежнее, вернее!.. Вот вы скоро заканчиваете среднюю школу и собираетесь, конечно, продолжать учебу... Это хорошо, но... В городе люди почему-то быстро забывают родное село, друзей, товарищей... Ты поедешь в город, дочка? — вдруг обратился Илларион к Мери.

— Вряд ли, дядя Илларион... Не сумею...

— Ну тогда еще ничего! Значит, и Зурико не сбежит от нас! — Илларион похлопал меня по плечу и встал.

Мери смущенно потупилась.

— Весь мир открыт для вас, дети, весь мир. А мы с Илико, как этот старый камень, — сказал Илларион и показал на брошенный посреди двора мельничный жернов. Большая серая ящерица взобралась на него и, зажмурившись, нежилась на солнце...

...Аттестаты зрелости вручали нам в торжественной об-

становке, на чаеприемном пункте, который в особых случаях служил также клубом.

Духового оркестра в нашей школе не было, поэтому играть туш пригласили из района похоронных оркестрантов. До начала торжественного заседания духовой оркестр по заказу Ромули исполнил песню «Был сыночек у мамыши». Потом я попросил оркестрантов сыграть что-нибудь более жизнерадостное и сунул семь рублей в карман главному, тому, что играл на кларнете. Оркестр грянул «Эй, братишка Спиридон». Затем кто-то попросил исполнить «Хасанбегуру»¹⁵, но главный отказался – этого, говорит, наш оркестр не может исполнить, колоратура, мол, не получается.

К полудню все наконец собрались, и торжественное заседание началось. В президиуме сидели учителя и родители лучших учеников. Бабушки моей на собрании не было: ей нездоровилось, поэтому один стул в президиуме пустовал.

В своем вступительном слове директор школы кратко рассказал, как обстоят дела с образованием у нас и в капиталистических странах, а потом сказал, что отныне мы люди самостоятельные, что школа дала нам все, что только могла дать, и что впредь мы можем поступать, как нам заблагорассудится, хоть головой об стенку биться. Потом он начал вызывать нас по алфавиту. После беглой характеристики каждого выпускника директор вручал ему аттестат зрелости, крепко пожимал руку и оглядывался на фотографа Павлу-

¹⁵ «Хасанбегура» – грузинская народная песня.

шу, который уже держал наготове подвешенную к аппарату грушу. Выпускник испуганно замирал, пока Павлуша считал про себя до десяти и махал рукой, – готово, мол, птичка вылетела. И тогда раздавался оглушительный туш.

Когда заговорили обо мне, оркестранты почему-то вообразили себя на похоронах и заиграли «Таво чемо»¹⁶.

Директор грозно сверкнул глазами, и оркестр тут же перешел на туш.

После торжественного собрания должен был состояться концерт – песни в исполнении нашего сельского хора. Эти песни мы слышали по крайней мере тысячу раз, и поэтому все разошлись по домам.

Бабушка, увидев мой аттестат, чуть не задушила меня в объятиях: «Теперь меня и смерть не возьмет», – сказала она и намочила слезами мой аттестат. Потом вдруг посерьезнела, косо взглянула на меня, положила аттестат на стол и молча вышла из комнаты. Я ничего не понял.

Спустя пятнадцать минут бабушка вернулась. За ней следовали Илико и Илларион.

– Присаживайтесь, соседи! – сказала бабушка.

Илико и Илларион сели.

– Ну что, какая еще беда с тобой стряслась? – обратился ко мне Илларион.

– Аттестат зрелости получил, – сказал я и протянул атте-

¹⁶ «Таво чемо» – ария из оперы З. Палиашвили «Даиси». Часто мелодия ее исполняется на панихидах.

стат.

– Поэтому я и позвала вас, – сказала бабушка. – Посмотрите-ка, ради бога, настоящий это аттестат или вроде той прошлогодней похвальной грамоты, которая потом оказалась чужой?

Илларион взял аттестат, долго вертел в руках, внимательно изучил печать, подписи, даже на свет рассмотрел, потом передал Илико. Илико проделал с аттестатом то же самое, но более тщательно, и протянул его бабушке.

– Его аттестат – комар носа не подточит!

– Точно? – спросила бабушка.

– Точно! Во-первых, он не смог бы достать чистый бланк; во-вторых, печать настоящая; в-третьих, аттестат на обратной стороне заполнен и на русском языке, а этого не смог бы сделать ни один из учеников нашей Заблоны; ну и, в-четвертых, хоть бы одна четверка затесалась – сплошные тройки!

– Ну, слава богу! Утешил ты меня, Илико! – с облегчением вздохнула бабушка.

Илларион вновь потянулся к аттестату.

– А-тес-тат зре-лос-ти! – произнес он по слогам. Потом встал, подошел ко мне, постучал пальцем по моей голове, прислушался к звуку и, сокрушаясь, обратился к Илико: – Ну, брат, если уже этот называется зрелым, то я тогда китайский мандарин.

– Ничего... Помидоры для продажи в город тоже незрелыми отправляют, чтобы не испортились. Дорóгой они до-

зревают.

– Ну, раз так, давайте решать: что ему теперь делать, куда поступать, какую выбрать профессию? Должен же быть у человека какой-то план? А то поедет в город и будет там ушами хлопать, как осел, – сказал Илларион.

– Ты на какой факультет думаешь поступать? – спросил меня Илико.

Я пожал плечами.

– Мой внук должен стать врачом, – заявила бабушка. – Состарилась я, за мной уход нужен!

– Ты что, обязательно от его руки умереть хочешь? – сказал Илико.

– А может, ему на исторический пойти? Из историков секретари райкомов получаются, – сказал Илларион.

– Я бы на его месте пошел в юристы! – сказал Илико. – Вот хоть возьми нашего судью – человеком стал. Приехал в село в рваных галошах, а теперь щеголяет в кожаном пальто и резиновых сапогах.

– Да куда ему с его сердцем в юристы! Он ведь и арестовать-то никого не сможет!

– Может, пойти ему на литературный? Он ведь у нас стихоплет, и язык подвешен – дай бог! А что еще нужно!

– А нет ли чего-нибудь такого, чтоб готовых профессоров выпускали? – спросила бабушка.

– Как же, есть! Такое заведение и окончил наш Илико! – обрадовался Илларион.

– Ты чего молчишь, болван? Скажи, куда хочешь поступать? – набросился на меня Илико. – А то, видишь, выпустил уже этот носатый свое жало!

– Я в артисты пойду! – вдруг выпалил я.

Наступила гробовая тишина.

– Чтоб я ослепла! Многоженцем решил стать? – запричитала вдруг бабушка.

– Тронулся, бедняга! – проговорил Илико.

Споры продолжались до рассвета. Наконец сошлись на мнении Иллариона, что обладателю брюк, подобных моим, следует поступить на экономический факультет, дабы обеспечить свое дальнейшее существование экономически и материально.

Бабушка, сняв с шеи серебряную цепочку с большим плоским ключом, подошла к нашему старому сундуку, откинула крышку и торжественно извлекла оттуда дедовские зеленые бархатные брюки-галифе с кожаными леями, огромные хромовые сапоги с подковами, шерстяную навывпуск блузу с накладными карманами, серебряный пояс и высокую каракулевую папаху. Потом разложила все это передо мной, вытерла подолом платья набежавшие слезы и сказала:

– Вот, сынок, одевайся. Не отправлю же я тебя в чужие края таким голодранцем! Ты должен быть там лучше всех, дорогой мой...

Я крепко обнял бабушку и нежно поцеловал ее в глаза, потом выбежал в другую комнату, быстро переоделся и вновь

предстал перед «комиссией».

– Скажи, пожалуйста! Вылитый Симон Долидзе! – осклабился Илико.

Ранним воскресным утром я, бабушка, Илико и Илларион стояли у обочины шоссе и голосовали перед каждой попутной машиной. Моросил мелкий косой дождь, дул ветер и было холодно.

– Садись к шоферу в графинку!¹⁷ – настаивала бабушка.

– Не забудь есть чеснок, а то, чего доброго, схватишь заразу! – напутствовал Илларион.

– Как войдешь в вагон, облейся ладиколоном, верное средство против клопов и всякой гадости! – предупреждал Илико.

– Смотри у меня, чтоб завтра же здесь было письмо! – требовала бабушка.

– Отправь лучше телеграмму. А вернее всего – пришли с оказией, быстрее дойдет!

– Не смей связываться с городскими шалопаями!

– Возвращайся скорее!

– Будет нужда в вине – пиши, не стесняйся!

Наконец остановилась грузовая машина. В кабине сидела женщина с ребенком. Бабушка трижды – от дурного глаза – повернула меня. Илико и Илларион по очереди расцеловали, я влез в кузов, и машина тронулась.

¹⁷ Бабушка подразумевает кабину.

Вдруг на дороге показалась девушка со свертком в руке. Она бежала изо всех сил. Машина ускоряла ход, девушка – бег. Постепенно она замедлила шаги и совсем уже медленно подошла к провожающим. Девушка долго смотрела на удалявшуюся машину, потом повернулась и зарылась лицом в грудь Илико. Наверное, плакала. Плакал и я. А машина мчалась вперед, увозя меня все дальше и дальше от четырех дорогих мне людей.

Моросил дождь, дул ветер, и было холодно. Там, вдали, стояли четверо. На груди у Илико плакала девушка. Я тоже плакал, плакал и радовался, что она плачет. Был дождь, был ветер, и было солнце, и любовь, и слезы радости. И теперь, наверное, даже Илико не удивлялся, как это – луна на небе и хлопья снега. И почему не спится, и откуда эти слезы радости, и отчего я вообще такой счастливый.

А машина все мчалась вперед. На шоссе уже не было видно никого. Я стоял в кузове и шептал:

– Прощай, бабушка! Прощай, Илларион! Прощай, Илико! Прощай, Мери!

Поезд

Водитель высадил меня на привокзальной площади в городе Махарадзе и потребовал плату за проезд. Я отстегнул серебряный пояс, задрал подол просторной блузы и стал расстегивать брюки. Водитель сперва в испуге оглянулся, потом схватил меня за руку.

– Ты что, обалдел?!

– А как же тебе заплатить?

– Вот чудак! Зачем же для этого средь бела дня штаны скидывать?

– Да ведь карман-то пришит изнутри! – успокоил я водителя и продолжал свое дело.

После долгих поисков мне наконец удалось обнаружить потайной карман. Придерживая падающие брюки одной рукой, другой я стал распарывать карман. Только я извлек деньги и принялся их отсчитывать, как раздалось фырканье. Мотор несколько раз громко чихнул, затем выпустил прямо на меня густые клубы фиолетового дыма. Пока я приходил в себя, машина описала круг и остановилась перед моим носом. Из кабины высунулась красная, хохочущая физиономия водителя. Он нахлобучил мне на нос папаху и со смехом сказал:

– Ладно, хватит уж, одевайся! Не нужно мне твоих денег!

Мотор еще раз чихнул, и машина рванулась с места.

– Будь здоров! – крикнул я вдогонку.

Водитель выглянул из своей обшарпанной машины и приветливо помахал мне рукой, а я все стоял посреди площади с полуспущенными брюками и удивленно озирался.

...Доехать до Тбилиси оказалось гораздо легче, чем приобрести билет. Эту истину я установил после непродолжительной беседы с кассиршей. Поэтому я выкинул из головы всякую мысль о покупке билета и вышел прямо на перрон.

Через час пришел поезд. Людской поток подхватил меня и придавил к лесенке вагона. Я задыхался. Хотелось крикнуть, но рот мой был заткнут голой пяткой проводницы, и я беспомощно трепыхался, как подвешенная за шею курица. Вдобавок сзади напирало чье-то колено. Кто-то больно тянул меня за волосы. Когда я понял, что мой аттестат зрелости пропадет зря, я собрал последние силы и впился ногтями в голую ногу проводницы. Паровоз и проводница взвыли одновременно. Суматоха усилилась.

– Ну, чего стал?! Нажимай!

– Убери ногу с моей головы!

– Не бойся, дяденька, ноги у меня чистые!

– Ладно, клади тогда и вторую!

– А ну, засвети-ка ему!

– Что он мне должен засветить?

– Ничего особенного, не волнуйтесь, – фонарь!

– Уважаемые пассажиры, пропустите меня, я же с билетом!

- Смотри не потеряй, крепко держи!
- Держите вора!
- Брось чемодан, подлец, груши там!
- Милиция, стреляй!
- Куда стрелять? Откуда я знаю, где твой вор?
- Ну тогда в меня стреляй!
- Смелей, смелей! Жми наверх!

Раздался свисток. Потом два раза ударили в колокол, потом чей-то благословенный пинок втолкнул меня в вагон, и паровоз, словно только этого и ждал, вдруг дернулся и загудел, стараясь перекрычать вопли и причитания оставшихся на перроне.

Страсти понемногу улеглись. Я забрался на третью полку, подложил под голову узелок и прикрыл нос папахой... Табачный дым ест глаза. Вагон мерно покачивается, скрипит. Колеса выстукивают монотонную дробь. И этот перестук напоминает что-то родное, близкое и в то же время такое далекое, что и не припомнить. Глаза слипаются... Я уплываю, уплываю куда-то далеко... Все вокруг заволакивает туманом... Когда хочется спать, самое тяжелое на свете – веки... Но что это стучит? Ах да, ведь я на мельнице. Стучат жернова. В ожидании помола я засыпаю. И вдруг:

- Зурико-о-о! – зовет бабушка.
- Иду! – отвечаю я, вскакивая.
- Зурико-о-о! – зовет опять бабушка, заслоня глаза от солнца.

– Иду, бабушка, иду! – кричу я и выбегаю по затянутому туманом подъему.

– Ау-у-у! Зурикела! Куда ты? Ау-у-у... – Гудок паровоза сливается с тревожным криком бабушки.

«Илларион... Илико... Илларион... Илико...» – выстукивают колеса.

– Мост... – слышу я сквозь сон чей-то голос.

– Эй, кто-нибудь, откройте окно, задыхаюсь! – говорит кто-то другой.

– Нужно дышать по очереди, иначе до Тбилиси воздуха не хватит! – говорит третий.

– Чей это чемодан? Уберите сейчас же, иначе выброшу его в окно!

На этот раз я свешиваюсь с полки и вижу говорящего. У него острый, похожий на топор нос, да и все лицо какое-то острое.

– Попробуй тронь! Вылетишь вслед за ним! – огрызнулся полный пассажир с веснушчатым, словно индюшиное яйцо, лицом. – Этого чемодана четыре оболтуса ждут не дождутся.

– Не знаю, кто там ждет, но эту мозоль я не напрокат брал. Убери, говорю, чемодан, не то выброшу в окно! – повторил угрозу «топор».

«Индюшиное яйцо» нехотя взял свой чемодан и взглянул вверх.

– Эй, как тебя зовут? – окликнул он меня.

– Зурико.

– Так вот, сходи сейчас же вниз! Развалился там, как князь Багратион-Мухранский! Место это для чемоданов, понял?

– А я чем хуже вашего чемодана?

– Э, брат, в этом чемодане на три тыщи продуктов, а у тебя в голове – что?

– Зачем вы меня оскорбляете, дядя?

– Приношу свои извинения, уважаемый! А теперь скатывайся вниз! Да поживее!

– Не сойду! Думаете, дома у меня не было чемодана? Был, но я его с собой не тащил. Нечего чемодану разъезжать в поездах! Его место под тахтой! Да!

– Нет, ты только посмотри, как он со мной разговаривает, этот оболтус! Да у меня, если хочешь знать, четыре сына, и каждый старше тебя! – вскипел «индюшиное яйцо».

– И приятно тебе будет смотреть, как твоего сына сгоняют с места? – спросил «топор».

– Ах так? И ты туда же? Пожалуйста, в таком случае пусть мальчишка лежит на полке, а мой чемодан на твоей мозоли. Мне наплевать! – сказал «индюшиное яйцо» и сел.

– Сойди вниз, сопляк! Слышишь! – теперь уже набросился на меня «топор».

– Не сойду! – сказал я и уставился в потолок.

– Проводни-ик! – завопил «индюшиное яйцо».

Проводник просунул в дверь сперва фонарь, затем – нос и потребовал предъявить билеты. Но тут же сам усмехнулся своей наивности и велел приготовить деньги.

У двоих пассажиров оказались билеты. Проводник иронически оглядел их и вышел.

Наступило молчание. Каждый думал о чем-то своем. Убаюканный ровным покачиванием вагона, я вновь задремал на отвоеванной полке... Словно наяву, я вижу, как во двор входит Илико. Он тащит на плече мешок с кукурузой. Вот он снял свою ношу, положил ее под мушмулой, сам присел тут же в тени и задымил самокруткой.

– Илико, дай закурить! – прошу я.

Но Илико не обращает на меня внимания, он смотрит куда-то вдаль.

– Дядюшка Илико, дорогой, ну, угости же меня табаком! Ведь это я, Зурико, не узнаешь меня?

Илико встает и исчезает в тумане.

– Илико-о! – зову я.

– Кто там?

Я вздрогнул словно ужаленный и проснулся. Пассажиры дремали. Потоки дождя хлестали в окна вагона. Промокшие деревья, перегоняя друг друга, спешили укрыться куда-то... Вдруг на лоб мне упала холодная капля, затем вторая, потом капли забарабанили чаще. Я отодвинулся. На полке собралась небольшая лужица, я проложил ей пальцем дорогу, и вода потекла вниз, на чью-то голову.

– Эй, что там с тобой, несчастный?! – завопил пострадавший, вытирая лоб ладонью и подозрительно нюхая мокрую руку.

– Со мной – ничего. Это дождь, – ответил я спокойно.

– Так ты сообрази там что-нибудь...

– А что я могу сообразить? Подняться и черепицу поправить?

– Не болтай лишнего, сукин сын! Дырку-то заткнуть можешь?

Я присел на койке, нащупал в потолке небольшое отверстие и вставил в него палец. Вода потекла по вытянутой руке и собралась за пазухой. Я расстегнул пояс и дал ей дорогу. Вскоре я почувствовал, что мои сапоги до половины наполнились водой.

– Ничего не получается! – сказал я и стал спускаться вниз.

– За что с нас деньги сдирают! – возмутился пассажир с билетом.

– Уж ты бы помолчал! Едет бесплатно и еще обижается! – огрызнулся безбилетный.

Я спрыгнул на пол, и вода из сапог фонтаном брызнула до самого потолка.

– Скинь, парень, сапоги, простудишься, – посоветовал мне «топор». – Протяни-ка ногу, я подсоблю!

– Ничего, дядя, не беспокойтесь! – Я ухватился за полки, подтянулся на руках и легко вылез из сапог.

– Ого! – воскликнул «индюшиное яйцо». – Разве можно так безбожно истязать себя? Сшил бы себе на номер больше!

Вокруг засмеялись. Я с трудом втиснулся между двумя попутчиками. Дождь перестал, все облегченно вздохнули. Я

согрелся.

– Слушай, – начал опять «топор», – убери хоть сейчас свой проклятый чемодан, иначе, вот те крест, выброшу его в окно!

«Индюшиное яйцо» молча взял чемодан и забросил его на мою полку.

Снова наступило молчание.

Вдруг кто-то робко чихнул.

– Будь здоров! – отозвались хором со всех сторон.

Потом чихнул еще кто-то. А спустя полчаса в купе только и слышно было, что пожелания здоровья, долгой жизни и благополучия, как будто встретились после долгой разлуки близкие родственники.

– Ну нет, так дело не пойдет! – заявил вдруг «топор». – Пока мы все не схватили воспаление легких и на этом вагоне не поставили красный крест, нужно что-то сообразить!

– Видать, не такой уж он балда, каким казался! – сказал «индюшиное яйцо» и вытащил откуда-то бутылку водки.

– У меня есть вино, целый пуд, вон там, на третьей полке, снимем бочонок... – вмешался в разговор молодой блондин, которого до сих пор никто не замечал.

– Нет, вино сейчас не пойдет. Выпьем-ка лучше водки! – ответил «топор», радостно потирая руки.

– Воля ваша, – вежливо согласился блондин.

– Ты лучше вынь пробку из бочонка. Как бы он не лопнул и не залил всех нас! – обратился чисто одетый пассажир с

билетом к молодому блондину.

Блондин молча выполнил приказ и снова сел.

Пассажиры стали доставать разную снедь. Кто-то пожертвовал нам еще бутылку водки, «топор» добавил от себя две и сам же занял пост тамады.

– Товарищи! Среди вас нет ни одного, кто бы был моим товарищем, но знаете ведь, как бывает в поезде? В поезде люди сближаются, становятся друзьями. Кто мы? Откуда нас черт несет?

– Я из командировки возвращаюсь, – заявил пассажир с билетом.

– Прекрасно! – продолжал тамада. – А он кто? Откуда? Черт его знает! – «Топор» указал пальцем на «индюшиное яйцо».

– Как это «черт его знает»? – подпрыгнул тот. – Ты что это разошелся?! Придержи язык, а то...

– Дай же произнести тост! Что взбеленился? Так о чем я говорил? Да. Знаете вы меня? Нет. Знаю я вас? Тоже нет! В другое время плевать я на вас хотел, но в том-то и заключается сила поезда! Поезд соединил, сблизил, сроднил нас! А поэтому – да здравствует поезд! – закончил он и опрокинул в рот стакан.

– За наш поезд!

– Да здравствует поезд!

– М-да... Действительно странно... За поезд! – сказал чисто одетый пассажир с билетом и передал стакан мне.

– Я, товарищи, первый раз еду в поезде, – начал я.

– Счастливый ты человек! – сказал «индюшиное яйцо».

Перед отъездом Илико и Илларион предупреждали меня – в поезде, мол, много жуликов и проходимцев, нужно держать ухо востро. Выходит, ошибались они. Вот этот, например...

– Как вас зовут, дядя? – обратился я к «топору».

– Амбако!

Да, Амбако. Когда я впервые увидел его, подумал: «Куда этого типа черт несет?»

– А вас как звать? – спросил я «индюшиное яйцо».

– Меня зовут Антипо, а тебе хватит болтать! Выпей и садись!

– Да. А Антипо мне сначала показался сумасшедшим.

– А теперь?

– Теперь что, теперь поезд нас сдружил! Да здравствует поезд! – закончил я и выпил.

Тамада снова наполнил стакан. Второй тост он хотел провозгласить стоя, но, больно стукнувшись головой о полку, тотчас же сел и начал:

– Когда Бог научил обезьян говорить, то первое слово, которым они обменялись друг с другом, было «здравствуй»! Потом вырубили леса, возвели дома, построили железную дорогу, пустили по ней поезд, в этот поезд сели мы, сказали друг другу «здравствуй», и...

– Я никому не говорил «здравствуй»!

– Это вопрос вежливости...

– Так пусть всегда живет это теплое слово «здравствуй»! – закончил Амбако.

– Хороший тост!.. Подумать только, что такое доброе приветствие? Пустяк! А вот находятся люди, которые не хотят сказать человеку этого доброго слова! Вот есть у меня товарищ, вместе в университете учились...

– Вы из какого села, уважаемый?

– Из Нигоити!

– Хорошее село, а какой нынче урожай?

– Благодарю, неплохой... Так вот, есть у меня товарищ...

– Который с тобой не здоровается? Знаем мы про это!..

А ты-то знаешь, что у нас всего один стакан? Выпей, ради бога, поскорей!

...Очередь снова дошла до меня. Я держал в руках стакан с водкой, смотрел на живительную жидкость, наполняющую тело теплом, и мне хотелось рассказать этим незнакомым людям про бабушку, про Илико и Иллариона, про Мери, хотелось петь и кричать. Но я стыдился чего-то, стыдился так, как стыдится каждый деревенский мальчик своих заляпанных брюк и дырявых чуваков.

– Будьте здоровы, друзья, – сказал я, прослезившись, и быстро сел.

– Э-э-э... наш герой, никак, плачет! – обратился «топор» к «яйцу». – Сколько же в водке градусов?

– Все восемьдесят!

– Двадцать, готов биться об заклад! – сказал я и вытер слезы. – И плачу я вовсе не от водки, просто в глаз что-то попало!

– Ладно, не беда... Я продолжаю, товарищи! – повысил голос тамада. – Вот мы говорили, что Бог создал обезьян, потом от обезьян произошли мы. Ерунда это... Большинство людей произошло от собственных родителей! Не будь наших родителей, мы и этой водки бы не выпили. А не имей мы водки, не смогли бы выпить за родителей. Я не видел еще пьяного человека, который не вспомнил бы своих родителей!

– Когда я напиваюсь, я ничего не помню, – сказал молодой блондин.

– Хорошо еще, что ты хоть об этом помнишь! – сказал «индюшиное яйцо».

После тоста за родителей мы осторожно подняли блондина и уложили на третьей полке, рядом с его бочонком.

– Поверните его лицом к стенке, что-то он подозрительно икает! – предупредил нас «топор», но было уже поздно.

Блондин взорвался, словно вулкан. Не успели мы опомниться, как башлык нашего тамады окрасился в пурпурный цвет, «индюшиное яйцо» и чисто одетый пассажир с билетом в ужасе глядели друг на друга. Один лишь я, чудом спасенный от неожиданного извержения, стоял, словно Христос среди грешников, и дико хохотал.

– Ах ты, мерзавец! – взвизгнул «топор» и, сорвав с плеч свой поруганный башлык, вышвырнул его в окно.

– Стащите его вниз, свинью этакую! – зарычал «индюшине яйцо».

– Представляете, какой ужас! Что же мне теперь делать? Главное – не моя! – стонал пассажир с билетом, вытирая платком сорочку.

– Завяжите ему рот полотенцем, – посоветовал кто-то из соседнего купе.

– В чем дело, товарищи? Неужели лопнул бочонок? – раздался вдруг тихий голос блондина.

С верхней полки, из полумрака, выглянуло его сконфуженное, бледное, словно мел, лицо.

– Ты еще издеваешься над нами, подлец?! «Лопнул бочонок»! У тебя что, винегрет в бочонке?! А?! Вот я тебе!.. – Разъяренный Амбако ринулся на полумертвого от страха блондина. Его с трудом удержали.

...Спустя полчаса тосты возобновились. Вскоре за трапезой остались лишь я и Амбако.

– Я хочу, чтобы ты, дядя Амбако, познакомился со мной ближе, – попросил я.

– Кто ты такой?

– Я – Зурикела Вашаломидзе!

– Что ж, фамилия у тебя хорошая, и выпить ты, видать, не дурак. А чей ты сын?

– Я сын моей бабушки, Иллариона и Илико.

Амбако вытаращил глаза.

– Может, еще чей-нибудь? – спросил он наконец.

– Больше ничей. Только троих. Я петь хочу.

– И потому едешь в Тбилиси?

– Нет, в Тбилиси я еду учиться. Ведь у меня есть аттестат зрелости. А у тебя есть? Нету? Ты и знать не знаешь, что такое аттестат зрелости. Да здравствует учение! – сказал я и опорожнил стакан.

– Я вот что тебе скажу... Ты, видать, неплохой парень... Ты слушаешь меня? Да перестань же смеяться как дурак! Слушай! Я – Амбако Горделадзе и тоже еду учиться. «Куда тебе, старый хрыч, учиться!» – скажешь ты. Вот и напрасно. Учиться, брат, никогда не поздно... Вот когда царя Николая с престола свергли... Да ты держись, не падай!.. Когда Николай, говорю, свергли с престола, я был таким же, как ты, молокососом. И думал я, что сидел царь на большой тахте¹⁸, а потом пришли к нему рабочие и крестьяне, взяли его за ноги и стащили с той тахты... Так я тогда думал. А почему я так думал, знаешь? Неучем был, вот почему! Зато сыновья у меня ученые. Понял? Да здравствует учение!..

– Да здравствует дядя Илларион!

– Амбако мое имя!

– Нет, Илико!

– Амбако!

– Говорю тебе – Илико! Но когда у тебя вырос второй глаз?

– Слышь, сынок, меня зовут Амбако!

¹⁸ Игра слов: «тахта» по-грузински – «тахта» и «престол».

– Дядя Илларион, дай-ка я тебя поцелую!

– Черт с тобой, Илларион – так Илларион, но если, бог даст, протрезвишься, зови меня Амбако!

– Не хочешь меня поцеловать?

– Чудак ты! Отчего не поцеловать хорошего парня?

Амбако вытер губы рукавом и громко чмокнул меня. Я положил голову на плечо Амбако и закрыл глаза.

– Помнишь, Илларион, как ты подстрелил бедного Мураду?

– Помню, сынок, как же не помнить!

– А помнишь, что ты тогда сказал?

– А ну-ка напомним!

– Утешал меня: не плачь, мол, Зурикела.

– Да, да, вспомнил!

– А ты? Ты ведь тоже плакал!

– Я плакал? Ну да, конечно, плакал!

– А табак помнишь? Тот, которым нас угощал Илико?

– Как же, отличный был табак!

– Да нет, я спрашиваю про наперченный табак!

– Помню и про наперченный.

– Ты ведь знаешь: ты и Илико для меня дороже всех на свете!

– Знаю, знаю, сынок... А теперь засни!

– Бабушка уже спит... Нет, не спит... Думает обо мне...

– Конечно, думает, а как же? Ведь любит тебя...

Мчится поезд, плавно покачиваются вагоны, качается земля и все вокруг... Как бы поезд не сошел с рельсов... Впрочем, мне бояться нечего – я сплю на груди Иллариона... Мозолистая шершавая рука его нежно гладит меня по влажному лбу... Постукивают на стыках колеса... Поезд мчится, гудит.

– Аа-у-у, Зурикела, куда ты, ау-у-у!

– Иду, иду, бабушка! – кричу я и бегу сквозь легкий туман.

– Спи, сынок... – успокаивает меня кто-то.

Что такое дом

Я уже студент экономического факультета. Богатство мое по-прежнему состоит из одной пары брюк и одного «хвоста» – по политической экономии. Пока я учился на первом курсе, мою стипендию аккуратно получала моя домохозяйка, причем при каждой получке она упрекала меня:

– Мог бы, лентяй, стать отличником...

Теперь в связи с «хвостом» домохозяйку лишили стипендии, и поэтому к политэкономии мы готовимся вместе.

– Ну как, когда сдаешь? – спрашивает она каждое утро.

– Отвяжись, ради бога, тетя Марта! – злюсь я. – Что ты пристала, точно моя бабушка!

– Пропадите вы оба пропадом! – кричит хозяйка. – Нужны вы мне... Ты думаешь расплатиться со мной или нет? Или забыл про управдома? Сегодня опять он меня предупредил – держишь, говорит, непрописанного жильца, а про благодарность забыла.

– Ну и поблагодарила бы его! Жалко тебе хороших слов, что ли!

– Не скаль зубы, дурак! Садись и занимайся! Если тебе через два дня не восстановят стипендию, выгоню из дому!

– А может, аспирантуру закончить за два дня? Подумаешь, дом! Мышеловка какая-то...

– Каков поп, таков и приход! Может, ты желал комнату с

горячей ванной?

– Да, кстати, принеси-ка, пожалуйста, стакан горячего чаю!

– Гроб тебе принесу дубовый!

– И не забудь положить сахару!

Хозяйка уходит. А я грустно смотрю на свои конспекты. Тетя Марта живет в крохотном двухкомнатном домишке в конце Варазис-Хеви. Моя хозяйка – некрасивая, сварливая, но добрая женщина. У нее всего один жилец, да и тот – я. Я занимаю одну комнату, в которой, кроме меня, помещаются одна кушетка, один стол, Софья и вышитая женщина с рыбьим хвостом на стене. У Софьи – зеленые глаза. Утром после моего ухода она старательно чистит и вытирает мою единственную тарелку, потом весь день сидит на подоконнике и глядит на старое тутовое дерево и прыгающих на нем воробьев. Это дерево и тетя Марта, оказывается, ровесники, но еще никто не видел его плодоносящим. Софья – очень хитрая и себялюбивая. Вечерами она терпеливо ждет, когда я лягу и согрею постель. Лишь после этого она сходит с подоконника и осторожно лезет ко мне под одеяло. Я очень люблю Софью, нет, не то что люблю, просто очень привык к ней, – наверное, это и есть любовь. Откуда она пришла к нам – этого не знаем ни я, ни моя хозяйка... Было это вечером. Она молча вошла в мою комнату, задрала хвост, потерлась боком о ножку кушетки и вопросительно взглянула на меня, словно спрашивала: «Я нравлюсь тебе?» Она была похожа

на соседскую девушку, и поэтому понравилась мне. «Софья, Софья!» – позвал я ее. Она повернулась ко мне спиной и не спеша направилась к двери. «Куда ты, Софья, останься, пожалуйста!» – попросил я. И Софья осталась. С тех пор мы живем вместе...

Софья чувствует, что дела мои обстоят неважно, и всячески старается поддержать меня. Я в десятый раз перечитываю конспект и в отчаянии кладу его под подушку. Вчера вечером тетя Марта сказала мне, что я отъявленный безбожник, отсюда и все мои беды. Я ответил, что, по-моему, самый безбожный безбожник – это сам Бог, который лишил меня покоя, а ее – стипендии. Тетя Марта заявила, что Господь не простит мне подобного богохульства. Я сказал, что чихал я на этого Бога. Тогда тетя Марта потребовала, чтобы я немедленно пал на колени и вымолил у Всевышнего прощения, иначе он лишит меня дара речи. На это я ответил, что Всевышний уже лишил меня языка: второй раз выхожу на экзамен и ни разу не могу вымолвить ни слова! Тогда тетя Марта испуганно перекрестилась, плюнула и с шумом захлопнула за собой дверь...

...Сегодня утром я снова иду на экзамен. На всякий случай я решаю последовать совету тети Марты, становлюсь на колени перед кушеткой, воздеваю руки к потолку и молю Бога:

– Боже, прежде всего прошу тебя, сделай так, чтобы этот прогнивший потолок не обрушился мне на голову... Потом,

Боже всемогущий, сегодня, в десять часов утра, у меня экзамен по политэкономии. Ты знаешь, что такое товар?¹⁹ Корова, свинья и козел – это не товар, как я думал раньше. Но, с другой стороны, корова, свинья и козел могут стать товаром. Не понимаешь? Я тоже не понимаю. Потому и прошу тебя – помоги мне сдать этот предмет! Не позорь меня перед Илико, Илларионом и бабушкой! Только не говори, что в мои годы ты учился на круглые пятерки! Это ты брось! Илларион тоже так говорит! Вы, старики, только и умеете, что читать молодым нравоучения!.. Если уж ты такой умный, забудь про вчерашнее и помоги мне на экзамене! Вот это будет по-божески! Нет, в самом деле, что тебе стоит подбросить мне одну захудалую тройку?! Ну как, Боже, ты слышишь меня?!

– Эй, кто ты такой?! – раздался вдруг громкий окрик.

У меня со страха кровь застыла в жилах, во рту пересохло.

– Тебя спрашивают! – повторил голос.

– Я... Я... Я – Зурико...

– Вашаломидзе?

– Да, Вашаломидзе!

– И не стыдно тебе жить без прописки?

– Что?

– Ступай немедленно за мной в милицию! Там я тебе покажу «что»!

¹⁹ Игра слов. В грузинском языке слова «скот» и «товар» обозначаются одним словом «саконели».

Кровь снова потекла по моим жилам.

– А кто ты такой? – спросил теперь я и обернулся.

Передо мной стоял высокий, тощий мужчина в выдавшей виды шляпе, с истертым портфелем под мышкой, – наш управдом Доментий.

– Дядя Доментий! – состроил я гримасу.

– Черт тебе дядя! – состроил гримасу Доментий.

– Товарищ Доментий! – поправился я.

– Какой я тебе товарищ? – оборвал меня Доментий.

– Ну, тогда мне все равно, кто ты, – взорвался я, – отстань от меня, я спешу на экзамен!

– Придержи-ка язык! Одевайся поживее и марш со мной! – рявкнул Доментий и засунул руку в карман.

– Вынь руку из кармана, а потом разговаривай со мной! – повысил голос я.

Доментий даже застонал от удивления.

– Да ты!.. Да как!.. Как ты смеешь! Молокосос!..

– Говорю тебе по-человечески: оставь меня в покое, сегодня у меня экзамен! Завтра я сам пойду в милицию!

– Нет. Ты пойдешь сегодня, иначе завтра тебя поведут силой!

Я понял, что Доментий не шутил. Софья догадалась, что я оказался в безвыходном положении, и начала истошно мяукать.

– Заткни ей глотку, не то вышвырну в окно! – сказал Доментий.

Софья испугалась и замолчала. Я оделся. Через пять минут мы уже спускались по Варазис-Хеви.

– Нет у тебя сердца и жалости! Человек собирался на экзамен, а ты его тащишь в милицию, – сказал я.

– Это у меня нет сердца? – обиделся он.

– У тебя! У кого же еще?

– А у тебя оно есть? Вот ты живешь без прописки и не думаешь о том, что отвечать-то за тебя придется мне! Скажут – Доментий покрывает непрописанных, Доментий с них... А ты мне что-нибудь давал? Ну скажи, давал ты мне хоть одну копейку?

– Нет!

– То-то! А то – Доментий взяточник, Доментий грабитель, Доментий обманщик... А кто вор и мошенник?

– Кто?

– Сколько ты платишь за комнату? – спросил вдруг Доментий.

– Двести пятьдесят в месяц, – ответил я.

– Откуда у тебя такие деньги?

– Бабушка присылает.

– А у бабушки откуда?

– Занимает у Иллариона.

– А Илларион где достает?

– Если урожай хороший – продает вино, а нет – занимает у Илико.

– А где достает Илико?

– Да что ты ко мне пристал?! А тебе-то самому кто их дает?

– Никто. Потому и веду тебя в милицию!

– Говори прямо: что тебе от меня нужно?

– Мне – ничего. Отведу тебя в участок, сдам по всем правилам правительству и доложу. Вот гражданин... Какая у тебя профессия?

– Пока никакой.

– Прекрасно!.. Вот гражданин без определенной профессии, без прописки, провалившийся на экзамене... Ты по какому предмету провалился?

– По политэкономии...

– Тем хуже для тебя... Политически неграмотный, верующий... Ведь молился Богу?

– Молился.

– Замечательно!.. Сдам тебя правительству, и... ты в тюрьме сидел?

– Нет...

– Ну, так пожалей же себя! В два счета оформлю тебе прописку – комар носа не подточит, – сказал Доментий и остановился около закусочной. – Понял?

– Нет...

– Болван! О чем с тобой говорить, когда ты даже не понимаешь, что значит дом и прописка!.. Ну, что ты на меня уставился? Зайдем к Риголетто, закусим...

По правде говоря, я был очень голоден. Я посмотрел на

Доментия благодарными глазами, нежно улыбнулся и последовал за ним в подвал.

Мы подсели к столику в углу закуской. Доментий отогнул скатерть, чтобы не запачкаться, отодвинул тарелку с мухомором, втиснул портфель между спинкой стула и собственной спиной, вытер лоб и заботливо спросил:

– Ну, что будешь есть?

– Все! – живо ответил я.

– А пить?

– За твой счет – хоть керосин! – пошутил я.

Доментий улыбнулся и стукнул по столу рукой:

– Риголетто!

Из-за стойки вышел хромой буфетчик и замер на одной ноге у нашего столика.

– Аджан!

– Привет, Риголетто! Знакомься: свой парень, хлебосольный, сегодня распоряжается он!

Я встал, вежливо поклонился, крепко, по-тбилиски, пожал руку Риголетто и назвал свое имя.

– Сагол²⁰, видать, крепкий парень! – сказал Риголетто и с сожалением посмотрел на меня. – Что прикажете подать?

– Два пива, два сыра, две зелени, редиску не забудь! Два хлеба и бутылку водки! Икра есть?

Риголетто глупо улыбнулся. Вскоре стол был накрыт.

Доментий наполнил стаканы, чокнулся со мной и молча

²⁰ *Сагол* – одобрительный возглас, «молодец».

выпил. Второй стакан выпили за наше знакомство. Потом Доментий произнес тост:

– Я, Доментий Хачапуридзе, – маленький человек. Но Наполеон тоже маленький был, а мой отец – еще меньше него, но горы сворачивал. Я – управляющий домами, и сердце у меня мягкое. От меня зависит – жить человеку в доме или на улице. Тебе приходилось жить на улице?

– Что я, беспризорный, что ли? – обиделся я.

– А вот захочу – и выгоню тебя на улицу, потому что ты непрописанный!

– А ты возьми и пропиши меня – и делу конец!

– Я-то возьму, но ты разве даешь?

– Что? – не понял я.

– Ладно, выпей! – сказал Доментий и наполнил стаканы.

Мы выпили. И тогда я заметил, что глаза Доментия начали косить.

– Ты знаешь, что такое дом? – продолжал он.

– А что тут знать? Дом – это дом!

– А все же?

– Ну... комнаты, перекрытые черепицей, или соломой, или дранкой...

Доментий захихикал и снова взялся за стакан.

– Чудак ты! Дом – это прежде всего семья! Есть у тебя семья?

– Нет!

– Ну и дурак же ты, братец мой! В твои годы, если хочешь

знать, у меня была уже вторая жена. Теперь я опять живу с первой... О чем я говорил? Да! Семья и дом неотделимы друг от друга. Не имеешь дома – не сможешь жениться, не женишься – не сможешь жену в дом привести? А ты знаешь, как появился дом?

– Знаю!

– Скажи!

– Из кирпича, досок, извести, камня, черепицы...

– Замолчи, жалкий ты человек!.. До того, как придумали кирпич, человек жил на дереве...

– В пещере, – поправил я.

– Одни жили в пещерах, другие – на деревьях... Потом человеку надоело жить на дереве и он спустился на землю... А потом, знаешь, что с ним случилось?

– Прошелся туда-сюда и снова полез на дерево...

– Нет, сперва он гулял, а потом ему стало холодно! И что он сделал?

– Надел пальто и согрелся!

– Идиот! Где тогда были пальто?! Взял он кремь, высек огонь, развел костер и согрелся. Но ты же знаешь, природа коварна. Подул вдруг холодный ветер с востока. Взял человек и возвел стену с восточной стороны – чтоб огонь от ветра оградить. Подул потом ветер с запада, возвел тогда человек вторую стену, с запада. Потом как налетит, как засвистит сквозной ветер – с севера на юг! Что оставалось делать бедному человеку? Поставил он еще две стены – с севера и с юга.

А дело было осенью. Хлынул дождь – холодный, проливной. Видит человек – плохо дело, гаснет огонь. Что делать? Тут он и сообразил перекрыть стены соломой!

– Дальше?

– Дальше – новая беда: горит костер, дым ест человеку глаза – хоть плачь! Он туда, он сюда – что делать? Не разбирать же стены? Но он все же человек был, а мы тем и отличаемся от животных, что кое-что соображаем и говорить умеем.

– Сам ты животное, Серапиона ты, вот кто! – сказал я и схватился за бутылку.

– Поставь бутылку, глупец!.. Где ты меня остановил?

– ... Человек в дыму задышался!

– Да, чуть не задохнулся, несчастный. Потом он догадался: пробил отверстие в потолке, дым вышел, вздохнул он свободно... Сидит человек у костра, греется. И захотелось ему узнать – не перестал ли дождь. А как узнать?

– Очень просто: высунул руку!

– Куда?

– В окно, куда же еще!

– Болван! Окна-то ведь не было? Вот он и решил сделать в стенке окно... А потом ему потребовалось выйти... Ну, сам понимаешь зачем... Риголетто! Два по сто! – Доментий икнул и продолжал: – Пробил он дверь, и получился... Что?

– Отверстие! – ответил я.

– Вот идиот! Дом получился, понимаешь ты, дом!

– Не знаю, мой дед иначе дом строил...

– А мой совсем не строил, он в чужой вошел, но это неважно... Потом человек привел из лесу собаку, поручил ей сторожить дом, а сам ушел. Привел жену, поручил ей вести хозяйство и снова ушел. Принес дичь... Стали они есть да похваливать... А потом пошли у них дети, внуки, правнуки, праправнуки... Появилось село, затем район, затем город и, наконец, столица... Столица Грузии – Тбилиси... Вот видишь, с каким трудом создавался наш Тбилиси? А ты свой труд вложил сюда? Нет! Так как ты смеешь после этого жить в Тбилиси без прописки?! Но ничего, не огорчайся... Ты мне нравишься... Как звать тебя?

– Зурико!

– Зурико... С Мартой я поговорю отдельно, а с тебя возму всего-навсего двести рублей, не больше... Смотри только не проговорись!.. Как тебя звать?

– Зурико!

– Да. Значит, молчок! Понял, Зурико? – Доментий лукаво подмигнул мне, да так и остался с закрытым глазом.

Тогда он подмигнул вторым глазом и тоже не смог открыть. Так и заснул.

Я наполнил водкой стакан и подозвал Риголетто.

– Аджан! – не замедлил явиться буфетчик.

– Пей! – сказал я, протягивая ему стакан.

– На работе не пьем! – ответил Риголетто и осторожно поставил стакан на стол.

Я обнял буфетчика и спросил:

– Ты знаешь, что такое политэкономия?

– И политику знаю, и экономию!

– Тогда скажи мне: что такое товар?

– Какой товар, бесфактурный?

– Нет, фактурный!

– Все, что лежит на витрине, – это товар. Есть еще товар на складе...

– Правильно! А этого мертвеца видишь? – указал я на Домения.

– Спит, – сказал Риголетто и усмехнулся.

– Это Серапиона.

– Не Серапиона, а Доментий.

– Я говорю тебе – Серапиона, – сказал я, потом залпом опорожнил стакан и вдруг почувствовал, что вокруг меня все завертелось. Стол, я и Риголетто очутились на стене. «Сейчас полетим вниз!» – промелькнуло в голове. Я зажмурился. Когда я открыл глаза, все было в порядке... – Ты меня не знаешь? – спросил я Риголетто. – Я – Зурикела Вашаломидзе... А ты знаешь, что такое политэкономия?

– Ва, сказал же, знаю! Принести счет?

– Неси!..

Риголетто ушел, принес огромные бухгалтерские счета и бойко застучал костяшками:

– Два шашлыка – сорок рублей, два хлеба – шесть рублей, водка, зелень, сыр... В общем, всего триста рублей...

– Триста рублей – это много... Хватит и пятидесяти...

– Ты что?!

– Дай, говорю, рублей пятьдесят, для машины достаточно... Не хочется тащиться пешком...

– Знаешь, что я тебе скажу?... – В руке у Риголетто сверкнул аршинный нож.

– Ты что, убить меня хочешь? – спросил я.

– Выкладывай деньги! – прошипел буфетчик.

– Обыщи меня! Найдешь хоть один рубль – ставлю два литра!

Риголетто молча схватил меня за воротник.

– Дядя Доментий! Товарищ Доментий! Доментий! Вставай, проклятый, убивают! – завопил я.

Доментий открыл глаза, взглянул на меня невидящим взором, махнул рукой и переложил голову с одной тарелки на другую.

– Отпусти! – взмолился я. – В залог вот его оставляю! Мало тебе этого?

– Мало! – ответил буфетчик. – Выкладывай деньги! Шутки – потом!

– Ладно! – согласился я. – Отпусти меня...

Риголетто разжал пальцы. Я схватил портфель управдома, раскрыл его и потряс над столом. Портфель был пуст. Тогда я вывернул карманы пиджака Доментия. В них оказалось четыре тридцатки.

– Сто двадцать рублей. Гони еще восемнадцать червон-

цев!

Теперь я перешел на карманы брюк. В них оказалось сто пятьдесят рублей.

– Гони еще тридцать! – сказал Риголетто.

– Бессердечный ты человек! Неужели у тебя детей нет? – попробовал возмутиться я.

– Нету! – отрезал буфетчик.

– Тогда эти тридцать рублей я удержу за бездетность! – сказал я и направился к двери.

– Убери с моих глаз эту падаль, – крикнул Риголетто, – иначе я за себя не ручаюсь!

Я понял, что оставлять здесь управдома опасно.

Взвалив Доментия на плечи, я кое-как выбрался из владений Риголетто.

В ту ночь я, Доментий и Софья спали вместе, в одной постели. Спали безмятежным сном, без всякой прописки, и ни одному из нас не было стыдно.

Кого я вижу!

Вот уже третий год я живу в Тбилиси. В деревне меня называют «городским жуликом», в городе «деревенщиной». Тетя Марта по-прежнему считает меня злостным неплательщиком, управдом Доментий – аферистом, профессора – гастролером, и только для бабушки, Илико и Иллариона – сколько бы институтов я ни кончил – я остался прежним Зурикелой – прохвостом, болтуном и нехристом. Софье все равно, кто я, она не интересуется ни моим прошлым, ни настоящим, ни будущим. Софья греется в моей постели, ест остатки моего обеда. И этого вполне достаточно для ее кошачьего счастья. «Хвосты» по-прежнему неотступно преследуют меня, а моя стипендия лежит где-то в сейфах университетской бухгалтерии и терпеливо ждет – когда же она наконец увидит своего хозяина...

...На дворе мороз. Валит снег. Воет ветер.

Я сижу в комнате тети Марты. Здесь теплее. На столе поет пузатый самовар. Мы медленно тянем горячий чай и мирно беседуем.

– Бедная твоя бабушка... – вздыхает тетя Марта. – Если бы ты, лоботряс, получал стипендию, ей было бы легче...

– Тетя Марта, сегодня день моего рождения, не отравляй его, ради бога!

– Будь проклят день, когда ты родился, бесстыдник!

– Благодарю! Вам того же желаю! Алаверды, тетя Марта! – говорю я и чокаюсь чайным стаканом с хозяйкой.

– У, шалопай! – Тетя Марта прячет улыбку и незаметно опускает свой сахар в мой стакан.

Зима в Тбилиси холодная. Мне приятно сидеть в комнате тети Марты. После чая она обычно начинает рассказывать разные печальные истории, и всегда в третьем лице, но я знаю, что все это – из ее собственной жизни. Я люблю слушать печальные истории. И тетя Марта любит слушать мою болтовню. Она корчится от смеха, после каждой паузы говорит: «Чтоб ты провалился!» – и вытирает слезы.

Сегодня по поводу дня моего рождения в роли рассказчика выступаю я. Тетя Марта перестает отхлебывать чай и внимательно слушает.

– Ты знаешь моего Илико? – начинаю я.

– Еще бы! Сколько раз ты про этого одноглазого рассказывал.

– Так вот, слушай... Во дворе Илико, у самого плетня, стоит высокая черешня. Дерево это знаменито тем, что к нему привита черешня четырех сортов: шамбала, майская, поздняя и белая. Так что оно плодоносит все лето. Илико гордится своим чудо-деревом и бережет его, как свой единственный глаз. Вряд ли кто осмелится забраться на дерево днем, а по ночам Илико спит на балконе в обнимку с допотопной берданкой, заряженной солью.

Как-то под вечер мы с Илларионом отправились на мель-

ницу. В ожидании очереди время прошло незаметно. Возвращались домой далеко за полночь. Поравнявшись с домом Илико, Илларион остановился.

«Отдохнем немного!» – предложил он и уселся под черешней.

Я не возражал.

Посидели. Выкурили по одной. Я встал.

«Куда ты спешишь?» – сказал Илларион.

«Не сидеть же здесь до утра! Я спать хочу!»

«А черешни не хочешь?»

«Еще бы! А где ее взять?»

«Как это – где? Вот она, над тобой!»

«Ну нет, благодарю тебя! Ты, видно, забыл про берданку!»

«Дурак! Его берданку разорвало третьего дня!»

«Ну и пусть, я все равно не полезу!»

«Значит, на дерево карабкаться мне, а черешню лопать будешь ты?»

«Почему бы и нет!»

«Ах ты, мерзавец! И тебе не стыдно посылать на дерево бедного старика?»

«Не прибедняйся, пожалуйста!»

«Хорошо, черт с тобой, полезем вместе!»

Договорились: я должен был забраться во двор, хорошенько все разведать, влезть на дерево и после этого дать знак Иллариону.

Вокруг все было спокойно. Я ползком добрался до череш-

ни, прислушался, потом осторожно встал, крепко обхватил руками ствол дерева и... прилип к нему! Прилип, как муха! Всем телом! Весь ствол дерева на высоту человеческого роста был обмазан толстым слоем дьявольской смеси, в которой по запаху угадывались тавот, навоз, птичий помет и еще какая-то дрянь... Я с трудом оторвался от дерева. Вся одежда воняла. Я стоял, задыхаясь от злобы и зловония, и думал о том, как отомстить Иллариону за соблазн. Лучшего выхода не было – я вскарабкался на дерево и протяжно, но тихо свистнул. Тотчас же Илларион тенью перемахнул через плетень и осторожно двинулся к дереву. Я услышал его громкое сопение и приглушенный голос:

«Эй, что тут воняет?»

«Ничего, ничего, поднимайся!» – ответил я шепотом.

Илларион широко раскрыл объятия, обхватил дерево и... застыл. Под деревом минуту царило гробовое молчание, потом до меня донеслось злобное шипение:

«Зурикела, что это значит?»

«Это значит, что Бог наказывает вора! Что, не нравится соус?» – ухмыльнулся я.

«Зурикела Вашаломидзе, если ты решил провести всю жизнь на этом дереве, то сиди. Но если спустишься когда-нибудь вниз – прирежу, как рождественскую свинью!»

«Сам во всем виноват!»

«В чем я виноват, сукин ты сын, в чем? Черешней хотел угостить тебя, подлеца. А навоза для тебя в моем доме до

второго пришествия хватит».

«Ну, будет тебе! Я спускаюсь, пусти меня!»

«Зурикела! Пожалей свою грешную голову, не делай ни шагу!»

«А что, летать прикажешь?»

«С ума меня сведет этот мерзавец! Ты как со мною разговариваешь, молокосос?! Как мне теперь домой идти, ты подумал об этом?»

«А мне как идти?»

«Тебе идти не придется больше! Труп твой, слышишь, труп я принесу домой!» – Илларион собрался было дотянуться до меня, но закашлялся. Его тошнило.

Я камнем свалился с дерева.

«Илларион, дорогой, что с тобой? Тебе плохо?»

«Прочь от меня, не прикасайся!» – оттолкнул он меня.

Поглощенные перебранкой, отравленные зловонием, мы ослабили бдительность.

Вдруг на балконе Илико что-то загрохотало, упало, показилось и разразилось истошным воплем:

«А-у-у, держи его, держи! Вы зайдите снизу, вы – отсюда, остальные – оттуда! А-у-уу!!!»

Опрокинув плетень лобовой атакой, мы галопом выскочили на дорогу. Грянул выстрел.

«Еще подстрелит нас, косой черт!» – пробормотал Илларион, взваливая на плечо мешок с мукой.

«Не бойся, пока он будет перезаряжать берданку, мы успе-

ем уйти!»

«Черта с два! Ружье-то двустольное!»

«А ты почему знаешь?»

«Да я же ему одолжил свое!»

«Ну, тогда пеняй на себя!»

«Бери мешок, дурак! Бежим!»

Я подхватил свой мешок и собирался было последовать за Илларионом, как раздался второй выстрел. Илларион выронил ношу, странно согнулся, одной рукой ухватился за меня, другой – за мягкое место и издал вопль, от которого задрожали стекла в доме Илико. Я поспешил зажать ему рот. Илларион извивался, словно ужаленный, вертелся волчком, приседал, вытягивался – словом, выделял такие трюки, которым позавидовал бы любой акробат. Пришлось бросить мешки и взвалить раненого себе на спину...

...Тетя Марта смеется до слез. Потом, обессиленная, перекатывается со стула на кушетку и машет мне руками – замолчи, мол. Но остановить меня не так-то просто...

«...Зурикела, дорогой, не оставляй меня, не срами на старости лет! – молил меня Илларион, скрипя от боли зубами. – Ох, Илико Чигогидзе, попадись ты только мне в руки! Уж я разделаюсь с тобой!.. Зурикела, спаси меня, умираю!..»

«Соль-то каменная?» – спрашиваю я.

«Смеешься, негодяй? Издеваешься? Ну, погоди, доберусь я до вас обоих, мерзавцы!.. О-о-о, боже, будет ли конец моим мучениям?.. Горю!..»

«Потерпи, скоро рассосется...»

«Когда же это будет?! Всадил в меня, косой черт, пуд соли!»

Я осторожно опустил Иллариона на землю, уложил лицом вниз, спустил с него штаны и осмотрел рану.

«Плохи мои дела? – простонал Илларион. – Дотяну до утра?»

«Ну что ты, Илларион!» – успокоил я его.

«Зурикела, сынок, подууй на рану, авось полегчает!» – взмолился Илларион.

Битый час сидел я подле него, дул на рану и проклинал Илико. Потом кое-как, с большим трудом дотащил Иллариона до дому, уложил на кушетку и наложил на посиневшую рану мокрое полотенце. Затем я сбегал к себе домой, привел бабушку и больше не отходил от кряхтевшего и стонавшего друга.

«Видишь, видишь, Ольга, какую он со мной выкинул шутку? – сокрушался Илларион, впиваясь зубами в подушку. – У-у, одноглазый дьявол, доберусь я до тебя! Доберу-у-сь!...»

«Неужели он не знал, что это ты?» – спросила бабушка.

«Упаси боже! Если бы он меня узнал, лежал бы сейчас ваш Илларион с пулей в груди...»

«Поделом тебе! В другой раз будешь умнее. А ты о чем думал, прохвост? – вдруг накинулась на меня бабушка. – Раздевайся сейчас же и ложись спать. Постираю вашу вонючую одежду, авось высохнет до утра, а нет – так валяйтесь в по-

стели... Лодыри!..»

Легли мы только на рассвете.

...Было совсем светло, когда на дороге показался Илико. Я первым заметил его из окна и затаил дыхание. Илико нес на спине два мешка с мукой. Мешок побольше он сбросил у ворот Иллариона, другой перекинул через наш плетень. Потом он сложил руки рупором и закричал:

«Илларион!.. Илларио-о-н!.. Ты что, не слышишь, дорогой?»

Илларион молчал, как могила.

«Зурико! Зурикела-а-а!» – не унимался Илико.

«Чего ты разоряешься, косой черт! – откликнулась бабушка. – Чуть свет будишь мне ребенка! Что хотел?»

Илико, который больше всего на свете боялся моей бабушки, сразу же смягчил голос:

«Ничего, дорогая Ольга, я хотел только узнать, дома ли Илларион».

«А мой Зурикела сторожем к нему приставлен, что ли? Пойди и сам посмотри!»

Илико с минуту молчал, словно сил набирался, а потом разразился:

«Где ты, носатый дьявол?! Выйди, покажись!.. Не смеешь?.. Вор! Разбойник!.. Нашел себе занятие – воровать чужую черешню!.. Бесстыдник!.. Ну, каково лежать в постели? Не нравится?.. А может, подбавить еще немного соли? Не хочешь? Выходи, говорю тебе, покажись!.. Не можешь ходить?

Так тебе и надо, бандюга! Будешь знать, как обворовывать честных людей!...»

«В чем дело, Илико, за что ты его так проклинаешь?» – спросила бабушка.

«За что? Задумал, понимаешь, прошлой ночью моей черешней полакомиться. И получил по заслугам. И он, и его дружок!»

«Какой еще дружок?»

«Не знаю! Пусть сам скажет!...» – уклонился Илико от ответа.

«Погоди, может, это был вовсе не Илларион?!»

«Да если б это был не он, разве простил бы мне столько ругани! И потом, с чего это ему вдруг приспичило стирать свою сорочку и брюки? Вон! Развесил на перилах! Скажите, пожалуйста, разбогател, смену имеет! Вставай, выходи, носатый, и забирай свою муку, пока я не передумал!.. Разбойник!...»

Илико с видом победителя зашагал по дороге. Пройдя несколько шагов, он остановился, обернулся к бабушке и громко спросил:

«А все же, где этот прохвост Зурикела? Или он не слышит меня?»

«Что тебе от него нужно?» – сказала бабушка и взяла в руки палку.

«Ничего особенного, дорогая... Просто хотел спросить, долго ли он тащил вчера на спине носатого дружка?..»

Не вытерпев больше, я с хохотом выбежал на двор.

Смеялась бабушка, смеялся Илико. Не смеялся лишь бедный Илларион: он по-прежнему лежал, уткнувшись носом в подушку, и скрипел зубами...

...Я закончил свой рассказ. Тетя Марта встала, поцеловала меня в лоб и налила чай. Потом открыла шкафчик, достала банку орехового варенья и положила мне на блюдечко два черных шарика.

– Ну и уморил ты меня, Зурикела! Дай Бог здоровья тебе, и твоей бабушке, и твоему Илико, и твоему Иллариону!..

– Это я завтра утром съем, тетя Марта, – сказал я и взял блюдечко.

– Ешь сейчас, а на утро возьми вот это! – ласково сказала тетя Марта и придвинула ко мне банку с вареньем.

Сегодня произошло чудо: Софья встретила меня в постели. Она, наверное, долго ждала меня, но я засиделся у тети Марты до двух часов ночи. Софья чуть приоткрыла один глаз, взглянула на меня и, убедившись, что это я, снова закрыла. Я быстро разделся и лег рядом с ней. Прошло несколько минут. Софья молчала. Наконец я не вытерпел и спросил:

– Спишь?

Софья не ответила. Она снова открыла один глаз, посмотрела на меня, потом закрыла и продолжала мурлыкать.

– Софья, – сказал я, – это довольно глупо с твоей сторо-

ны! Ну, почему ты дуешься, скажи, пожалуйста? Ведь я был у тети Марты!

Софья хотела что-то ответить, но не смогла: ведь это была Софья, а не Мурада, который понимал меня с полуслова и мог глазами разговаривать со мною на любую тему...

– Софья, – продолжал я, – сегодня день моего рождения. Знаешь, сколько лет мне исполнилось?

Софья не знала и, видимо, не интересовалась этим. Но она прочла в моих глазах радость и по-своему поделила ее: повернулась ко мне и ласково потерлась мордой о мою щеку. Я обнял Софью, и мы заснули. Всю ночь мне снились бабушка, Илико и Илларион, а Софье, наверное, мыши...

...Светало, когда у нашей калитки кто-то громко позвал:

– Хозяин!

Я не был здесь хозяином и поэтому не откликнулся.

– Эй, хозяин! – позвал кто-то еще раз.

В комнате тети Марты послышался шум, потом скрипнула дверь и по балкону прошлепали тапочки моей хозяйки.

– Кто там?

– Где тут живет Зурикела Вашаломидзе?

– Кто?

– Прохвост Зурикела Вашаломидзе!

Всемогущий Боже! Святая Мария! Тетя Марта! Софья! Знаете ли вы, что такое чудо? Знаете ли вы, как от радости останавливается сердце? Нет? А знает ли об этом тот, кто сейчас произнес мое имя? Быть может, это всего-навсего те-

леграмма? Нет, это не телеграмма! Так в чем же дело? Спокойнее, Зурикела! Не выскакивай босиком во двор, простудишься, выгляни-ка сперва в дверь! Нет, нет, беги, лети к калитке! Кричи, плачь, смейся, пой, Зурикела! С огромным хурджином²¹ на плечах, запорошенный снегом, с посиневшим от холода носом во дворе стоит твой Илларион!

Илларион прекрасно, словно это было вчера, помнит день рождения Зурико. В тот день он в последний раз выстрелил из своей берданки – вскоре после этого ружье у него отобрали. Что бы там ни случилось, Илларион не забудет день рождения Зурико, потому что нет на свете никого, кто был бы Иллариону дороже, чем Зурикела.

Вот и сейчас он приехал к своему любимцу и привез теплые шерстяные носки, вино, водку, сушеные фрукты. И деньги. Свои премиальные – за шелковичные коконы – семьсот рублей. А еще привез он письмо от бабушки. А ну-ка, что там пишет бабушка своему Зурико?

«Сыночек мой! Ты теперь ученый человек, известный всему Тбилиси. В твою школу пришло письмо из университета. Кого, мол, это вы нам прислали? Кто его учил? Я так и знала, что ты всех там с ума сведешь, мой дорогой! Смотри не урони чести нашего села! Больше ничего мне от тебя не нужно, сынок! Завтра тебе исполнится двадцать лет. Так ведь? Через год подыщу тебе невесту, мой мальчик. А как же? Должна же я покачать люльку твоего сына! Потом я умру, и ты

²¹ *Хурджин* – восточная матерчатая сумка.

похоронишь меня. Но только не смей плакать! С песней, со смехом похорони свою старую бабушку, мой ненаглядный! Сожалеть мне не о чем – прожила я немало, хватит с меня... В деревне у нас, слава богу, все благополучно. У Илико отелась корова. Хромой Архипо отдал богу душу, похоронили в прошлое воскресенье. Матрена наконец-то выдала замуж свою черную, как головешка, девку. Я и Илико посылаем к тебе Иллариона с небольшим гостинцем. Присмотри как следует за ним. Бедняга жалуется на глаз. Ты уж постарайся, пожалуйста, поговори с профессорами – пусть вылечат нашего Иллариона. Вот и все, мой мальчик. Мери и все соседи шлют тебе привет. Крепко тебя целует твоя бабушка Ольга».

Целый день Зурико читает и перечитывает это письмо. Читает и на другой день, и на третий. Ему хочется плакать и смеяться, кричать и петь. К черту Тбилиси, учение, диплом! Зурико соберет свои пожитки, купит билет и поедет в деревню, туда, где его ждут бабушка и... Мери. Поедет! Обнимет свою добрую, старую бабушку, а потом пойдет к Мери и спросит:

– Тебе холодно?

– Холодно, – ответит Мери.

Зурико снимет тулуп, накинёт на ее озябшие плечи, обнимет, и так они будут шагать до утра по белому нетронутomu снегу...

Еще один одноглазый

Уже месяц, как Илларион живет у меня. Ему не нравится ни моя комната, ни моя библиотека.

– Бальзак – «Шагреновая кожа», Ромен Роллан – «Кола Брюньон», Проспер Мериме – «Матео Фальконе», Гюго – «Собор Парижской Богоматери», Джавахишвили – «Квачи Квачантирадзе», Диккенс – «Давид Копперфильд», Галактион Табидзе – «Избранные стихи», Омар Хайям – «Рубаи», Гамсахурдия – «Похищение луны», Илья... Акакий... Важа... Казбеги, Чонкадзе²², – перебирает он книги на полке, потом смотрит на меня поверх очков и удивленно спрашивает:

- А куда ты дел Эгнатэ Ниношвили?²³
- Они ничем не хуже Эгнатэ, – успокаиваю я Иллариона.
- Не хуже? Кто из них может стать рядом с Эгнатэ?!
- Все!
- Кто, например? Половину этих фамилий первый раз слышу!
- А ты прочти – и узнаешь, – говорю я.

²² Илья Чавчавадзе (1837–1907), Акакий Церетели (1840–1915), Важа Пшавела (1861–1915), Александр Казбеги (1848–1890), Даниэл Чонкадзе (1830–1860) – классики грузинской литературы.

²³ Эгнатэ Ниношвили (1859–1894) – грузинский писатель, классик. (Илларион гордится тем, что Э. Ниношвили – его земляк.)

Илларион смотрит на меня с нескрываемой иронией и небрежно перелистывает книги...

...Весь день мы бродим по городу, заходим почти во все магазины. Илларион долго, с вожделием смотрит на красное кожаное пальто, подбитое мехом. Потом начинается детальное ознакомление с магазином скобяных изделий. Илларион тщательно осматривает привязанные к прилавку напильники, молотки, пилы и замки. Потом осведомляется – нет ли в продаже аппарата для опрыскивания виноградников, и, не дожидаясь ответа, выходит из магазина.

Дольше всего мы задерживаемся в магазине «Охотсоюза».

– Порох есть? – шепотом спрашивает Илларион у продавца, перегнувшись через прилавок.

– Нет! – коротко отвечает продавец.

– Дробь?

– Нет!

– Эзала?

– Это еще что за черт – эзала? – повышает голос продавец.

– Капсюль, несчастный! – повышает голос и Илларион. – Пыж!

– Выражайся повежливее! – кричит продавец. – Кого ты называешь пижоном?!

– А ты чего орешь, словно раненый²⁴ медведь? – наступает Илларион.

²⁴ Игра слов: на гурийском диалекте слова «раненый» и «оскопленный» звучат одинаково.

– Что ты сказал? – бледнеет продавец. – Уберите отсюда этого ненормального, иначе убью его на месте!

Дело принимает серьезный оборот, и я спешу вывести Иллариона из магазина.

– Чем ты меня убьешь, несчастный, – кричит Илларион, – у тебя ведь нет ни пороха, ни дробы!

...Иногда мы совершаем поездки на трамвае или троллейбусе. Билеты, как правило, приобретает Илларион, потому что я студент и у меня своего горя достаточно. Вначале Илларион радовался, когда кондукторша, получая от него деньги, подмигивала ему, щекотала ладонь, но билета не давала, – понравился, мол, думал он. Но однажды, когда такую же процедуру с ним проделал здоровенный детина-кондуктор, Илларион не вытерпел и гаркнул на весь вагон:

– Ты мне не подмигивай, лучше давай билет, а то залеплю по морде!

Вечерами мы ходим в кино. Водил я Иллариона и в цирк, и в зоопарк – хочу удивить его чем-нибудь. Но в Тбилиси Иллариона ничего не удивляет, кроме трех вещей: первое – когда я успеваю заниматься; второе – почему у клоуна в цирке зеленые волосы; третье – как могут жить люди в городе без вина «Изабелла», лука-порей и подогретого мчади.

В свободные от культпоходов вечера мы сидим у тети Марты вокруг пузатого желтого самовара, Илларион рассказывает нам разные истории, мы пьем кипяток и хохочем. Иллариону нравится тетя Марта, и тете Марте нравится мой

Илларион – у него, говорит, настоящий орлиный нос.

Я и Илларион спим вместе, в одной постели. Перед сном он или читает, или разбирает прочитанное, или расспрашивает меня о городских делах, или проповедует мораль. Иногда все это он делает вместе. Софья лежит между нами, внимательно прислушивается к нашей беседе и блаженно мурлычет. Илларион с первого же дня невзлюбил Софью. Она платит ему взаимностью. Когда Софья впервые увидела в моей постели Иллариона, она выгнула спину, задрала хвост и недовольно фыркнула. Илларион безо всякого вступления схватил Софью за загривок, открыл окно, и не успел я опомниться, как Софья оказалась в снегу. Я объяснил Иллариону, что Софья – равноправный член нашей семьи. Так же, по возможности, разъяснил Софье, что Илларион – близкий нам человек. Было достигнуто временное перемирие. Но восстановить прочный мир мне так и не удалось.

– Прогони ее к чертям, покоя от нее нет! – говорит Илларион.

– А чем она мешает тебе? – говорю я.

– Как не мешает, когда я ночью боюсь пошевелиться: еще раздавишь ее, проклятую!

– А ты не шевелись!

– Может, мне перестать дышать?

– Куда же я ее дену?

– Пусть дрыхнет под кушеткой!

– Под кушеткой холодно!

– Хорошо! Тогда под кушетку полезу я, а она пусть нежится в постели!

– Пожалуйста! Лезь!

Илларион ничего не отвечает, хватает кошку за хвост и швыряет на пол. Софья жалобно мяукает, лезет под кушетку и терпеливо ждет, пока не раздастся храп Иллариона, чтобы вновь залезть в постель и занять свое законное место. Но Илларион долго не засыпает.

...Илларион болен. У него болит левый глаз, очень болит. Любовь ко мне и болезнь привели Иллариона в Тбилиси. Илларион не трус, но идти к врачу боится, про больницу и слышать не желает! А глаз болит все больше. По ночам боль становится просто нестерпимой. Бедный Илларион готов лезть на стену. Я хожу за ним, успокаиваю, как могу, – напрасно...

Наконец я решаю, что ждать больше нельзя.

Мы одеваемся, заворачиваем в газету бутылку водки и один хачапури и, по рекомендации тети Марты, отправляемся в Сололаки²⁵ к частному врачу. Правда, он сам одноглазый, сказала тетя Марта, но зато самый искусный, самый знаменитый врач во всем городе, участник Отечественной войны, который, оказывается, за какой-нибудь месяц вылечил ее от ячменя. Поэтому мы очень удивились, не увидев перед домом врача очереди ожидающих пациентов.

– Я погиб! Видно, у него сегодня нет приема! – простонал Илларион.

²⁵ *Сололаки* – название старого района Тбилиси.

– Ничего, Илларион, не волнуйся! Пойду, брошусь перед ним на колени, уговорю принять! – успокоил я Иллариона и решительно постучал в дверь.

В коридоре что-то загрохотало, потом раздался шепот, потом кто-то с шумом захлопнул дверь комнаты, снова раздался грохот, и дверь открылась. На пороге стояла маленькая испуганная женщина. В нечесаных волосах ее торчали пух и перья из подушки.

– Извините, пожалуйста, – начал я, – у уважаемого профессора сегодня, кажется, нет приема, но мой дядя приехал из деревни, у него страш...

– Ну вас... – оборвала меня женщина, – а я думала – вы инкассаторы!

Женщина проворно вскочила на стул, достала из кармана халата скрюченный кусок проволоки – «жулик», затолкала его под электрический счетчик и спрыгнула.

– Ну, что хотите?

– Уважаемый доктор должен обязательно принять нас. Без этого мы не уйдем отсюда! – сказал я и приготовился к отражению атаки.

– Что вы, что вы! Сию минуту! Пожалуйста сюда, – засуетилась женщина. – А кто вас направил к нам? Пройдите, пожалуйста, в комнату!.. Мамонтий! Мамонтий! Больные пришли! Больные!

Женщина схватила нас за руки, втолкнула в комнату, снаружи заперла дверь на ключ и с криком «Мамонтий! Мамон-

тий!» убежала.

Спустя минуту в комнату ворвался высокий небритый мужчина в полосатой пижаме. Один глаз у него был зеленый, а другой – красный.

– Садитесь! – сказал он строго.

Мы огляделись. В комнате стояли кровать, письменный стол и два стула.

– Сюда сядет больной, сюда сопровождающий, – указал он на стул и кровать; сам подсел к письменному столу.

Мы заняли указанные места.

– На что жалуетесь? – спросил врач.

– На глаз! – ответил Илларион.

– А в чем дело? Болит?

– Нет, танцует! Не видишь? Слепну.

– Чем лечился в деревне?

– Сперва чаем промывал, потом сырым молоком...

– А сахаром не пробовал?

– Смеешься?! – обиделся Илларион.

– Наоборот! Видать, много у тебя молока и чаю! Вино пьешь?

– Пью!

– Нехорошо!

– Я хорошее вино пью! – успокоил его Илларион.

– Куришь?

– Курю!

– Тогда дай закурить? – попросил врач.

– Угости его папироской! – сказал мне Илларион.

Я протянул пачку. Врач достал две папиросы, одну тотчас же засунул себе в рот, другую – за ухо.

– Выкурю после обеда, – пояснил он.

– Возьмите, пожалуйста, еще!

– Так и быть, из уважения к тебе, после обеда выкурю две штуки! – сказал врач, достал из пачки еще одну папиросу и заложил за второе ухо.

Хорошо еще, что у него было только два уха, иначе мы с Илларионом остались бы в тот день без папирос. Накурившись, он пересел ближе к Иллариону и ткнул пальцем в больной глаз. Илларион подскочил.

– Больно?

– А ты как думаешь?

– Нервный?

– Не то что нервный – сумасшедшим стал! На стенку готов лезть! – сказал Илларион.

– М-да-а, на то и глаз... Вот, помню, у меня болел глаз, так это была боль! Насилу меня из петли вынули!

– Что же с тобой стряслось! – спросил сочувственно Илларион и знаками приказал мне поставить на стол водку и хачапури.

Я повиновался.

– Что это такое? – закричал врач.

– Прохладно у тебя, не мешало бы пропустить по одной, – сказал Илларион.

– Только по одной! – согласился врач и встряхнул бутылку.

– Чача! Шестьдесят градусов! – сказал Илларион и высыпал карандаши из лежавшего на столе небольшого глиняного кувшинчика. Потом наполнил его водкой и протянул врачу.

– За ваше здоровье! – сказал врач, одним духом опорожнил кувшинчик, крикнул, замотал головой и набросился на хачапури.

Выпили и мы.

После второй чарки врач продолжал начатый разговор:

– Вот когда у меня болел глаз... Как тебя звать?

– Илларион.

– А тебя?

– Зурико!

– Так вот... Окружили меня врачи... Пичкают лекарствами – это, говорят, немецкое, это – американское, это – домашнее... Куда там!.. Как тебя звать?

– Зурико!

– За здоровье Иллариона! – сказал врач.

– За здоровье доктора! – сказал Илларион.

Выпили по третьей. Врач потрепал меня по щеке и снова спросил мое имя. Потом я потрепал врача по щеке и сказал: «Зурико!»

– Окружили меня, дорогой Зурико, врачи и пичкают лекарствами. Но, скажи, приходилось тебе видеть больного, которого вылечил бы врач?

– Что вы?! – удивился я. – Никогда!

– Так вот... Лечили, лечили меня, пока не выколупали глаз и не застеклили дырку. Но ничего – чистая работа. Заметно разве? А ну, присмотритесь как следует!

Илларион уставился в глаза врача.

– Это который же?

– Вот этот, красный!

– Ей-богу, совсем как настоящий! А если в зеленый цвет покрасить – совсем незаметно будет.

– То-то! А у тебя который глаз болит?

– Доктор, может, у тебя оба глаза – стеклянные? – повысил голос Илларион.

– Честное слово, только один! Говорил ведь тебе, что незаметно! – обрадовался врач.

– За здоровье всех здоровых! – поднял Илларион чашу. – Да избавит нас Бог от чумы, врачей и всякой напасти.

– Я – врач, – начал хозяин, приняв чашу, – у меня, правда, нет диплома и на дверях не висит мраморная табличка, но все же я – врач!.. Кое-кто в министерстве недоволен моей работой, пописывают на меня анонимки, штрафуют, но мне наплевать!.. Мои знания – всегда со мной!.. Меня многие не любят!.. Больные никогда не любят врачей! Это общеизвестно! А вот врачи всегда любят больных!.. Разве врачам можно доверять?.. Никогда!.. Хе-хе, врачи, дай им только волю, мир в могилу сведут!.. Как тебя звать?..

– Его зовут Зурико, а тебе хватит пить, иначе без мозгов

останешься! – рассердился Илларион. – Это тебе не глаза, заново не вставишь!

– Ерунда!.. Современная медицина дошла до того, дорогой... Как тебя зовут? – спросил врач у Иллариона.

– Никак меня не зовут. Если можешь, скажи, что у меня с глазом, а нет – свалю тебя в постель, и все!

– ...Сейчас медицина дошла до того, что скоро не то что мозг – всего человека заменить смогут. Скажем, привели к врачу живого человека, посадили в кресло... Нажал врач на кнопку и – нате! – забирайте, пожалуйста, мертвеца!.. А ты думал, как?

– Это я и без тебя знаю! – буркнул Илларион.

– А если знаешь, – чего боишься? Подумаешь, выколют тебе глаз! Зато вставят новый – получше прежнего! Чем стеклянный глаз хуже настоящего, скажи мне? Стеклянный глаз вынешь, положишь в стакан с водой, а сам спи себе спокойно! Или, скажем, умываешься, и вдруг мыло попало в глаз! Настоящему глазу от мыла одна неприятность, а стеклянному – хоть бы что! Или еще лучше: сидишь себе у камина, греешься, глядишь – бац! – искра угодила в глаз! Настоящий глаз от этого может ослепнуть, а стеклянный и не почувствует!.. Скажу тебе еще лучше...

– Ну нет, брат, лучше не скажешь! – вздохнул Илларион. – И какой это болван назвал тебя врачом? Ты же гений. Я уже начинаю думать, может, выколоть тебе оба глаза и вставить стеклянные, а?

– А как вы думали?! Медицина, брат, великое дело!.. Долой настоящие глаза! Да здравствует искусственный глаз!

– Да здравствует искусственный глаз! – подхватил я провозглашенный врачом лозунг и продолжал – Этот человек для меня дороже всего на свете, это мой Илларион, у него болит глаз...

– Какой глаз?! – спросил врач и с недоумением уставился на меня.

– Все тот же! – сказал я.

– А вот мы его сейчас и удалим! В два счета!.. Бабале! Неси сюда кипяток и нож! – Врач икнул и опустил голову на стол.

– Что принести? – приоткрыла дверь Бабале.

– Принеси таз и поставь перед ним, – сказал Илларион.

– Господи! Что с ним! – вскричала Бабале.

– Пока ничего особенного! – ответил я.

– Мамонтий, Мамонтий! – запричитала женщина.

– Интересно, какой идиот его крестил! – сказал Илларион. – «Мамонтий»! Ну что это за имя? Лучше назвали бы Серапионой! Как ты думаешь, Зурикела, подходящее для него имя – Серапиона?

Я широко улыбнулся, но ничего не ответил. Комната то озарялась ярким светом, то погружалась в темноту, стены все время раскачивались.

– Что вы с ним сделали? – набросилась на Иллариона Бабале.

– Проваливай отсюда! – огрызнулся Илларион. – При чем тут мы? Не умеет пить, нечего было хлестать водку! Даже осмотреть меня не успел, подлец!

– Не волнуйся, Илларион, я сам тебя осмотрю! – сказал я, взял со стола указку и ткнул ею в приколотую к стене таблицу: – Какая это буква, дорогой мой. Илларион?

– Какая, солнышко? – спросил меня Илларион.

– Вот эта!

– Какая, кретин, прочти!

– Вот эта – «ч»! – сказал я.

– Чу! – сказал Илларион.

– Умница, дядя Илларион, да ты прекрасно видишь! А это какая буква?

– А ну-ка, которая?

– На перевернутое «т» похожа!

– Наверное, «ш», – догадался Илларион.

– Иди, я тебя поцелую, – сказал я.

Мы обнялись.

– Вон! – завизжала Бабале. – Убирайтесь!

– Ладно, ладно... Уйдем... Все равно пользы от твоего монтажа – как от покойника.

– Убирайтесь! – прошипела Бабале.

– «Я гуриец, ты гуриец, ре-е-еро-о», – затянул песню Илларион, обнял меня за плечи, и мы, пошатываясь, покинули дом Мамонтия Цверавы...

...В ту ночь боль в глазу Иллариона стала невыноси-

мой. Пришлось вызвать машину «скорой помощи», Илларион улыбался и утешал меня:

– Ну что ты приуныл, дурачок? Не бойся, ничего со мной не случится. Зато для твоей Софьи какой праздник наступил, развалится теперь на моем месте, как барыня! Ну, выше голову! Кому я говорю?!

Я стоял во дворе, зареванный и жалкий, и смотрел на Иллариона. Голос его звучал бодро, на лице играла деланая улыбка, но я видел, как у него дрожали губы и по морщинистым щекам текли слезы. Пятнадцать дней спустя Илларион выписался из больницы без глаза. Он молча вошел в комнату, молча сел. Я ни о чем не спрашивал его, он тоже ни о чем не говорил. Так продолжалось всю неделю. Я аккуратно посещал лекции, был со всеми вежлив и предупредителен, а после занятий сломя голову мчался домой, к моему Иллариону.

Однажды, вернувшись из университета, я не застал Иллариона в комнате. Я выглянул в окно – и замер. Была теплая солнечная погода. Илларион сидел во дворе на стуле под шелковицей. На коленях у него примостилась Софья, устремив в небо задумчивый взгляд, Илларион курил, нежно поглаживая по спине притихшую Софью, и о чем-то вполголоса с ней разговаривал.

Я прислушался.

– Тебе говорят, глупая, тебе! Понимаешь, что значит быть безглазым? Это значит – не видеть солнца, луны, деревьев,

людей... Жить в крошечной тьме... Если бы я не согласился на операцию, пришлось бы вообще потерять зрение. Поняла? Ни черта ты не поняла, дуреха! Эх, был бы здесь наш Мурада!.. А ты – глупое создание!.. Что, обиделась? Ну, будет, будет тебе... Как же я теперь вернусь в деревню? Всю жизнь я дразнил Илико кривым чертом... Куда мне теперь деваться?.. Ну, хорошо, проживу здесь еще месяц, другой, третий... А потом? Ведь придется в конце концов вернуться домой?.. А может, он ничего и не заметит? Как же! Не такой он дурак, чтобы не отличить стекляшку от настоящего глаза!.. Не отвезти ли ему в подарок такую же стекляшку? Как ты думаешь? Привезу и скажу: «Ну все, старик, конец нашему балагурству... Вставь себе эту штуку и коси на здоровье от моего имени... Отныне мы с тобой равны...» Как ты думаешь, обрадуется он моему несчастью? Да? Никогда больше не говори этого! Как ты могла даже подумать! Не знаешь ты моего Илико! Умрет старик с горя! Нет? Да как же нет, когда я и Зурикела – твой непутевый хозяин – ему дороже всего на свете!.. Ну иди, иди, все равно не понять тебе этого...

Илларион осторожно спустил с колен кошку и слегка подтолкнул ее. Софья пошла к окну. Илларион взглядом проводил ее, и я увидел, что он плачет.

Плакал и я. Плакал и радовался, что Илларион не видит моих слез.

Здравствуй, Илларион!

После операции Иллариону уже не сиделось в Тбилиси. Приближался март, и Иллариона тянуло в село – туда, где его ждали старая однорогая корова и неугомонный задира-петух, ждали родная земля и родное солнце, ждала весна – пора пробуждения жизни, пора труда и надежд.

Отпустить Иллариона домой одного я не мог: он все еще был очень слаб. Кроме того, старик пуще смерти боялся встречи с Илико. Я с плачем вымолил у декана двухдневный отпуск, и в тот же вечер мы отправились в деревню...

...Солнце только выкатилось из-за горы, когда мы подошли к нашему селу. Лениво лаяли уставшие от ночного бдения собаки. Умытые росой деревья кишели всякой птичьей мелюзгой. Над селом стлался легкий туман.

– Гляди, Зурикела, твоя бабушка уже на ногах! – сказал Илларион и показал рукой на струйку белого дыма, поднимавшуюся из трубы нашего дома. Я сорвался с места и с криком помчался вниз по косогору:

– Бабушка!.. Бабушка-а-а!..

Из дома, повязывая на ходу выцветший платок, вышла моя сгорбленная бабушка.

– Бабушка-а-а!

Бабушка приложила ладонь козырьком ко лбу. Несколько минут всматривалась вдаль, потом вдруг встрепенулась, за-

суетилась, что-то закричала и, раскинув руки, бросилась мне навстречу.

– Зурикела! Сыночек!..

Мы крепко обнялись. Потом я подхватил бабушку на руки и понес к дому.

– Сынок! Дорогой мой! Наконец-то! Боже мой, на кого ты стал похож?! Кожа да кости! Говорила ведь я: ученье хоть кого в бараний рог свернет! О господи...

– Как живешь, бабушка?

– Ты лучше о себе расскажи! Закончил учебу?

– Что ты, бабушка! Учеба только начинается!

– Бедная твоя бабушка! Ты что, один за всех должен учиться? Черт бы побрал твоего учителя! О чем он думает? Ты растолкуй ему, скажи – бабушка у меня больная, одинокая, старая, истомилась в ожидании – авось сжалится, изверг, ускорит твое обучение!

– Скажу, бабушка, обязательно скажу, – успокаиваю я бабушку.

Илларион стоит за моей спиной, качает головой и терпеливо ждет, когда я спущу бабушку на землю.

– Здравствуй, Ольга! – говорит он наконец.

– Илларион, родной, извини меня, ради бога! Совсем я обалдела от радости! Ну, как ты поживаешь? Как твой глаз?

– Какой глаз, Ольга? Нет больше у меня глаза!

– Ну тебя, старый черт!

– Ей-богу, Ольга!

– А это что? Разве это не глаз?

– Гм... Конечно, глаз... Такой, как у того высушенного ястреба, что висит на стене у Илико...

– Неужто стеклянный?

– Да!

– Боже ты мой! Но ты не печалься, Илларион... Мы ведь с тобой, дорогой!.. Да что же это вы стоите на дворе? Заходите, заходите в дом! Небось проголодались с дороги! – зашевелилась вдруг бабушка и потащила нас в дом.

Позавтракав, мы перебрались к Иллариону, заняли наблюдательные посты у окна и стали ждать появления Илико. Его долго не было. Наконец скрипнула калитка и во двор вошел Илико. Мы затаили дыхание.

– Илларион! – крикнул Илико.

– Встречай кривого! – прохрипел Илларион и потянулся за кувшином с водой.

Я вышел на балкон.

– Здравствуй, дядя Илико! Заходи, пожалуйста!

– Здравствуй, профессор! – ответил Илико, поднялся на балкон, крепко обнял меня, потом отступил назад и долго, критически разглядывал с ног до головы.

Наконец он сокрушенно покачал головой и снова полез целоваться.

– Прохвост ты, мой дорогой! Ну-ка, выкладывай, как поживаешь, как твои дела? Небось с ума свел профессоров? А это что? Усы! – удивился вдруг Илико и дернул меня за ус. –

Настоящие?

– Настоящие!

– Врешь, не может быть!

– Говорю, настоящие!

– Такому подлецу – усы? Нет на свете справедливости, иначе ты родился бы безбородым и безусым!.. А где Илларион? Эй, носатый, выйди, покажись!

– Коли пришел в гости – заходи, а нет, так проваливай! – отозвался Илларион.

Илико вошел в комнату.

– Здравствуй, Илларион!

– Здравствуй, Илико!

Они обнялись и долго целовали друг друга. Потом Илларион пригласил нас к низенькому столику, вынес вино и маринованный лук-порей. Разговор не клеился. Илико курил, я поглядывал на Иллариона, а Илларион сидел насупившись и вздрагивал при каждом движении Илико. Наконец тишину нарушил Илико:

– Ну, рассказывайте, что нового в городе? Какие там цены?.. Воблу привез? – вдруг обратился он ко мне.

– Забыл!

– О чем же ты помнил, сукин сын?.. Илларион, что он там делает? Занимается или нет?

– Не знаю... По крайней мере, книги я в его руках не замечал...

– Наизусть, наверное, занимается... На каком ты сейчас

курсе, прохвост?

– Ты сюда зачем пришел? – разозлился я. – Чтобы меня допрашивать?

– О чем же мне с тобой говорить, сукин сын, как не о твоей учебе! А если ты носильщик, скажи прямо. Тогда поговорим об этом.

– Да, носильщик.

Илико искоса взглянул на меня, налил в стакан вина и сказал обиженно:

– Ну, выпьем, что ли, за ваш приезд... Бессовестный вы народ! Мчался я к вам, спешил – вот, думал, приехали друзья, новостями поделятся, посидим поболтаем... А вы что? Ощетинились, как волки. Да ну вас! Что этот носатый ни друзей, ни врагов не различает – это я давно знал. Но от тебя, сопляка эдакого, я, честно говоря, не ожидал такой подлости.

Мне стало стыдно. Я подошел к Илико и поцеловал его.

– Илико, не обижайся, дорогой! Просто мы очень устали с дороги.

– Замолчи, пожалуйста! Мне ведь с вами увидеться приятно, а не что-нибудь другое... Или вы думаете, что я пришел сюда ради этого прокисшего вина?!

– Знаю я, зачем ты пришел! – пробормотал Илларион.

– Ну, договаривай, язвительный ты старикашка!

– Радуюешься, кривой черт?! Что ж, теперь я в твоих руках! Ну, давай, кусай, рви, терзай меня! Здесь я!.. Никуда от тебя не убегу!..

– Да что с тобой, старик? Рехнулся? Вzbесился? Чем они тебя отравили в городе? Уехал золотой человек, а вернулся какой-то ненормальный!

Я и Илларион недоуменно переглянулись. Неужели Илико ничего не замечает? Неужели он ни о чем не догадывается? Да, похоже, что стеклянный глаз Иллариона выдержал экзамен! «Все в порядке!» – решили мы наконец и сразу повеселели.

Илларион поднял стакан:

– За наш приезд и за встречу с тобой, дорогой мой Илико!
– Давно бы так! – обрадовался Илико. – А то чуть с ума не свели бедного одноглазого старика!.. Кто мне дороже и милее вас на всем белом свете? Дай Бог вам здоровья! – И он крепко расцеловал нас. После третьего стакана Илико затянул песню:

Потоплю я в турьем роге
Горечь сердца, злое горе,
Повстречаюсь я с любимой,
Погуляем на просторе.

– Илико, дорогой, ты ведь знаешь, как я тебя люблю! – Илларион обнял друга за плечи.

– Знаю, знаю, мой Илларион, знаю, что ты любишь меня пуще собственного глаза! – улыбнулся Илико.

При одном только упоминании о глазе Илларион насторожился. Но Илико продолжал как ни в чем не бывало:

Наливай вина – и выпьем,
Выпьем, чтоб оно пропало!

- За здоровье Илико!
- За нашего прохвоста!
- За носатого Иллариона!

Дайте мне, играя в лело²⁶,
Завершить победный путь
И, представ пред вами, смело
В очи ясные взглянуть! —

продолжал Илико.

Илларион снова наострил уши, но Илико, словно невинный агнец, невозмутимо запел новую песенку:

Выйду в поле на гулянье,
Поморгаю черноокой...

Илларион поперхнулся. Откашлявшись, он испытующе взглянул на своего мучителя. Но Илико, не обращая на нас внимания, самозабвенно пел:

Пусть сияет в ночи темной
Глаз твоих прекрасных пламя...

²⁶ *Лело* – вид спорта, командная игра с мячом.

Наконец Илларион окончательно убедился, что ему удалось провести Илико. Он осмелел и до того разошелся, что называл Илико не иначе как «кривым». Илико ничуть не обижался.

Был уже поздний вечер, когда мы стали расходиться. Обняв друг друга за плечи, мы с песней спустились во двор. Илларион проводил нас до ворот. Очутившись за оградой, Илико вдруг обернулся.

– Илларион! – громко позвал он.

– Чего тебе, кривой? – откликнулся тот.

– Не забудь ночью положить глаз в стакан!

– Что?! – прохрипел ошеломленный Илларион.

– Ничего!.. Теперь можешь подмигивать мне, сколько тебе угодно!..

– Илико Чигогидзе! – завопил Илларион.

– Повторяй почаще мою фамилию, а то еще забудешь!.. А в общем повезло тебе: охотиться ты любишь, даже закрывать глаз не придется, разгуливай себе на здоровье по селу и бей собак!

– Илико Чигогидзе! Избавь меня от греха! – завизжал Илларион, срываясь с места.

– Спокойнее, Илларион! Побереги лучше свою стекляшку! – предупредил Илико взбесившегося друга.

Илларион вдруг обмяк. С минуту он тупо глядел на Илико, потом повернулся, медленно побрел к дому и присел на ступеньку лестницы.

Илико некоторое время стоял на дороге, затем открыл калитку, вернулся к Иллариону и сел рядом. Потом достал из кармана кисет, скрутил самокрутку и протянул табак Иллариону. Тот даже не оглянулся.

– Возьми, – тихо сказал Илико.

Илларион взял кисет. Закурил.

– Сердце у меня оборвалось, когда я узнал о твоей беде, начал Илико. – Видит Бог, правду говорю... Мы же с тобой – одно, Илларион... Твое несчастье – это и мое несчастье... И я вовсе не думал обидеть тебя... Я же не обижаюсь, когда ты меня кривым называешь!.. Подумаешь, лишился одного глаза!.. Кутузов тоже был одноглазым, однако дай Бог каждому такое зрение: землю насквозь видел!.. Ну, потерял глаз, что же с того? Да если мы с тобой потеряем и по второму глазу, все равно не погибнем. Возьмемся за руки и будем шагать по белу свету. А не сможем идти, так Зурикела нас поведет. Эх ты, старик! – Илико хлопнул по плечу Иллариона.

Илларион встал, вошел в комнату и вернулся с каким-то свертком в руках.

– Илико! – тихо позвал Илларион.

– Что тебе, Илларион? – еще тише сказал Илико.

– Тут немного воблы... Под мчади и «Изабеллу» хорошо...

– Уважаю воблу! – сказал Илико.

– Для тебя привез, – сказал Илларион.

– Я знал, что привезешь... – Илико взял сверток, встал и

не спеша направился к калитке.

– Погоди, я провожу тебя...

– Проводи...

Они вышли со двора и медленно зашагали по дороге. Я долго смотрел им вслед, пока их фигуры не растворились в темноте...

Цира

Студенческие годы – счастливейшая пора в жизни человека. Нужно несколько лет прожить жизнью студента, чтобы по достоинству оценить прелесть корки черного хлеба, натертой чесноком; понять психологию трамвайного зайца; вкушать сладость потом заработанной тройки; испытать радость восстановления стипендии; почувствовать противную дрожь в коленях перед экзаменом; насладиться прохладой рассвета после бессонной ночи, проведенной над конспектами и учебниками; познать цену настоящей дружбы и, наконец, пережить гордость от того, что ты, вчерашний босоногий сельский мальчуган, сегодня являешься полноправным, уважаемым гражданином – студентом Государственного университета... Впрочем, как я ухитрился сдать приемные экзамены и стать студентом – это навсегда останется необъяснимым чудом для Илко, Иллариона, моих лекторов и, пожалуй, для меня самого. Единственный человек, который не сомневался в моих феноменальных способностях, – это моя бабушка.

Замечательные порядки в университете! Студент может в течение месяца не заглядывать в книгу – никто за это не поставит ему двойку в зачетной книжке; студент может прогулять пять, десять, пятнадцать лекций – никто за это не вызовет в деканат его родителей... На уроках, или, как их здесь называют, лекциях, присутствуют сто-двести человек. Часть

присутствующих пишет, часть – рисует, одни мирно беседуют, другие решают кроссворды. Здесь можно встретить и мечтателей: они не пишут, не рисуют, не разговаривают – они сидят молча и предаются мечтам. Почему они не делают это у себя дома или в парке – трудно понять. А многие сладко спят... Короче говоря, лекции созданы для таких людей, как я, и меня вполне устраивают. Но у лекций, как и у всего на свете, есть один серьезный недостаток: рано или поздно они приближаются к концу. Программа исчерпана. Лекторы иронически улыбаются студентам. Великая опасность надвигается на стан студенчества. Наступает эра тропической лихорадки – сессия.

Тогда мы собираемся на квартире одного из нас, грызем карандаши и конспекты, заучиваем наизусть целые главы из учебников, готовим шпаргалки, набиваем свои головы приобретенными в трехдневный срок обрывками знаний, бессонные и изможденные выходим на экзамены, отдуваемся, пыхтим, дрожим, что-то лепечем, потом, вытянув шеи, с ужасом всматриваемся в экзаменационный лист («А вдруг двойка»?!), увидев же заветную, долгожданную, милую сердцу тройку, улыбаемся до ушей и шатающейся походкой покидаем комнату...

...Вот и сейчас я и мои друзья сидим в моей комнате и готовимся к экзамену по экономической географии. Роль экзаменатора сегодня поручена Цире. Нестор, Отар, Хвтисо и Шота – экзаменационная комиссия.

– Студент Вашаломидзе! В каких странах света добывается олово и у кого имеются наибольшие запасы этого металла? – грозно вопрошает Цира.

– Олова или меди?

– Олова!

– Наибольшее количество олова, насколько я помню, у нашего сельского лудильщика Али, а где он его добывает – это мне неизвестно.

– Ну вот, опять он дурака валяет! Если ты не хочешь заниматься, можешь уйти, а нам не мешай! – сердится Нестор.

– Куда я уйду? Я за эту комнату двести пятьдесят рублей плачу.

– Чтоб ты провалился сквозь землю, бесстыдник! О каких деньгах ты говоришь, когда за целый год я гроша медного от тебя не видела?! – подает реплику из своей комнаты тетя Марта.

– Вашаломидзе! Переходите ко второму вопросу! Первого вопроса вы не знаете! – улыбается Цира.

– Уважаемый лектор, прошу вас...

– Зурико, перестань паясничать! – выходит из терпения Отар.

– Ладно... Второй вопрос – машиностроение в Соединенных Штатах Америки... Соединенные Штаты Америки состоят из штатов. Не подумайте только, что это – учрежденческие штаты, которые то раздувают, то сокращают...

– Зурико, ну что ты в самом деле! Рассказывай дальше! –

обижается Цира.

Я продолжаю:

– В Соединенных Штатах Америки машиностроение сильно развито. Только за один год Форд выпускает... Я точно не помню, сколько, но, говорят, на одного человека пять машин приходится... Стоит, оказывается, на улице машина, подходишь к ней, открываешь дверцу...

– Дверца открывается автоматически! – поправляет Шота.

– Да. Потом нажимаешь кнопку, и выскакивает сигара, нажимаешь вторую кнопку – выскакивают спички, нажимаешь третью...

– И выскакивает жареный поросенок! – продолжает Шота. – Нажимаешь еще – выскакивает горячее гоми²⁷, потянешь из шланга – и пойдет то вино, то ткемали²⁸. Нажмешь одну педаль – получишь крем-соду и шоколад. Нажимаешь вторую – польется задумчивая «Мравалжамиер»...²⁹

– И не жаль ему продавать такую машину! – удивляется Нестор.

– Ничего не поделаешь – нужда! – говорит Шота.

– Не надоело вам балагурить! – злится Цира.

На минуту все умолкают. Потом я продолжаю:

– Говорят, если переплавить все золото Форда и выковать

²⁷ Гоми – национальное блюдо, каша из разных сортов кукурузы.

²⁸ Ткемали – острый соус из алычи.

²⁹ «Мравалжамиер» («Многие лета») – грузинская застольная песня.

из этого золота пояс, то можно было бы опоясать весь земной шар.

– Эх, мне бы застёжку от того пояса... Какие бы зубы я себе вставил! – произнес мечтательно Нестор, показывая в улыбке свои черные зубы.

– Гм, зубы! – ухмыльнулся Шота. – Вот если бы то золото дали мне...

– Что бы ты сделал? – спросил Нестор.

– Прежде всего – порвал бы все конспекты и тетради... Затем пошел бы к нашему декану, выложил бы перед ним на стол зачетную книжку и студенческий билет, вежливо попрощался бы и ушел... Впрочем, нет, перед уходом можно оставить ему с килограммчик золота – на марки, если соскучится, пусть напишет мне письмо... А потом – пардон, гуд бай, адьё, будьте здоровы, шапку на голову и – прощайте.

– А еще?

– Что – еще!

– Не одолжишь мне тысячу рублей? Видишь, мне нечем расплатиться за комнату, – попросил я.

– Вот еще! А мне-то какое дело!

– Тетя Марта! Слышишь?

– Слышу, сынок, – отзывается тетя Марта. – Все вы одного поля ягоды – жулики и бездельники!..

– Отвечайте на третий вопрос, – напоминает Цира.

– К третьему вопросу я не готов... – смущаюсь я.

– У кого есть вопросы? – обращается Цира к членам ко-

миссии.

– Разрешите! – говорит Отар.

– Пожалуйста!

– Прошу прощения у уважаемой комиссии, но меня интересует – на самом ли деле этот дегенерат собирается послезавтра сдавать экзамен?

– Я отказываюсь отвечать! – возмущаюсь я. – Такого вопроса нет в программе!

Потом наступает черед следующего.

...Мы расходимся поздней ночью.

Отар, Нестор и Шота живут в студгородке, Цира – на улице Мачабели. Каждый раз провожаю ее я. Цира – красивая девочка, голубоглазая, бледная и высокая. Почти все ребята нашего курса влюблены в Циру, но она никого не любит и ни с кем, кроме меня, не ходит. Мы часами просиживаем в саду, говорим, говорим без умолку или молчим. И тогда мы похожи на влюбленных – так, по крайней мере, говорят товарищи.

...Мы медленно идем по проспекту Руставели. Дремлющие у магазинов ночные сторожа, вскинув голову, подозрительно косятся на нас и тут же снова засыпают. Они даже не подозревают, как прекрасен ночной Тбилиси. Кругом тишина. Лишь изредка слышатся далекий скрежет колес трамвая и сонные свистки постовых милиционеров...

– Зурико!

– Что, Цира?

– Ты любишь гулять ночью?

– Люблю.

– Тебе не страшно?

– Нет. А тебе?

– Мне страшно.

– Чего же ты боишься?

– Вдруг нас... разденут?

– Меня разве только одеть могут...

– Ну а если меня разденут?

– Тогда я закрою глаза!

– Только и всего! Хорош кавалер!

– Пожалуйста, буду смотреть на голую. Устраивает?

– Не шути, пожалуйста! Я знаю, вы, деревенские парни,

сильные, но ужасные трусы!

– Я боюсь только ножа.

– И я. И револьвера тоже.

– А мышей ты не боишься?

– Боюсь!.. Зурико! Видишь? Двое мужчин! Они идут сюда!

– Вижу.

– Они пьяны. Перейдем на другую сторону.

– Стыдно!

– Перейдем, прошу тебя! – Цира крепко прижалась ко мне.

– Не глупи! Стыдно!

Мужчины остановились перед Кашветской церковью, об-

нялись, долго целовали друг друга. Потом один свернул вниз по улице, второй направился прямо к нам.

Мы остановились. Цира дрожала словно в лихорадке. У меня подкашивались колени.

Мужчина подошел к нам вплотную, взглянул исподлобья сперва на Циру, потом на меня, засунул в карман руку и вдруг рявкнул:

– Эй, есть у тебя закурить?!

– Конечно, есть! Пожалуйста! – пролепетал я, протягивая ему пачку папирос.

– Спички!

– Пожалуйста! – Я зажег дрожащими руками спичку и поднес ее к самому носу незнакомца.

– Вчера я бросил курить, – заявил мужчина, – и с тех пор папиросу в рот не брал... И сейчас не стану курить, так просто, побалуюсь... Человек должен быть хозяином своего слова!

Он прикурил и несколько раз сильно, с наслаждением, затянулся.

– Ты куришь? – вдруг спросил он меня.

– Нет, что вы!

– Молодец! Я курил двадцать лет, а теперь бросил. И никто не заставит меня взять в рот папиросу! – сказал он, положил мои папиросы себе в карман и, пошатываясь, ушел.

Мы медленно двинулись дальше.

Цира вдруг повеселела. Она прыгнула через тень чинары,

потом через другую, третью, пятую... Так, прыгая, добежала она до гостиницы «Интурист» и тут начала скакать на одной ноге.

– Ну-ка, лови меня!

Я погнался за Цирой, настиг ее и крепко схватил за плечи.

– Уф, устала!

Цира опустила голову мне на плечо. Я одной рукой обнял ее за шею, другой приподнял подбородок и заглянул в ее огромные голубые глаза.

– Эх, если б ночь длилась бесконечно... – вздохнула Цира.

– Почему, Цира?

– Так... ночь лучше дня...

Цира сбросила мою руку, закинула голову назад и уставилась в усеянное звездами небо. Потом снова взяла меня под руку.

– Ты, наверное, любишь кого-нибудь, Цира. Скажи, кого?

– Я люблю небо, люблю звезды, вот этого сторожа люблю, и это дерево люблю!.. – Цира подбежала к чинаре. – Не веришь? Хочешь, поцелую?

Она прижалась к дереву, стала целовать и раскачивать его. Спавшие на дереве воробьи встрепнулись и тревожно защелкали. Цира прислушалась к гомону птичек, потом обернулась ко мне:

– И воробьев я люблю!

– Чудачка ты!

– Может быть. А ты кто?

– Кажется, я тоже чужак!

– Нет, ты просто глуп!

– Благодарю!

– Впрочем, глуп – это не то слово. Ты слеп и глух!

Цира подошла ко мне, схватила за воротник, привлекла к себе, пристально взглянула в глаза и спросила:

– Видишь меня?

– Представь себе – вижу!

Цира взяла мою руку, прижала ее к своей груди и опять спросила:

– Слышишь?

Я почувствовал учащенное биение сердца девушки, меня обожгло ее горячее дыхание... И вдруг я обнял Циру, привлек к себе и поцеловал...

И снова мы идем по аллее чинар.

– Зурико!

– Да, Цира?

– Я люблю тебя!

– Врешь!

– Нет, это правда, Зурико.

– Врешь, Цира, и давай не будем про это...

Цира умолкла, прислонилась к дереву. Я тоже замолчал и прислонился к стене. Мы долго стояли и смотрели друг на друга. Цира подошла ко мне, застегнула воротник, поправила мне брови и медленно двинулась по улице. Я поплелся за ней.

Вдруг Цира обернулась – в глазах ее блеснули слезы. Она приблизилась, поцеловала меня и убежала.

...Я долго, не двигаясь, стоял на месте и прислушивался к шелесту листьев красавиц чинар...

...Домой я возвращался пешком. У Театра юного зрителя меня нагнал запоздалый трамвай. Я вскочил в задний вагон. Пассажиров не было. Дремавший кондуктор вздрогнул, открыл глаза и велел пройти вперед. Я прошел вперед. Потом кондуктор крикнул, чтобы я вернулся назад и приобрел билет. Я вернулся и сказал, что у меня денег нет. Кондуктор не поверил. Я вывернул пустые карманы. Тогда кондуктор сказал: «Как вскочил, так и соскакивай». Я соскочил и очутился в объятиях милиционера.

- Здравствуйте! – глупо улыбнулся я ему.
- Гражданин, предъявите документы!
- Для чего вам мои документы?
- Гражданин! Вам говорят – предъявите документы! Посмотрим, что ты за птица...
- Что значит – птица?
- Разговоры!!
- Почему вы кричите?
- Плати штраф!
- У меня нет денег...
- Тогда ступай со мной в отделение. Там заплатишь!
- Ты что, думаешь, мне в дороге зарплату выплатят? Го-

ворю, нет денег!

– Разговоры!!

В отделении милиции сидели четыре человека. Увидев меня, дежурный прищурил глаза и спросил:

– Ого, опять попался?

– Что вы, батоно³⁰, я впервые в милиции!

– Разговоры!

– Вот такой он мерзавец, начальник! Всю дорогу по матери меня ругал!

– Неправда, батоно! Никого я не ругал!

– Молчать! Вот закончу с ними, потом займусь тобой! – сказал дежурный и обратился к сидевшему на лавке небритому красноносому мужчине: – Сколько раз я должен брать с тебя расписку, а?!

– Ва! Сколько раз скажешь, столько раз напишу. Не буду же сопротивляться!

Носатый встал. Я занял его место. «Мой» милиционер ушел.

– Ладно, ладно... Скажи, какую ты там еще натворил беду?

– Кто? Я? Что ты, начальник! Ты его слушаешь? Он себя педагогом называет! Какой он педагог? Ему даже овчарку нельзя доверить! Педагог!..

– Прошу вас оградить меня от оскорблений этого пьяницы! – привстал высокий, худой мужчина. – Об уровне моей

³⁰ *Батоно* (господин) – форма вежливого обращения. Калбатона – госпожа.

профессиональной подготовки можете запросить отдел народного образования!

– В самом деле, выражайся приличнее! – прикрикнул дежурный на пьяницу.

– Ва! А почему он задевает мою профессию?

– Что вы, он не заикался о вашей профессии, – вмешался я.

– Как это – не заикался! Только что он назвал меня пьяницей!

– О-о, это нехорошо! – сказал я педагогу.

– Молодой человек, вы не можете себе представить, что это за тип!

– Сам ты тип! – обиделся носатый.

– Не будем говорить о том, что он избивает свою жену, – продолжал педагог, – это в конце концов его личное дело. Но ведь он беспробудно пьет, орет, шумит. Покоя соседям не дает!

– Это правда? – строго спросил я носатого.

– Что значит – правда? А как бы ты поступил на моем месте? Двадцать лет, понимаешь, двадцать лет этот господин называет меня пьяницей! Ва! Разве я сам этого не знаю? Зачем он мне напоминает? Ты, говорит, хулиган! А что, я без него не знаю? Мало ему этого, так он нашел новое слово: аккредитив... Нет, креп... крен... крендель!..

– Кретин! – подсказал педагог.

– Да, кретин! Ну это еще ничего. Но – аферист!

– Как, неужели вы назвали его аферистом? – спросил я у педагога.

– О, вы его не знаете, молодой человек! Он хоть кого выведет из терпения!.. Извел, измучил соседей!

– Каких соседей? Почему никто, кроме тебя, не жалуется?

– Боятся тебя!

– Не боятся, а любят, уважают!

– Вот, извольте, у меня заявление. Подписано всеми соседями!

– Все они аферисты! Вроде тебя! – Носатый повернулся спиной к дежурному и обратился ко мне: – Давай поговорим, рассудим! Почему человек напивается? С горя! А раз у человека горе – значит он нервничает! А когда человек нервничает, он кричит. Послушать его – так человеку нельзя в собственном доме ни выпить, ни покричать!.. Что же это получается?

– Нет, почему, выпить, конечно, можно, но...

– Слава богу, наконец-то нашелся один нормальный человек! – обрадовался носатый.

– Да разве он пьет? Он поглощает вино ведрами! Да черт с ним, пусть хоть крысиный яд лопают, но почему должны страдать мы, соседи? Нет, вы только взгляните на него, видите, какой у него красный нос?

– Слышишь, да? При свидетелях оскорбляет! – пожаловался мне носатый.

– Нет, что правда, то правда, нос у тебя в самом деле крас-

ный! – сказал я.

– Что же тут такого! Кому какое дело до моего носа? Захочу, выращу его в зеленый цвет! Что, запрещено?

– Уважаемый, – обратился ко мне педагог, – разрешите узнать ваше имя...

Я не успел ответить: кулак дежурного со всей силой опустился на стол. Звякнули стекла в окне. В комнате наступила гробовая тишина.

– Как ты смеешь, сопляк, устраивать здесь допрос?! – рявкнул дежурный. – Встань сейчас же и сними фуражку!

– Почему вы сердитесь, батоно? Я же помогаю вам!

– Не нуждаюсь я в твоей помощи! А ты, – обернулся он к носатому, – убирайся отсюда, и чтоб больше не смел беспокоить соседей!

– Сию минуту, начальник! Но у меня просьба одна к вам... Я человек тихий, спокойный, за всю свою жизнь даже мухи не убил... Пусть он не называет меня аферистом!

– Убирайся!

– Иду, иду!

Пьяница направился к двери. Поравнявшись со мной, он нагнулся ко мне:

– Я подожду тебя на улице... Выйдешь – угощу на славу!

– Убирайся, пока я не передумал! – заорал дежурный.

Носатый мигом выскользнул из комнаты. Педагог положил свое заявление на стол дежурного, вежливо кивнул головой и вышел.

Вдруг дверь с шумом распахнулась и в комнату ворвалась тетя Марта. Изумленный дежурный вскочил, вышел из-за стола и подошел к ней:

– Тетя Марта, в чем дело? Что тебе тут понадобилось?

– Мальчик пропал! Пропал мой мальчик!

Я притаился в своем углу.

– Какой мальчик, тетя Марта?

– Мой квартирант, Зурико Вашаломидзе! Ушел и не вернулся!.. Все больницы, все милиции обегала!.. Словно в воду канул!.. Помоги, сынок, позвони куда-нибудь!.. Если с моим мальчиком случится беда, я сойду с ума!.. Зурикела, дорогой мой мальчик, куда же ты делся?.. Горе мне, несчастной!.. Позвони, позвони, сынок!..

Я молча сидел в углу, прислушивался к причитаниям тети Марты, и сердце мое замирало от радости. Меня ищут, обо мне беспокоятся! Тетя Марта, старая, ворчливая женщина, бегаёт по городу, разыскивает меня, словно я ей сын или близкий родственник!

Я не вытерпел, вышел из своего угла и обнял ее.

– Тетя Марта! Я здесь!

– Боже мой! Откуда ты взялся? Ах ты, бесстыдник! Прохвост! Я всполошила весь город, а он сидит здесь и болтает!.. Негодяй!.. Как ты сюда попал, разбойник? Отвечай!

– Просто так, тетя Марта... Зашел мимоходом...

– За что вы его арестовали, сынок? – спросила она дежурного.

– Не знаю, тетя Марта... Милиционер привел...

– Не знаешь? Что же ты в таком случае знаешь? Зачем тебя здесь посадили? Привели к тебе ребенка, а ты даже не поинтересовался – за что? Да разве он похож на убийцу или грабителя? Или на хулигана?

– Тетя Марта...

– Я тебе покажу тетю!.. А ты, бесстыдник, марш домой! Извинись перед начальником и выкатывайся вон! Я с тобой еще поговорю!..

Тетя Марта вытолкала меня из комнаты. Я успел лишь помахать рукой дежурному, который стоял с разинутым от удивления ртом.

Всю дорогу тетя Марта молчала. Подойдя к своей двери, я повернулся и поцеловал ее в щеку.

– Убирайся, босяк! – сказала она и утерла щеку. Потом прошла в свою комнату и повернула в замке ключ.

Спать я не ложился.

Над древней Нарикала³¹ занималась заря...

³¹ *Нарикала* – старинная крепость в Тбилиси.

Шиомгвиме³²

Председатель профбюро нашего факультета, помимо сбора членских взносов, иногда, перед выборами, устраивал также экскурсии. Экскурсиями у нас обычно назывались коллективные хождения в кино и театры. На сей раз мы собирались в настоящий поход – в монастырь Шиомгвиме.

Тетя Марта снабдила меня четырьмя картофельными котлетами. От выдачи хлеба она воздержалась, сославшись на цивилизованных европейцев, которые, оказывается, картошку и макароны едят без хлеба. Некоторый недостаток в продуктах питания был щедро восполнен всевозможными наставлениями и предостережениями.

Во дворе университета мои однокурсники уже ожидали автобуса. Ждать пришлось недолго – всего около часа с небольшим. Мы быстро заняли места, и шофер стал заводить машину. Мотор заклокотал, будто прополаскивал горло, потом чихнул и заглох.

– Эй, парень, иди-ка подсоби! – обратился ко мне водитель.

Я стал перед машиной и начал крутить ручку. Мотор молчал.

– Сойдите все с машины! – распорядился водитель.
Мы сошли. В машине осталась одна лишь Цира.

³² *Шиомгвиме* – знаменитый средневековый монастырский комплекс.

– А ну, давайте подтолкнем! Дружно!

– Раз, два – взяли!..

– Нажимай!

– Пошла!

– Поехали-и-и!

Машина задрожала, мотор чихнул, еще раз чихнул и наконец завелся.

– По местам!

Мы снова заняли свои места. Машина тронулась и стала набирать скорость. Путешествие началось...

...Я сидел рядом с Цирой и искоса поглядывал на нее. Она не обращала на меня никакого внимания. Нестор нежно поглаживал прихваченный Отаром бочонок с вином. Отар беседовал с нашим экскурсоводом. Шота что-то напевал себе под нос. Я сидел, притаив дыхание, и, чтобы не беспокоить Циру, дымил в нос председателю профбюро.

– Вашаломидзе, дыми, пожалуйста, в другую сторону!

– Куда!

– Куда хочешь... А членский взнос у тебя уплачен?

– Уплачен.

– Когда же ты уплатил?

– Вчера! Забыл?

– Что-то не помню!

– Знаешь что? Или вырежь себе гланды, или запоминай лучше, не то я за себя не ручаюсь!

Профбюро пересел на заднюю скамейку.

Автобус выехал на Военно-Грузинскую дорогу.

– Взгляните направо! – начал экскурсовод. – Это – река Мтквари!³³

– Не может быть! – воскликнул Шота. – Вы уверены, что это действительно Мтквари?

Нестор громко расхохотался и обернулся к Отару:

– Отар, не пора ли нам закусить? Я что-то проголодался.

Ребята засмеялись.

– А сколько раз ты ешь в течение суток? – спросил кто-то.

– Сколько раз угостишь!

– Взгляните направо! – раздался опять голос экскурсовода. – Вы видите ЗАГЭС. Это наш электрический завод. Отсюда пускают ток.

– Сагол! – обрадовался водитель. – Наконец-то разобрался. А то напишут по одной букве – понимай, как хочешь! Вот ехал я прошлый раз, – вижу, огромными такими буквами выведено «ЗАГС», а рядом – «МАЧИ» или «МАЧА»³⁴, в общем что-то неприличное... Поди разберись, что это такое...

– Еще правее и выше, – продолжал польщенный экскурсовод, – мы видим монастырь Джвари³⁵. Монастырь построен в далеком историческом прошлом, однако он до сих пор

³³ *Мтквари* – грузинское название реки Куры.

³⁴ *ЗАГС* – по-грузински *МАЧИ*.

³⁵ *Джвари* – храм около города Мцхета, построенный в VI веке, памятник древнегрузинского зодчества.

еще не разрушился!

– А вы не знаете, когда он разрушится? – спросила Цира.

Экскурсовод почувствовал подвох и промолчал. Спустя минуту он снова начал:

– С этим монастырем связана веселая и красивая легенда... Жил в монастыре монах – забыл, как его звали... Жил он отшельником, вдали от мирских сует... А когда приходилось ему бывать по делам в Мцхета, спускался он по цепи: между монастырем и Мцхета была натянута такая, знаете, железная цепь... Вот однажды спускается монах по цепи и видит: девушка дивной красоты разделась и совершенно голая купается в Мтквари и Арагви...³⁶

– Одна – в двух реках? – усомнился водитель.

– Взгляните направо, здесь эти реки сливаются.

– Дальше, дальше!

– Взглянул наш монах украдкой на голую девушку...

– Взглянул-таки, старый хрыч?! – обрадовался водитель.

– Взглянул. А в те времена, заметьте, монахам не разрешалось глядеть на голых девушек...

– Ва! Выходит, монах нарушил правила! – посочувствовал водитель.

– Да. А к чему ведет созерцание голой девушки – об этом известно каждому из вас... Закружилась голова у бедного монаха, и полетел он вниз, в реку. И утонул, – чуть не плача закончил наш гид свою веселую и красивую легенду.

³⁶ Реки Мтквари (Кура) и Арагви сливаются у Мцхета.

– И все? – спросил водитель. Экскурсовод кивнул головой. – Да-а-а... Вот так нас губят женщины, карты и вино... Еду я недавно по проспекту, вижу – ангел. Без крыльев, но ангел, ей-богу!.. Только она была не совсем голая... «Гражданка, зову, – обернись!» Обернулась... И точно, как у того монаха, помутилось у меня в глазах... Бах! – и наскочил на «Волгу»!.. Ну конечно, инспектор тут как тут! Инспектор – это наш бог. Только Бог, говорят, с неба спускается, а инспектор появляется из-под земли... Ну, что дальше было, это вам неинтересно, – закончил наш водитель свою печальную и поучительную легенду.

– Взгляните направо! – очнулся экскурсовод. – Перед нами – Светицховели...³⁷ Зодчему, который построил этот собор, по приказу царя отсекли десницу...

– Это почему же? – спросил Нестор.

– Интрига... Кто-то донес на него...

– Никак присвоил стройматериалы? – сказал водитель.

– А почему собор называется Светицховели? – спросила Цира.

– Собор называется Светицховели потому, что... Нет, вы действительно этого не знаете?

– Не знаю!

– На этом месте когда-то стоял столб...

³⁷ *Светицховели* – собор в городе Мцхета, монументальное сооружение средневековой Грузии. Был построен в XI–XII веках архитектором Арсакидзе. «Светицховели» – «Животворящий столп». Дословно: свети – «столп», цховели – «живой», «животворящий».

– А откуда взялись животные? – спросил Нестор.

– Дикие животные жили в окрестных лесах! – разъяснил Шота.

– Взгляните направо! – крикнул экскурсовод. – Здесь похоронен наш национальный герой Арсена Марабдели!³⁸

– Ва! Сагол, Арсена! Его я знаю! – воскликнул водитель и тут же с подъемом продекламировал:

Сел на Лурджу³⁹ наш Арсена,

Гарцевал, скакал проворно.

Самоцветы подарил ей,

Дорогие украшения.

Все, что взял я у богатых,

Роздал тем, кто обездолен!⁴⁰

К полудню мы подъехали к селению Дзегви. На пароме переправились через реку и стали взбираться по склону Шиом-гвимской горы. Шли группами. Я неотступно следовал за Цирой, но она ни разу не взглянула на меня. Я чувствовал – после той ночи Цира избегала меня. Я очень любил Циру и хотел, чтобы мы остались в хороших отношениях, кроме того, я знал, что и Цире не хотелось ссориться со мной. Но

³⁸ *Арсена Марабдели* – Арсен из Марабды, Арсен Одзелашвили, народный герой, боровшийся против крепостничества. Род. ок. 1800 года, убит ок. 1842 года.

³⁹ *Лурджа* – легендарный конь голубого (лурджи) или серого в яблоках окраса.

⁴⁰ Водитель цитирует отдельные, не связанные друг с другом стихи из народного «Сказания об Арсене».

мы почему-то боялись быть вместе, боялись друг друга...

— Зурико! — кричит Нестор. — Отстань от девочки, видишь, она не обращает на тебя никакого внимания! Иди сюда, помоги нам!

Я присоединяюсь к ребятам, которые, обливаясь потом, по очереди тащат бочонок с вином. Цира идет впереди всех. Она то и дело нагибается, срывает цветы. Я очень люблю цветы. Я могу весь день смотреть на один цветок и видеть усеянную цветами поляну; могу весь день бродить по полю и не видеть там ничего, кроме одного цветка; могу часами лежать, глядеть в небо и видеть там одни цветы... Я люблю цветы, но не могу смотреть, как их срывают. Мне противны сорванные цветы — они напоминают похоронный венок...

В монастырском саду нас встретил молодой веселый монах. Он сперва окинул довольным взглядом наш бочонок, потом спросил, кто мы. Узнав, что студенты, испуганно развел руками.

— Комсомольцы? — спросил он.

— Все как один! — ответил профбюро.

— Я не могу впустить вас в церковь. Безбожников — в храм божий? Ни в коем случае!

— У меня за два месяца не уплачены членские взносы, — сказал я монаху. — Мне можно?

— Конечно! — улыбнулся он.

— Мы не молиться сюда пришли, а для осмотра исторического памятника! — рассердился наш профбюро.

– А вы кто будете?

– Я председатель профсоюзного бюро!

– Хорошо! Пожалуйте в храм! Только, ради бога, снимите фуражки, вытрите ноги и не вздумайте писать на стенах!

Монах направился к церкви, отпер замок и широко распахнул двери. Перекрестившись и пробормотав: «Слава тебе, Господи», – он вошел в храм. Мы двинулись за ним.

Церковь дохнула на нас одурманивающим запахом ладана и восковых свечей. Бледные полосы света проникали через узкие окошки и скрещивались на полу, рассеивая таинственный полумрак; со стен смотрели на нас святые с изображенными морщинами лицами, огромными, удивительно умными глазами и скрещенными на груди тонкими руками.

– Как понимать этот рисунок? – спросил Нестор.

– Это воскресение Христа! – ответил монах.

– Попробовал бы он воскреснуть сейчас! – сказал Шота.

– Ну вот, говорил же я, что комсомольцев нельзя пускать в церковь! – захныкал монах.

– Не ной, дружок!

– Какой я тебе дружок?! Зови меня отцом!

– А как же называть своего родного отца?

– Как хочешь...

– А вы случайно не святой?

– На все Божья воля...

– А что изображено на этом рисунке? – поинтересовалась Цира.

– Иуда предает Христа.

– Вот так всегда бывает: родному брату нельзя довериться, за грош продаст! – вздохнул водитель.

– Бога нет, – сказал вдруг профбюро.

– А говорили – Бог на небе?! – усомнилась Цира.

– На небе – аэроплан! – выпалил водитель.

– А вы уверены в том, что Бога нет? – сказал наш экскурсовод и иронически улыбнулся. – Недавно шел я по улице. Вдруг сверху прямо передо мной падает кирпич! Вы понимаете? Всего в каких-нибудь двух-трех сантиметрах от меня! Представляете себе? Сделай я еще шаг, нет, полшага, и... как вы думаете теперь, нет Бога?..

– Был бы Бог, тот кирпич не миновал бы твоей головы! – сказал я и вышел из церкви.

Чем закончился этот сугубо научный спор – я не знаю. Но только все выходящие из храма были почему-то безбожно голодны и требовали есть.

Тут же на зеленой лужайке накрыли стол, каждый выложил свои припасы, и начался пир. Тамаду не стали выбирать – решили, пусть каждый по очереди выскажет свои собственные мысли.

Первое слово было предоставлено водителю.

– Несчастный я человек, – начал он. – Каждый раз, когда другие пьют, едят, поют, я должен сидеть и облизываться, потому что пить нам, шоферам, опасно... Вот, скажем, сейчас напьюсь я и сброшу всех вас в пропасть... Оправдать-

ся, конечно, можно: трос лопнул или тормоз отказал – иди разбирайся. Но разве инспектора обманешь? «А ну, скажет, дыхни! А-а-а, выпил, дружок? Факт, выпил! Так и запишем: водитель, совершивший аварию, находился в нетрезвом состоянии». Вот и все! И заберут вашего Саркиса в самый высокий дом в Тбилиси...

– В какой? Одиннадцатизэтажный? – спросил Отар.

– В тюрьму!

– Ты что, не видел здания выше тюрьмы? – сказал я.

– Нет, тюрьма самая высокая: оттуда Чукотка хорошо видна! – объяснил водитель.

– А-а-а...

– Вот тебе и «а-а-а»! Ну ладно, за ваше здоровье!

Тосты следовали один за другим: за дружбу и любовь, за памятники культуры и достижения науки, за предков, за родителей – всех не перечесать.

Монах сперва отказывался от вина, но после четвертого стакана добровольно взял на себя обязанности виночерпия. Каждый раз, налив нам вино из бочонка, он, точно проголодавшийся теленок, жадно сосал резиновый шланг. Наша трапеза уже близилась к концу, когда слова попросил монах. Икая и пошатываясь, он произнес следующий монолог:

– В этом монастыре иранский шах Аббас... Знаете, почему двадцатикопеечная монета называется «абаз»?.. Шах обезглавил двадцать десятков грузинских монахов!.. А почему?.. Двести монахов – это... это немало!.. А бабушка ша-

ха была грузинкой!.. Да!.. Там в яме сидел один монах... Не ел... не пил... Почему?..

– Послушай-ка, друг! – не вытерпел Шота. – Ты монах или лектор? Что ты к нам пристал со своими «почему»? А черт его знает, почему! Скажи сам – почему?!

– И скажу!.. Все скажу!.. Очень даже просто... Так за кого мы сейчас пьем?.. Выпьем за Бога!.. Почему? Пожелаем ему здоровья, счастья, сто лет жизни и осуществления всех его желаний на сто процентов!.. За этот дом!.. Дай Бог хозяевам веселой жизни... Двенадцать сыновей и двенадцать дочерей... Иисус Христос и двенадцать апостолов... Я – монах... Почему?.. Ик!..

Монах уснул, так и не успев ответить на свое последнее «почему»... Я же знал, что на свете не было женщины, которая согласилась бы выйти за этого прямого потомка питекантропов, и ему оставалось волей-неволей пойти в монахи...

Настал мой черед. Я налил вино и начал:

– Да здравствует солнце!

– Какое там еще солнце? Ночь сейчас! – поправил Шота.

– А я вижу солнце! – упрямо повторил я.

– Молодец! – одобрил Отар.

– Я вижу солнце! И вы должны видеть его, если, конечно, вы не слепые!

– Ну конечно, видим! – согласился Нестор и взглянул на луну.

– Нет, это – луна, а вы должны видеть солнце! – запроте-

стовал я.

– Ты просто пьян! – сказал Нестор.

– Я – Шио Мгвимели!⁴¹

– Ты Зурикела Вашаломидзе! – сказал Нестор.

– А ты – Серапиона!

Нестор не знал, кто такая Серапиона, и поэтому не обиделся.

– Я иду домой! – заявил я и встал.

– Иди, – согласился Отар, – вот так, по тропинке, будет короче!

– Цира, ты пойдешь со мной? – спросил я.

– Почему она должна идти с тобой? – привстал Отар.

– Тебя не спрашивают! – огрызнулся я.

– Цира, неужели ты пойдешь с этим дураком? – спросил Отар Циру.

– Я останусь здесь! – сказала Цира.

– Со мной? – спросил Отар.

– Нет, со всеми!

– А что, Отар – это все? – съязвил я.

– Почему – Отар? Вот и Нестор здесь...

– Нестор спит!

– Значит, она остается со мной! – сказал Отар.

– Ты сейчас заснешь! – сказал я.

– И не подумаю! – ответил Отар и громко зевнул.

⁴¹ *Шио Мгвимели* – монах, основавший, согласно легенде, Шиомгвиме в VI веке.

– Нет, заснешь!

– Цира, мне заснуть?

– Если хочешь спать – засни!

Отар прилег на траву и сразу уснул.

– Засни и ты, Зурико... Голову положи вот сюда, мне на колени...

– Цира, я хочу вина!

– Пей, – она подала мне стакан.

– Цира, ты красивая девочка!

– Знаю...

– А я обезьяна!

– Знаю...

– Почему же ты меня любишь?

– Не знаю...

– Да здравствует незнание! Да здравствуют двойки! Да здравствуют Илико, Илларион и моя бабушка!

– Надоел ты со своим Илларионом! – проворчал проснувшийся Отар.

– Цира, пойдем со мной, – сказал я.

– Куда?

– Никуда... Пойдем?

– Боюсь!

– Не бойся!

Цира медленно последовала за мной.

– Зурико!

– Что, Цира?

– Зурико, почему ты молчишь? Мне стыдно, очень стыдно... Ведь ты любишь меня? Почему же ты не хочешь мне сказать?..

– Цира, ты чудесная девушка!

– Это ты уже сказал!

– Цира, ты не любишь меня... Я сейчас пьян, а когда я пьян, я всегда говорю правду... Ты... Я... Ты красивая девушка... Я не хочу, чтобы ты любила меня... Ты знаешь, я недостоин твоей любви...

– Замолчи, Зурико!

– Я подлец!.. Но я же думал, что ты можешь полюбить меня... Ты не знаешь, какой я плохой... А ты хорошая... У меня...

– Не надо, Зурико! Молчи!..

– Нет, ты должна узнать... У меня есть... любимая... Там, в деревне... Я люблю ее больше всех на свете... Она мне дороже собственной жизни... Ты лучше ее, в тысячу раз лучше... Но я люблю ее. Она – мое солнце, мое светило... Ее зовут Мери... И ты должна знать об этом...

Я задыхался от волнения. Горький комок подступил к горлу, мешал говорить. Не в силах вымолвить больше ни слова, я опустил голову и замолчал.

Цира стояла не двигаясь, словно каменное изваяние. В ее широко раскрытых синих глазах не было ни слез, ни упрека – одно лишь изумление. Вдруг она, стряхнув оцепенение, подошла ко мне и со всей силой ударила меня по лицу. Я не

двинулся с места. Тогда она закрыла лицо руками, уткнулась головой мне в грудь и громко зарыдала.

Я обнял Циру, привел на полянку, усадил рядом со спящим Отаром, молча поцеловал ей руки и так же молча удалился.

Я подошел к старой колокольне, по лесенке поднялся на верхнюю площадку, глубоко вдохнул свежий ночной воздух и крикнул во всю силу легких:

– Эге-ге-ге-э-э-эй!..

«Э-эй!» – откликнулась эхом гора.

Я провел рукой по колоколу. Толстым мшистым покровом на нем лежала пыль. Я ударил кулаком по его чугунным бокам. Раздался глухой, протяжный звук. В глазах у меня вдруг потемнело, все вокруг завертелось, закружилось... Чтобы не упасть, я ухватился за веревку.

«Нау-у-у!» – застонал колокол.

Я снова дернул веревку, потом еще и еще раз.

«Нау!.. Нау!.. Нау-у-у!» – пел колокол.

Звуки сперва срывались отдельными серебристыми каплями, потом слились, поплыли непрерывными волнами, заполняя собою монастырский двор, ночь, весь подлунный мир...

Я стоял на колокольне, внимал песне колокола, видел солнце и чувствовал, что теряю сознание...

Дрова

Я и Илларион сидим в тени дерева и мирно беседуем. Илларион любит поговорить на научные, политические и литературные темы. О любом явлении жизни у него свое особое представление, голова его полна всевозможных собственных теорий. Он не признает никаких авторитетов, кроме меня. Впрочем, и на меня он нередко смотрит с явным подозрением.

– Где ты это вычитал? – иронически спрашивает он.

Я называю источник.

– М-да-а-а... Ну, знаешь, книги ведь тоже пишутся людьми. Так что ты не очень-то доверяй им...

В шарообразность Земли Иллариону все же пришлось поверить, потому что на эту тему я прочитал ему почти двухчасовую лекцию. Верит он и в то, что, просверлив насквозь Землю, можно очутиться в Америке. Но почему же в таком случае люди не сверлят Землю – этого Илларион никак не может понять.

На сей раз в нашей беседе принимает участие бабушка. Вместе со своей пряжей она примостилась тут же, на пеньке.

– Хорошо, сынок, вот ты говоришь, что сперва на свете появились животные, а потом человек. А кто же тогда доил коров и коз?

– Никто! Часть молока высасывали телята, а остальное

проливалось...

– Слышишь, Илларион? Молоко проливалось!

– Это еще ничего, Ольга! Ты спроси-ка у него, как труд превратил обезьяну в человека!

– А ну, расскажи, сынок!

– А что тут рассказывать? Взгляни на Иллариона и Илико – сама убедишься!

– Эй ты, сопляк! Если зеркала нет, хоть в колодец посмотри на свою рожу! – обижается Илларион. – Ты лучше расскажи своей бабушке, какой ты набрался премудрости!

– Так вы все равно ничего не поймете!

– Стыдишься? – ухмыляется Илларион.

– Ну так расскажи ты, Илларион! – просит бабушка.

– А что рассказывать-то! Наплел какую-то чушь! Послушать его, так получается, что обезьяна проголодалась и начала обрабатывать землю...

– Смотри ты!.. Дальше?

– Не могла же она лежа копать? Ну и стала на ноги.

– Правда, сынок?

– Брешет он!

– Ага, отказываешься от своих слов?!

– Разве я тебе так объяснял?

– Хорошо, если б так! А то я половины не понял.

Я махнул рукой. Илларион продолжал:

– Так вот, начала обезьяна копать землю...

– А где она взяла заступ?

– Вот про это я забыл спросить!.. Эй ты, дурень, откуда у твоей обезьяны взялся заступ?

– Как откуда? Пошла она в сельмаг к Оцойе и говорит: «Эй, браток! Дай-ка мне вон тот восемнадцатирублевый заступ!» – ответил я.

– А что, тогда Оцойя тоже был обезьяной? – спросил Илларион.

– Оцойя, положим, и сейчас обезьяна! – вставила бабушка. – С килограмма гвоздей украл добрых двести граммов да еще сдачу недодал!

– Привет соседям!

Мы оглянулись. У калитки стоял улыбающийся Илико. Илларион испытующе посмотрел на него и спросил:

– Илико Чигогидзе, признайся честно: как враг или как друг ты к нам пожаловал?

– Ты по крайней мере можешь быть спокоен. Я об тебя даже руки марать не стану! – ответил Илико. – Пришел к соседям за советом!

– Ну тогда милости просим!

Илико подошел к нам, еще раз вежливо поздоровался и присел на бревно. Потом достал из кармана кисет, отсыпал себе табаку, а кисет спрятал обратно. Из другого кармана он достал другой кисет и протянул нам:

– Закурите?

Илларион взял кисет, открыл, понюхал табак и вернул обратно.

– Это, Илико, дорогой, принимай по порошку три раза в день. Таким, как ты, помогает!

– Опять наперченный? – спросил я.

– Нет, трава! – ответил Илларион. – Ну, не скажешь, зачем притащился?

Илико даже не посмотрел на Иллариона, повернулся к бабушке и начал:

– Что с ним говорить, дорогая Ольга. Видишь, ядом брызжет. У тебя, правда, тоже сладкий сироп не бьет фонтаном, но ты – женщина мудрая, посоветуй мне, как быть, что делать? Уйти совсем из села или убить человека и сесть в тюрьму?

– Боже мой, какие страсти!.. Что с тобой случилось?

– Сейчас узнаешь... Как ты думаешь, легко ли было мне сплавлять дрова по Губазоули? Вот и Зурикела мне помогал тогда...

– Ну и что же?

– А то, что кто-то ворует мои дрова! Понимаешь? Какой-то бессовестный жулик тащит дрова! И никак мне не удастся поймать его! Какую ночь не сплю!

– Господи! И из-за этого ты хочешь убить человека?

– Горло перегрызу собственными зубами! Лишь бы схватить мерзавца!

– Что я тебе посоветую, Илико? Не пойманный – не вор.

– Но я-то обворован?

– Конечно!

– Ну хорошо!..

Илико решительно встал и направился к калитке.

– А ты сложил бы дрова у себя в комнате, – крикнул Илларион, – или спал бы прямо на поленнице!

– Спасибо за добрый совет, Илларион! Если б не ты, что бы я делал, несчастный! – откликнулся Илико и ушел.

В тот же вечер Илико пришел к нам домой и притащил с собой огромного петуха с великолепными шпорами и ярко-красным гребешком.

– Что это такое, Илико? – удивилась бабушка.

– Неужели по нему не видно, что это петух?

– А что с ним такое?

– Ничего. Все болезни он еще в детстве перенес. Хороший драчун и прекрасный петух. Лаять только не умеет, а так лучше всякой собаки – никого во двор не пропустит. Хочу подарить твоему Зурико.

– Только этого не хватало моим бедным курам! – всплеснула руками бабушка.

Но Илико уже не слушал. Он отвел меня в сторону и таинственно зашептал:

– Зурикела, дорогой мой, золотой, спаситель мой!..

– В чем дело, Илико?

– Ты привез из города капсюли?

– Ну, привез...

– Сколько?

– Штук тридцать...

– Уступи их мне – и я твой раб!

– Ты, часом, не в разбойники собрался?

– Не спрашивай!.. Ты только уступи мне эти капсюли, а взамен проси что хочешь!

– Скажи мне, в чем дело, и капсюли – твои!

– Не выдашь?

– Илико!

– Не погубишь меня?

– Тебя?!

– Честное слово?

– Стыдись, Илико!!!

– Ну хорошо, идем ко мне!..

...До самого утра я и Илико сидели у пленницы, потягивали вино и закладывали в дрова динамит и капсюли. Отверстия мы аккуратно замазывали глиной.

У Илико было прекрасное настроение.

– Попался, голубчик? Куда ты теперь денешься? Я-то знаю, кто крадет мои дрова, но, говорят, не пойманный – не вор. Вот теперь я его и поймал! Зурикела, я – гений!

– Илико, смотри, как бы не убило кого!

– Не бойся, убить не убьет, но жару задаст – будь здоров!

– Ну смотри, как знаешь...

– Зурикела Вашаломидзе! Если хоть одна живая душа узнает про капсюли, я зарежусь собственным ножом, и грех падет на твою голову! Запомни это!

Я торжественно поклялся держать язык за зубами...

...Спустя неделю мы с Илларионом сидели у него во дворе и гнали водку. Весело хлопотал огромный медный котел, по трубке с журчанием сбегала струйка горячей ароматной водки.

Илларион любит крепкую водку. Время от времени он подносит к огню обмакнутый в водку палец. Если палец вспыхнет голубоватым пламенем – значит хороша водка. Если пламени нет – значит нужно новое «сырье».

Время бежит незаметно. Мы по очереди подставляем под струйку пузатые винные стаканчики, потом охлаждаем горячий напиток в холодной воде и долго с удовольствием смакуем огненную влагу. Здесь, у котла, водку нужно пить медленно, медленно, закрыть глаза и потягивать из стаканчика, пока не покачнутся чуть-чуть деревья и ты не начнешь петь как угодно, говорить что угодно и смеяться над чем угодно.

Я сижу у трубки, Илларион – у котла. Мы пробуем водку. Деревья слегка покачиваются, и мы смеемся над чем угодно, поем и снова смеемся.

– Мир и изобилие дому сему!

– Мир вошедшему! Ну-ка, Илико, испробуй!

Илларион подает гостю стаканчик. Илико медленно, с видом знатока тянет водку, чмокает губами, жмурится, потом не спеша ставит стакан и говорит удовлетворенно:

– Огонь! Медведя свалит!

Илларион самодовольно улыбается.

Илико отводит меня в сторону и торопливо шепчет:

– Взяли!

– Кого взяли?

– Дрова взяли, дурак! Сегодня жди взрыва!..

– Не может быть!

– Точно!.. Ну я пошел, а ты держи ухо востро!..

Илико ушел, хихикая и весело потирая руки. Илларион насупился:

– Что нужно кривому? Не мог при мне сказать?

– Зачем говорить, скоро сам узнаешь!

– А все же?

– Этой ночью нахохочемся вволю.

– Ну выкладывай, в чем дело!

– Я могу сказать, но... Потерпи немного, так будет интереснее!

– Продался кривому? Тьфу на вас обоих!

Илларион надулся и пошел за дровами. Я снова наполнил стакан водкой.

– Вот присосался как теленок! – крикнул Илларион. – Послал бог пьяницу на мою голову! Пересядь туда!

Мы меняемся местами. Горят, потрескивают дрова. Взлетают снопы искр. Вот пламя перекинулось на подброшенное только что полено, лизнуло его огненным языком. Полено затрещало, вспыхнуло, отлетел комочек прилипшей глины, и...

– Ложись, Илларион! – завопил я.

– Что такое?

– Ложись!!!

Илларион бросился на землю. Раздался взрыв, второй, третий... Котел подскочил и опрокинулся в костер. Я хотел что-то крикнуть, но рот мой был плотно забит золой. Залпы следовали один за другим. Высоко в небо взлетали горящие уголья, фонтаны искр...

Канонада длилась несколько минут. Когда все смолкло, я осторожно приподнял голову и огляделся. Илларион лежал, зарывшись головой в землю, и не двигался. Я вскочил, подбежал к нему и перевернул на спину. Он чуть приоткрыл глаза, провел рукой по измазанному землей и золой лицу и еле слышно простонал:

– Что произошло, Зурикела?

– Чтоб ты окошел, Илларион Шеварднадзе! Какого черта ты воровал дрова у кривого? Не мог сказать мне?

– Что? Дрова? Какие дрова?

– Обыкновенные! Те, что лежали во дворе у Илико! Сказал бы мне, черт носатый!.. Ведь я всю ночь собственными руками начинал их капсюлями!

– Зурикела Вашаломидзе! Постарался, напоил моей кровью Илико Чигогидзе! А теперь, пока цел, убирайся отсюда, не то что-то страшное сделаю – камни взвоют!

– Эй, хозяин! – спас меня чей-то окрик.

– Кто там?! – взревел Илларион.

– Это я, Илико. Пришел к тебе за советом. Кто-то дрова у меня ворует, так не поможешь ли изловить вора?

– Убью! – заорал Илларион, бросаясь к воротам.

...Илико явился утром. Лисой прокрался он во двор Иллариона, осмотрел место вчерашней катастрофы, сочувственно покачал головой, потом уселся под деревом и с ангельской улыбкой принялся извлекать капсули из уцелевших поленьев...

Клад

Для деревенского парня, который учится в Тбилиси, самым любимым месяцем, казалось бы, должен быть июнь. Сданы экзамены, получена трехмесячная стипендия, теперь можно с легким сердцем отправляться домой. Впереди – лето, ночные набегі на соседние сады и огороды, рыбалка, охота... Было время, когда я, ученик сельской школы, тоже радовался наступлению лета. Но с тех пор как судьба связала меня с городом, июнь потерял для меня всякую прелесть. Судите сами: чему тут радоваться? Все лето над моей головой висит страшный меч – осенняя переэкзаменовка. Все тройки в моей зачетной книжке нужно переправить на пятерки – без этой меры предосторожности лучше не показываться на глаза бабушке. Затем нужно выслушивать намеки Илико и Иллариона по поводу моей стипендии («Ты что, опять отказался от стипендии?..»). Кроме того, Илларион не упускает случая, чтобы в присутствии бабушки завести разговор о моей любви к наукам, моем прилежании, о том, каких ему стоило трудов в бытность свою в Тбилиси отрывать меня от учебников... Наконец, возвращаясь в город, я должен все пятерки переделать опять на тройки!

Но, поскольку у меня, кроме моей деревни, бабушки, Илико и Иллариона, на свете нет никого и ничего, приходится мириться с положением и ехать к ним...

И вот я уже шагаю по извилистой тропинке, ведущей к нашему селу. Земля, трава, все вокруг мокро от недавнего дождя. Я сам промок до ниточки, ноги скользят по грязи. Тропинка круто взбирается в гору. Я ускоряю шаги, почти бегом преодолеваю подъем – и вдруг передо мною как на ладони открывается мое село. У меня слабеют колени, к горлу подступает соленый комок, и я присаживаюсь на камень. Я сижу долго, глотаю слезы и жду... Наконец из дома выходит бабушка. Она еще больше сгорбилась, но походка у нее по-прежнему бодрая. Я вскакиваю с места, хватаю свой пустой чемоданчик и с криком «бабушка-а-а!» мчусь вниз, под гору. Еще минута, и мы обнимаемся. Первой заговаривает бабушка:

– Жив, сыночек?

– Мертвый, но не признается! – язвит появившийся словно из-под земли Илларион.

– Небось проголодался, сыночек? – спрашивает бабушка.

– Ничего, я его за лето откормлю... Вместе с моей Серапионой... – говорит Илико, весело потирая руки.

– Ну, расскажи, что нового в Тбилиси? Что молчишь, как на экзамене? – спрашивает меня Илларион и, не дожидаясь ответа, обращается к бабушке: – Какое вино принести, Ольга?

– Все!... – отвечает бабушка.

– Чем у тебя полон чемодан, не свинцом ли? – скалит зубы Илико, легко подбрасывая мой чемодан.

– Книги, наверное, привез! – ухмыляется Илларион.

– Никаких книг! – восклицает бабушка. – Хватит с него занятий! Теперь он должен отдохнуть! Видите, на кого он стал похож? Кожа да кости!

– Да, да, конечно, ты права, Ольга! – хихикает Илико. – Бедный ребенок! Ну разве можно так истязать себя!

– Вы бы взглянули на его библиотеку! – говорит Илларион. Когдаходишь в его комнату, то на голову падает сперва книга, затем – кирпич. Все деньги, которые ему посылает бедная Ольга, он тратит на книги!

– Сыночек! – сокрушается бабушка. – Губишь себя? Голодаешь? На кой черт сдались тебе эти книги? Лучше ешь на эти деньги, а то перестану посылать!

– Илларион Шеварднадзе, хватит тебе мутить воду! – пу- гаюсь я.

– Мы ведь о тебе заботимся! Учиться, конечно, нужно, но нельзя забывать и о здоровье! – говорит Илико.

– Бабушка, накрывай, ради бога, скорей на стол – может, заткнутся эти вредные старики! – кричу я.

– Сейчас, сейчас, сыночек!

Спустя несколько минут мы сидим за столом и с аппети- том уплетаем вкусный обед.

– Можно к вам? – раздается с балкона.

– Пожалуйста. Кто это?

В комнату входит счастливая, смущенная, зардевшаяся Мери. На ней новое красивое платье.

– Бабушка, одолжите, пожалуйста, сито... Здравствуй, Зурико!

– Здравствуй, Мери! – говорю я и встаю из-за стола.

– Вот оно висит за дверью, возьми, детка, – показывает бабушка.

– Садись, Мери!

– Нет, спешу!

– Проводи девушку! – говорит мне Илико.

– Что вы, не нужно! – отказывается Мери.

– Это смотря кому как! – улыбается Илларион.

Мери, забыв про сито, быстро прощается и уходит. Я иду за ней. Бабушка, Илико и Илларион выходят на балкон.

Я догоняю Мери. Мы молча шагаем по дороге и чувствуем на себе ласкающий взгляд четырех глаз...

...На третий или четвертый день после моего приезда к нам во двор зашел Илико.

– Прохвост! Где ты? – позвал он.

– Чего тебе? – откликнулась бабушка.

Я лежал на тахте и отдыхал.

– С просьбой я, дорогая Ольга! Затеял я перекопать землю в винограднике, да вижу, не справится одному... Одолжи на пару дней твоего прохвоста, пока его паралич не разбил от безделья!

– Паралич тебе на язык! Нет, брат, мой Зурико уже не тот Зурикела, которого можно было гонять то туда, то сюда! Он теперь студент!

– Укутай ему ноги! Одень потеплее! Подумаешь, студент! Я за него беспокоюсь, чтоб не заржавел, а то – мне чихать!

– Что ты пристал ко мне, Илико?

– Болван! Вино пить любишь? Для тебя же стараюсь, неблагодарный.

– Мне работать запрещено! Правительство направило меня сюда отдыхать, понятно? Увидит кто-нибудь меня за работой, проговорится в городе – будет скандал!

– Не волнуйся, надену на тебя такой парик – сам черт не узнает!

Пришлось согласиться.

Весь день я, Илико и Илларион работали не разгибая спины.

– Завтра явиться чуть свет! – приказал Илико. Мы кивнули головой и поплелись домой. Шли молча.

– Нет, брат, так дело не пойдет! – вдруг заявил Илларион, надо придумать что-то, иначе этот проклятый виноградник доконает нас!

– Доконает! – согласился я. – Там работы хватит на сто лет!

– Ну вот и придумай что-нибудь, ты ведь теперь образованный человек!

– Что я могу придумать? Провести Илико не так-то просто...

– Да, это верно...

Я допоздна засиделся у Иллариона. Мы с наслаждением

тянули охлажденное вино из маленького кувшинчика и ломали голову – как увильнуть от тяжелого труда в винограднике Илико.

– Этот кувшинчик я нашел в земле, – сказал Илларион, наполняя стаканы, – чуть не ошалел от радости: думал – клад!

– И что же?

– Ничего... Кувшинчик был полон обыкновенной земли...

– В старые времена люди с погибающего корабля бросали в море закупоренные бутылки или кувшины с письмами, – сказал я.

– Потом?

– Потом кто-нибудь находил бутылку, извлекал письмо и узнавал про судьбу тех людей...

– Что ты сказал?! – воскликнул вдруг просиявший Илларион. – Письмо?! В запечатанном кувшине, да?

– Что с тобой, Илларион?

Илларион вскочил, опрокинул стол, обнял меня, расцеловал, потом начал носиться по комнате, хохоча и потирая руки:

– Ну, погоди, Илико Чигогидзе! Погоди! Сыграю я с тобой шутку, какой свет еще не видал! Письмо, да? Такое письмо напишу – за все расквитаюсь!

Я изумленно глядел на ошалевшего Иллариона, не понимая, что с ним происходит. А он выбежал в другую комнату,

вынес листок бумаги, чернильницу с ручкой и, положив их на стол, крикнул:

– Садись, Зурикела! Садись и пиши! Нет, сперва изомни бумагу!

– Илларион!

– Мни, мни!.. Вот так! Теперь расправь!.. Так!.. Теперь пиши!

Илларион закурил папиросу, прислонился к стене, закрыл глаза и начал диктовать:

– «Я, Леварсий Чигогидзе, пишу это письмо перед своей смертью. Прожил я жизнь без радости. В последнем куске хлеба себе отказывал, копил копейку про черный день. Подорвал свое здоровье. Вот и умираю теперь. Одно утешение – не пропали даром мои труды. У яблони, под большим камнем, зарыл я кувшин с золотом. Настанет время, найдет его мой мальчик. А может, и не найдет. На все Божья воля. Да хранит Господь моего Илико. Аминь».

Я разгадал дьявольский план Иллариона, но тут же усомнился:

– А он поверит письму? Почему, скажет, он зарыл его в землю? Не проще ли было передать прямо мне?

– Не мог он сделать этого! Ведь бедный Леварсий скончался, когда Илико не было и года!

– Хорошо, но почему он не сказал жене?

– Потому что Какано умерла еще раньше от родов.

– Тогда все в порядке! Обязательно клюнет!

Мы сложили письмо трубочкой, обмотали тряпкой, брызнули водой и засунули в кувшинчик. Потом тщательно закупили его и вышли из комнаты...

...На другое утро точно в назначенный срок мы были в винограднике. Илико дал нам по стаканчику водки и по кислому помидору с куском холодного мчади, и мы принялись за работу.

Солнце уже стояло высоко, а Илико и не думал устраивать перекур. Я стал с беспокойством поглядывать на Иллариона – не сорвется ли наша затея, – как вдруг заступ Илико издал подозрительный звон. Илико чертыхнулся, поднял заступ, осмотрел его и продолжал копать. Раздался треск разбитого сосуда. Илико опустился на одно колено и стал ощупывать землю. Сначала он осторожно извлек горлышко, потом весь разбитый кувшинчик и удивленно посмотрел на нас.

– Что это? – спросил еще более удивленный Илларион.

Илико не ответил. Он быстро вынул из кувшинчика тряпку и дрожащими руками развернул письмо.

– Дай-ка прочту! – сказал я.

– Отстань, я сам умею читать! – огрызнулся он и начал: – «Я, Леварсий Чигогидзе, пишу это письмо перед своей смертью. Прожил я жизнь без радости. В последнем куске хлеба себе отказывал, копил копейку про черный день. Подорвал свое здоровье. Вот и умираю теперь. Одно утешение – не пропали даром мои труды, у яблони, под большим камнем...»

Илико задрожал всем телом, поперхнулся, закашлялся.

– Ну, чего ты стал? Читай дальше!

Побледневший Илико проглотил слюну и дико взглянул на Иллариона.

– Да скажи же, что там написано!

Я протянул к письму руку, но Илико резко оттолкнул ее, поднес бумагу к глазам и прохрипел:

– «Под яблоней, где лежит большой голыш... Сидел я днем и ночью... Так и прошла моя жизнь... Да хранит Господь моего Илико... Аминь...»

Илико сложил дрожащими руками письмо и спрятал его в карман.

– Ничего не понимаю, – сказал Илларион, – зачем ему понадобилось закапывать письмо в землю? Положил бы на стол...

Я больше не мог вытерпеть. Чтобы не расхохотаться и не провалить все дело, я сослался на страшную жажду и убежал к роднику.

Нахохотавшись, я вернулся в виноградник. Илико и Илларион сидели на траве и курили.

– Пожаловал? Ну, за работу! – встал Илларион.

– Илларион, дорогой, может, хватит на сегодня? Что-то нездоровится мне...

– Да что ты!

Илларион взял Илико за руку, нащупал пульс. Тот прикинулся умирающим.

– Ты иди, Илико, приляг, а мы поработаем.
– Нет, Илларион, идите и вы, отдохните!
– Что ты, Илико, какой там отдых!
– Говорю тебе, идите!
– Бросить тебя больного, одного? Ни за что!
– И не подумаем! – добавил я.
– Сукин сын! Ты что, сегодня помешался на работе? Кати-
сь домой!

Илико терял терпение.

– Как же так, Илико, ведь день только начался?.. – Голос Иллариона звучал сочувственно.

– Вы что, оглохли? Говорю вам – идите домой, оставьте меня в покое!

– Тебя нельзя оставлять одного!

– Илларион Шеварднадзе! Христом Богом тебя прошу: уйдите!

– А как же с виноградником?

– Не твоя забота!

– Что на тебя нашло, старик?

– Отстаньте! – заорал вышедший из себя Илико. – Уби-
райтесь! Земля моя! Как хочу, так с ней и поступлю! Слы-
шите?!

– Воля твоя... Завтра прийти?

– Ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю! Не нужна
мне ваша помощь! Отстаньте от меня! Уйдите! – завизжал
Илико. – Понятно вам? Убирайтесь!

Мы выбежали со двора...

...Еле дождавшись утра, сгорая от любопытства, мы подкрались к дому Илико. Огромный камень под яблоней, который не могли бы сдвинуть десять дюжих молодцов, был отвален в сторону. На его месте зияла черная яма. Оттуда доносилось тяжелое дыхание и летели комья земли...

– Начал! – прошептал Илларион.

– Видно, всю ночь копал! – сказал я.

– Илико! – позвал Илларион.

Из ямы сперва показались руки, потом высунулась повязанная платком голова, наконец вылез сам Илико.

– Чего тебе? Какого черта притащился?!

– Пришел тебя провести... Думал, заболел... А ты... Что ты делаешь, Илико?

– Колодец копаю!

– Колодец? Так у тебя ведь есть и колодец, и отличный родник!

– Есть! А теперь копаю еще запасной! Имею право?

– А в винограднике работать не будем? – спросил я.

– Вон! – крикнул Илико, вылезая из ямы. – Убирайтесь, ироды!

Задыхаясь от сдерживаемого смеха, мы с Илларионом выскочили на дорогу...

...Всю неделю Илико трудился в поте лица. Яма под яблоней превратилась в глубокий колодец. Не найдя в ней ничего, Илико стал копать другую яму. Прошло еще несколь-

ко дней. На Илико жалко было смотреть. Он осунулся, зарос бородой, еле двигался от усталости.

– Хватит с него! – заявил Илларион. – Умрет старик... Сегодня ночью надо кончать.

С наступлением темноты мы залегли в засаде неподалеку от яблони и, затаив дыхание, стали ожидать триумфального конца нашей великой затеи.

Время близилось к полуночи, когда раздался скрип отворяемой двери. Вскоре мы увидели Илико. Он подкрадывался к яме, точно партизан к вражескому часовому. Еще минута, и Илико исчез в ней.

Мы подползли к самому краю ямы. В крошечной тьме колодца слышались учащенное дыхание и глухие удары заступа. Вдруг на дне ямы что-то звякнуло. Мы бросились в кусты. Спустя несколько минут из колодца с большим глиняным горшком в руках выкарабкался Илико. Он присел под яблоней, перекрестился и запустил руку в горшок... Лицо его приняло вдруг страдальческое выражение, он быстро выдернул руку из горшка и поднес ее к носу. Рука по самую кисть была вымазана в точной копии той дьявольской смеси, с которой при несколько иных обстоятельствах довольно близко познакомились я и Илларион.

Илико долго сидел молча, не двигаясь, понутив голову. Потом заговорил тихо, словно про себя:

– Илларион Шеварднадзе, победил-таки ты меня? Осрамил на весь свет! Заставил вырыть два колодца из-за этой

вот дряни? – Он пнул ногой горшок. – Что ж, твоя взяла! Пусть будет так!.. Знаю я, сидишь ты теперь где-то в кустах и ржешь, как жеребец... Сиди, сиди, так-то для тебя будет лучше! Покажешься – убью! Зарежу!.. А где этот ублюдок Зурикела? С тобой, конечно! Где же еще быть ему!.. Впрочем, ты тут ни при чем... Я сам, старый болван, виноват во всем!.. Нашел кладовладельца – своего нищего отца!.. О, разбить бы этот горшок о ваши подлые головы, а потом и умереть не жалко!.. Отойду немного, тогда и приходите, насладитесь победой, а до этого не смейте показываться! Прикончу обоих! Не вас, так себя убью, избавьте от греха!..

Илико встал и направился к дому. Вдруг он повернулся к укрывавшим нас кустам и сказал:

– Завтра утром, с восходом солнца, жду вас в винограднике! Попробуйте только опоздать, бездельники!

Мы выбрались из своей засады, взяли за заступы и до самого утра копали землю в винограднике нашего милого ворчуна Илико.

Пакизо

У меня, бабушки, Илико и Иллариона есть одна общая корова. Зовут ее Пакизо⁴². Пакизо – ровесница бабушки. Ну, если не бабушки, то Илико, во всяком случае. Вот уже пять лет, как Пакизо упорно отказывается от выполнения своих материнских функций. Как только мы ее ни кормили, чем только ни поили, какими только лекарствами ни пичкали – ничего не помогло: Пакизо не желала стать продолжательницей своего рода. Однако, несмотря на это, она доилась, и мы простили ей отсутствие материнских чувств. Согласно правилам компаньонства, Пакизо по очереди жила то у нас, то у Илико, то у Иллариона. Она одинаково любила и уважала всех своих хозяев и одинаково голодала у каждого из них. Это была на редкость рассеянная корова. Она охотно заходила в любой двор, где только видела раскрытые ворота; безропотно позволяла подоить себя каждому, кто только подходил к ней с подойником.

Этим летом Пакизо совсем отбилась от рук. Она перестала доиться, потеряла аппетит, похудела и, что самое главное, стала ужасно забывчивой: с трудом различала она бабушку, Илико и Иллариона, а меня и вовсе не узнавала. Одним словом, отжила свой век корова, поседела даже. Сначала мы пы-

⁴² Имя персидского происхождения, означает «чистая», «непорочная», «безгрешная».

тались подарить ее друг другу, но, убедившись, что ничего не получается, собрались у нас за круглым столом на совещание.

– Всему есть предел, – начала бабушка, – в том числе и коровьей жизни! Что теперь делать, как с ней поступить?

– Продадим, – сказал Илларион.

– Что, кости? Это тебе не слоновая кость, – сказал Илико.

– Почему кости? Мясо.

– А где его взять?

– Ну, тогда сдадим на заготовки! – сказал Илларион.

– Кто ее возьмет?

– Да-а... Это тоже вопрос...

– Может, за шкуру дадут?

– Уж сдохла бы лучше, – сказал я.

– Только похорон мне не хватает. Сдадим, а там пусть хоть памятник ей ставят, – сказал Илларион.

...С утра начались приготовления. Я скребницей чистил и причесывал Пакизо, Илларион поил ее рассолом, Илико пичкал свежей травой, а бабушка теплой водой растирала ей колени. К двум часам дня приукрашенную, раздувшуюся, словно бурдюк, Пакизо торжественно вывели со двора. До заготовительного пункта предстояло пройти добрых три километра. Не успели мы пройти метров сто, как вдруг бабушка вскрикнула:

– Стойте, вернуть ее нужно!

– В чем дело, Ольга? – спросил Илико. – Слава богу, за-

шагала корова, разве можно теперь останавливать ее?!

– Подоить забыла! Замучится, бедняжка!

– Бочку сюда! Скорей! – закричал Илларион.

Я побежал домой и принес чайный стакан. Бабушка, Илико и Илларион целый час по очереди доили Пакизо, я придерживал ее за рога, чтобы не упала. Наконец стакан, наполненный пенообразной жидкостью, вручили мне.

– Поделим позже! – прыснул Илико, дергая за веревку. Пакизо нехотя тронулась с места.

Миновав село, мы вышли на широкое шоссе. Вдруг Пакизо опустилась на одно колено, затем на другое и жалобно замычала.

– Ну вот, нашла время молиться! – упрекнул ее Илико.

– погоди, пусть отдохнет! – сказала бабушка.

– Этак мы и за неделю не доберемся! – проворчал Илларион.

– Дай-ка ей понюхать нашатырь! – обратился ко мне Илико.

Я ткнул флакон в нос Пакизо. Она фыркнула, тряхнула ушами, но не двигалась с места.

– Пустить ей кровь! – распорядился Илико.

Илларион достал нож и полоснул им корову по уху, Пакизо вскочила на ноги и побежала.

– А ну, кто помоложе, бегом за ней! – скомандовала бабушка.

– Держите, а то улетит! – ухмыльнулся Илико.

– Не говори так, Илико, – обиделась бабушка, – а вдруг украдут?

Пробежав метров двадцать, Пакизо остановилась, оросила придорожную траву и снова легла.

– Плохо дело! Еще две-три такие лужи – и сдавать нечего будет, – сказал Илико.

Пакизо закрыла глаза. Пришлось полоснуть ей и по второму уху. Она сразу вскочила, помчалась по дороге и вскоре скрылась за поворотом.

Мы присели, покурили, отдохнули и не спеша продолжали путь. За поворотом дорога шла прямо, но Пакизо не было видно.

– Где корова? – встревоженно воскликнула бабушка.

Мы ускорили шаги. За следующим поворотом наконец увидели Пакизо: она лежала на обочине дороги, в тени кустарника, и отдыхала.

– Встань, Пакизо! – предложил Илларион.

Корова покосилась на него, словно спрашивая: «Ты в своем уме, дружок?»

– Вставай, вставай! – повторил Илико.

Пакизо не удостоила его ответом.

– Не хочешь вставать, Пакизо? – ласково спросила бабушка.

Корова отрицательно помахала хвостом, потом опустила голову на землю и закрыла глаза.

Мы удрученно молчали.

Подошел прохожий. Он долго глядел на Пакизо, потом сочувственно спросил:

– Умерла?

– Спит после бессонной ночи! – ответил Илико.

Прохожий оглядел нас подозрительным взглядом и поспешил уйти.

– Ну, теперь вставай! – нагнулся к корове Илларион.

– Вставай, черт бы тебя побрал! – рассердился Илико.

Пакизо не обращала на нас никакого внимания.

Тогда мы перешли к делу.

– А ну, Илларион, становись спереди!

– Плечо подставь, плечо!

– Держи ногу! Да не ту, другую!

– Теперь тяни ее за хвост!

– Эх, валерьянку забыли!

– Ну-ка, подбирай!

– Держи за хвост, Ольга!

– Возьми в руки ее ногу! Переставь вперед! Вот так!

– Пошла! Пошла!

– Ну, еще немного, держись, Пакизо!

– В конце концов, не так уж ты стара, как притворяешься!

...Смеркалось, когда мы кое-как добрались до заготовительного пункта... У ворот Пакизо опять собралась лечь.

– Нашатырь! – зашипел Илларион. – Зурикела, подлец, куда ты смотришь!

– Ну вас к черту, надоело! – огрызнулся я и выплеснул в

нос корове полбутылки нашатыря.

Пакизо сорвалась с места и бегом влетела во двор.

– Ставь ее на весы! Быстро! – шепнул мне Илларион, а сам направился к уполномоченному по заготовкам.

– Здравствуйте!.. Корову привели...

– Фамилия!

– Коровы!

– Хозяина!

– Вашаломидзе, Чигогидзе, Шеварднадзе!

– Имя!

– Хозяина?

– Коровы!

– Пакизо.

Уполномоченный взглянул на корову и нахмурился:

– На что это похоже?

– А что, разве не похожа на корову? – удивился Илларион.

– В том-то и дело, что только похожа! Какая же это коро-
ва?

– Худовата, конечно, – согласился Илико.

– А почему она лежит?

– А тебе что, жалко? В весе она от этого не прибавит!

– Не умерла ли?

– Что ты, сынок! Не видел, что ли, как она резво вбежала
во двор? – вмешалась бабушка.

– Всю дорогу играючи прошла, – подтвердил Илико.

Уполномоченный подошел к весам, нагнулся, потрогал

Пакизо и тихо сказал:

– Корова мертва...

– Не может быть! Она, должно быть, спит! – запротестовал Илларион.

– Говорю, мертвая, не дышит!

– Может, ей храпеть прикажешь еще!

Я подошел к корове и пощупал пульс. Спорить было бесполезно.

– Унесите ее со двора! – приказал уполномоченный.

Мы перетащили Пакизо на дорогу и молча уселись вокруг.

– Не вздумайте оставлять корову на дороге! – крикнул со двора уполномоченный. – Заройте в землю или несите обратно домой!

...В небе зажигались первые звезды, когда Илларион нарушил наконец молчание:

– Нужно похоронить Пакизо...

– Может, оставим ее здесь и убежим? – предложил Илико.

– Ни в коем случае! – возмутился Илларион. – За покойником нужен уход.

– Надо сообщить родственникам покойницы. Составь, Зурикела, текст телеграмм! – поручил мне Илико.

– Смейся, смейся, кривой черт! – напустился на него Илларион. – Эта корова, если хочешь знать, мне была дороже матери – я вскормлен ее молоком!

– Ольга, скажи, что делать? – обратился Илико к бабушке, которая до сих пор сидела молча и утирала рукавом слезы.

– Похороним несчастную, но где и на какие деньги?..

– М-да-а-а... – протянул Илларион.

На дороге показался босоногий мальчуган. Он шел и весело насвистывал.

– Поди сюда, пацан! – позвал его Илларион.

Мальчишка подошел.

– Как твоя фамилия?

– Симонишвили.

– Где ты живешь?

– Вон там... – Мальчик ткнул рукой куда-то в темноту.

– Как тебя зовут?

– Марат!

– Гм... И много у твоего отца таких... Маратов?

– Шесть девочек и один мальчик.

– Поздравляю его!.. Видишь корову?

– Разве это корова?

– Поговори у меня! Эта корова своим молоком, сыром и маслом вырастила сотню таких бездельников, как ты! Пони-маешь? Ты не думай, что она беспризорная. Мы ее хозяйева. Правда, она сейчас мертвая, но все равно она лучше многих живых!.. В некоторых странах корову почитают как божество... Как называется эта страна, Зурикела?

– Индия.

– Да, в Индии на коров молятся... Корова...

– Дядя, скажи, что тебе нужно, я спешу! – заявил Марат.

– Мне ничего не нужно. Нужно похоронить корову... На

тебе червонец, сбегай домой, приведи своих сестер, принесите заступы, лопаты и похороните корову! Понятно тебе?

– Десять рублей мало...

– На еще червонец!

– Мало...

– Бери еще пять!

– Мало...

– Вот тебе еще три рубля!

– Мало...

– Что мало, сукин ты сын?! Двадцать восемь рублей за одну дохлую корову – этого тебе мало?!

– Ну и пусть себе валяется, – сказал Марат и собрался уходить.

– Стой! Иди сюда, мерзавец! Сколько же ты хочешь?

– Пятьдесят рублей!

– Пятьдесят рублей?! – Илларион, скрипя зубами, отсчитал мальчишке пять червонцев. – Похоронишь сегодня ночью!

– Сегодня уже поздно... Завтра на рассвете – зарюю...

– Не зароешь, а похоронишь, сукин сын! А теперь посмотри мне в глаза и запомни: завтра утром я приду сюда и если здесь, на этом месте, не увижу могилы, спалю всю твою семью! Понял?

– Понял! – ответил Марат и растворился в темноте...

...Ровно неделю спустя я стоял на балконе нашего дома и с выражением читал бабушке, Илико и Иллариону повестку

районной санинспекции, которую вместе со штрафной квитанцией только что вручил мне сторож сельсовета:

«Гр. гр. Вашаломидзе, Чигогидзе, Шеварднадзе. Такого-то июля такого-то года на центральном районном шоссе вами оставлен без присмотра труп коровы, в результате чего на указанной территории создавалась угроза возникновения очага эпидемического заболевания, а также имело место распространение невыносимого запаха, вызвавшее справедливое возмущение населения, в связи с чем вы оштрафованы на 300 рублей. Подпись: главный врач райсанинспекции».

– Мне кажется, весь этот штраф уплатит Илларион, – сказал Илико после минутного молчания.

– Почему только Илларион? – спросила бабушка.

– Потому что эта корова была ему дороже матери, он ее молоком вскормлен, – ответил Илико.

– А кто первый предложил сдать корову на заготпункт? – прошипел Илларион.

– Ты и предложил, – напомнил я.

Илларион не произнес больше ни слова. Он отправился домой, заперся в комнате и просидел там целый день.

Я и Илико отмахали по шоссе чуть ли не двадцать километров, останавливая каждого встречного мальчишку и ласково спрашивая имя, но ничего хоть отдаленно напоминающее имя Марата мы так и не слышали...

Я уже не сельский парень Зурикела. Теперь я взрослый

человек, с высшим образованием. В моем дипломе записано, что я, Зураб Владимирович Вушаломидзе, являюсь экономистом, что мой диплом и моя профессия имеют силу в любой республике, в любом городе, в любом селе Советского Союза. На груди у меня красуется университетский значок. И мне совсем не жаль, что ради него пришлось продырявить совершенно новый костюм.

Я возвращаюсь в родное село, где меня, как восходящее светило, ждут не дождутся бабушка, Илико, Илларион и Мери. Я вернусь домой, заложу перед домом виноградник и спустя три года соберу первый урожай «цоликаури». Я буду жить и работать в деревне, у меня будет дом, а во дворе – Мурада.

У меня будет моя Мери и двенадцать детей – одиннадцать сыновей и одна дочка – красивая синеглазая Цира. Я буду часто ездить в город и привозить моей жене и детям подарки и книги. И бабушке привезу подарки, такие подарки, что она будет плакать от радости.

А еще я привезу подарки Илико и Иллариону, такие подарки, что они не посмеют надо мной смеяться. Я поеду к тете Марте и отвезу ей подарки от бабушки, и тетя Марта тоже заплачет от радости.

А потом я поселю в моем доме всех – Илико, Иллариона, тетю Марту. Мы будем жить вместе. У меня будет много детей, внуков, правнуков. Нас будет много, очень много, целое село. А потом нас станет еще больше, и весь мир будем мы.

Мы никогда не умрем, мы будем жить вечно...

Так думаю я, Зурикела Вашаломидзе, и бодро шагаю по тропинке, ведущей к нашему селу. Тропинка круто взбирается в гору. Я добираюсь до самой верхушки, сажусь на камень и вижу как на ладони все наше село, вижу наш двор. Над моим домом вьется сизый дымок, но бабушки во дворе не видно. Я долго сижу и жду, потом бегу вниз по склону.

– Бабушка-а-а!

Ответа нет. Я взбегаю по лестнице. Кругом тишина. Я захожу в комнату. В комнате полумрак. На кровати лежит бабушка. Я наклоняюсь к ней – она спит.

На цыпочках выхожу на балкон и вижу Илико и Иллариона.

– Здравствуйте! – улыбаюсь я им.

– Здравствуй! – вяло отвечают они.

– Что с вами?

– Вчера вечером ей стало плохо... Думали, не протянет до утра... Телеграмму получил?

– Какую телеграмму?

– Плохо ей было, умирала... – выдавил Илико. Я рванулся к двери. – Не ходи, пусть поспит...

Я покорно присел.

...Бабушка проспала до вечера. Вдруг она открыла глаза и уставилась на меня. Долго-долго смотрела, потом тихо спросила:

– Илларион, я во сне, или это на самом деле мой мальчик?

– Это я, бабушка! – сказал я и припал к груди бабушки.

– Приехал, дорогой? Сердце, наверное, почуяло? А ты как думал? Вот и мой черед настал... Илико, накормили ребенка?

– Накормили, Ольга.

– Вином угостили?

– Не захотел...

– Почему, сынок? Иди выпей. Для тебя оно... Пей на здоровье... И угости соседей на моих поминках...

– Что ты говоришь, бабушка?

– Вот и подбородок уже задрожал... Эх ты, дурачок!.. Спета моя песенка... И правильно. Семьдесят три года – срок немалый... Хватит с меня... И все же, прости меня Господи, не насытилась я жизнью... Таково, видно, сердце человеческое. Пожить бы еще немного...

– Полно, Ольга, да ты еще с десятков таких, как мы, переживешь, – попытался пошутить Илларион.

– Илларион Шеварднадзе, утри-ка сперва слезы, а потом шути... Окончил университет, сынок? – спросила она меня.

Я достал из кармана диплом и протянул бабушке. Она любовно погладила диплом, потом передала его Иллариону и попросила прочесть, Илларион прочел и вернул диплом. Бабушка долго молчала, по вискам ее тоненькой струйкой текли слезы. Потом она возвратила диплом мне и сказала:

– Теперь сядь и выслушай меня, сынок... Не дотяну я до утра. Благодарю Бога, что он не дал мне умереть до твое-

го приезда. Завещания я не писала, но все, что видишь вокруг, – твое...

– Пропади все пропадом, если тебя не будет! – воскликнул я и, рыдая, припал к постели бабушки.

– Пригодится, все пригодится, сынок... Ну, поплачь, поплачь. А как же? Внук должен оплакать бабушку... Ну, теперь хватит, хватит уже, сынок, – бабушка нежно погладила меня по голове. – Не теряй, сыночек, этих людей. Тобой живут Илико и Илларион. Люби их и всегда слушайся во всем...

Илико и Илларион, уткнувшись в стену, всхлипывали, как дети.

– Оставьте меня с моим мальчиком... – Илико и Илларион не сдвинулись с места. – Да выйдите вон, кривые черти! Слыханное ли дело – справлять панихиду по живому человеку?..

Мы остались вдвоем.

– Подойди ко мне, мой мальчик, хочу поцеловать тебя...

Я наклонился к бабушке. Она осыпала поцелуями мой лоб, волосы, глаза, лицо, руки. Потом привлекла к себе и долго не выпускала из объятий.

– Дай мне стакан вина!

Я подал ей молоко. Бабушка молча выпила его и сказала:

– А теперь налей мне вина...

Я налил. Бабушка взяла стакан, приподнялась на постели и простерла руки к потолку:

– Боже правый, Боже всемогущий, Матерь Божья, Пресвя-

тая Дева Мария, вам поручаю я моего мальчика... Храните и оберегайте его... Будьте его покровителями в беде... Продлите дни жизни его и его потомства... Аминь...

Бабушка отпила глоток вина и возвратила мне стакан. Потом спокойно сказала:

– Потуши свет и выйди...

Я повиновался. Когда спустя несколько минут я снова вернулся к бабушке, она уже не дышала. Я наклонился к ней и долго, долго всматривался в ее милое, дорогое лицо. Кто-то вошел в комнату и стал за моей спиной. Я слышал чье-то дыхание и чувствовал, что это дыхание всегда будет со мной, всю жизнь. Я не оглядывался, но знал, что это Мери, моя Мери, озарившая темную комнату светом. Потом я все же оглянулся. Оглянулся, чтобы увидеть этот свет и в его лучах моего Илико, моего Иллариона и мою бабушку...

Я вижу солнце

Перевод З. Ахвледиани

Тетя

Кедровка на сухой ветке шпанской вишни пела так самозабвенно, с таким упоением, что тетя прервала работу, вынесла во двор треногий стульчик, уселась под деревом и обратилась в слух. Я прилег тут же на траве и закрыл глаза. Кедровка пела не переводя дыхания. Я стал было молча, про себя повторять нехитрый мотив птичьего напева, но мне не хватило воздуха. А кедровка продолжала свистеть, временами поглядывая искоса на катившееся к закату солнце. Огромное, красное, похожее на медное блюдо, светило медленно опускалось к горизонту, и разбросанные в долине Супсы⁴³ деревни под его лучами алели, словно охваченные пламенем.

– Кето! – раздался крик у ворот.

Кедровка умолкла.

– Сосо!.. Сосойя! – повторил тот же голос.

– Кто там? Входите! – ответил я недовольно и встал.

Во двор вошел бригадир нашего колхоза Датико.

– Здравствуйте! – приветствовал он нас.

– Здравствуй! – ответила тетя. – Заходи!

Тетя направилась к кухне⁴⁴, Датико последовал за ней, а

⁴³ *Супса* – название реки.

⁴⁴ Характерный для Западной Грузии жилой дом (ода) обычно строится двухэтажным. В нижнем этаже расположена кухня, в верхнем – жилые комнаты.

я снова прилег и взглянул на дерево, где только что сидела кедровка. Но ее и след простыл.

Я встал и пошел на кухню. Бригадир, горячо о чем-то толковавший с тетей, при моем появлении умолк. А тетя так и осталась сидеть – обхватив руками колени и уставившись в затухающий в камине огонь.

Бригадир достал из кармана кисет, свернул сигарку, прикурил от тлеющей головешки. В кухне запахло горьким, вонючим табаком.

– Сосойя, будь другом, дай напиться! – попросил меня бригадир.

Я взял кувшинчик с водой.

– Да нет, принеси-ка свеженькой!

Я вышел во двор.

Когда я вернулся, Датико опять о чем-то говорил тете и опять вдруг замолчал.

Я налил воду в стакан, подал бригадиру.

Он нехотя выпил.

– Налить еще?

– Нет, спасибо.

– Чего там! Налью еще...

Тетя улыбнулась.

– Нет, нет, достаточно! – Датико помолчал, потом вдруг обратился ко мне: – Сосойя, посмотри, на кого это там собака лает?

– А пусть себе лает... Если гость, позовет.

Датико помялся. Потом решился:

– Слушай, Сосойя, будь человеком, выйди на минутку, дай поговорить с Кето!

– А я мешаю? Говори при мне! – ответил я и уселся так прочно, что сдвинуть меня с места смогли бы разве только вместе со стулом.

– И это ты называешь уважением младшего к старшему, хозяина – к гостю?! – Бригадир взглянул на меня так, что я понял: не будь здесь тети, он с удовольствием оборвал бы мне уши.

– Какой ты гость? Торчишь здесь каждый божий день!

– Замолчи, Сосойя! – прикрикнула на меня тетя.

– На то я и бригадир, чтобы навещать всех членов своей бригады, – объяснил Датико.

– Вот и прекрасно! Навестил нас, теперь ступай к другим!

– Чего это он грызет меня, Кето? – обратился Датико к тете.

– Говори, Датико, что у тебя за дело?

– А вот что: завтра после полудня наша бригада едет в Мерия... Будем кукурузу мотыжить... Может, отпустишь парня? Как-никак помощник... Понял теперь, почему я пришел? – обернулся бригадир ко мне.

– Понял! – огрызнулся я.

Тетя опять улыбнулась. Потом она встала, подошла к камину, сбросила с кеци⁴⁵ жестяной лист, покрытый слоем го-

⁴⁵ Кеци – круглая глиняная сковородка для выпечки мчади.

рячих углей, проверила, испеклось ли мчади, завернула его в полотенце и положила на стол. Затем достала из бочонка головку сыра покрупнее, отжала ее и положила на мчади.

Поняв, что тетя готовит мне завтрак в дорогу, Датиико улыбнулся.

– Договорились, значит?

– Договорились, – ответила тетя, – а теперь... извини, Датиико, дела у меня...

Датиико направился к двери. Переступив порог, он обернулся и сказал:

– В полдень соберемся у почты. Придешь туда, Сосойя, ладно? И перестань, ради бога, дуться на меня! Что нам с тобой делить, а? Ну как, помирились?

Я кивнул.

– А трудовень ему я выпишу полный, как всем, – сказал Датиико тете.

– Как знаешь.

Бригадир ушел.

Я вышел на двор, взял прислоненную к мушмуле мотыгу, отнес ее к ручейку и опустил обухом в воду. Тетя вынесла из кухни лампу, прикрыла дверь, продела в петлю запора палочку, и мы поднялись ночевать в оду.

Моя тетя – преподавательница грузинского языка. Она самая образованная и красивая женщина в нашем селе. Зовут ее Кетеван, Кето, и она как две капли воды похожа на Ма-

терь Божью Марию, изображенную на нашей иконе (икона эта давно уже хранится в нашем старом сундуке). И поэтому, наверно, никто до сих пор не осмелился признаться тебе в любви. Так и ходит она в незамужних девках. Я очень люблю свою тетю и боюсь, чтобы она не вышла замуж. Тетя, видимо, догадывается об этом и потому не спешит с замужеством. Иначе за чем же дело стало?

Я лежу навзничь в своей кровати, и сна ни в одном глазу.

– Тетя, – зову я шепотом.

– Ну?

– Спишь?

– Чего тебе?

– Отчего это Датико-бригадир заладил каждый день ходить к нам?

– А я почему знаю!

– Пусть не ходит!

– Гнать человека из дому, что ли?

– Не знаю... Пусть не ходит... Сидит командует: воду ему принеси, узнай, почему собака лает, пойдди туда, пойдди сюда... Знаю я, что ему нужно!

Тетя молчит.

– Тетя, сколько тебе лет?

– Да спи ты, чертенок!

– Скажи!

– Ну тридцать пять.

– А почему ты не выходишь замуж?

Тетя не отвечает. Я слышу ее ровное дыхание и жду. Но проходит минута, другая, а она все молчит.

– А, тетя?

– Спи, Сосойя, завтра тебе на работу!

– Почему ты не выходишь замуж?

– Вот пристал! Да не берет меня никто! Не нравится твоя тетя никому!

– Врешь! Ты всем нравишься, и Датико любит тебя!

– А он не нравится тебе. Так?

– Так!

– Ну и отлично. А теперь засни!

Я засыпаю. Я вижу сон: перед нашей сельской церковкой в белом подвенечном платье стоит тетя – стройная, красивая, как Божья Матерь. У ее ног – на коленях – все мужчины нашего села. Я тоже подхожу к ней, опускаюсь на колени и прошу, умоляю ее не выходить замуж. И тетя соглашается. Она снимает подвенечное платье, обнимает меня, и мы идем домой.

Утром до полудня я занимался дома по хозяйству. Потом уложил завтрак в школьную сумку, сбегал к ручейку, взял мотыгу, продел ее черенок сквозь ручку сумки и помчался к почте.

Вся наша бригада уже была в сборе. Задрав головы, люди слушали радио. Висевший на столбе старый, изодранный репродуктор дрожал и хрипел. Как только я подошел к столбу,

репродуктор умолк.

– Здравствуйте, земляки! – приветствовал я собравшихся.

Никто мне не ответил.

– Здравствуйте, люди! – повторил я.

Снова молчание.

– Дядя Герасим! – встряхнул я соседа. – В чем дело?

Герасим посмотрел на меня отсутствующим взглядом, присел на ступеньки лестницы, скрутил сигарку и, не произнеся ни слова, закурил.

– Дядя Асало, что случилось? – бросился я к другому соседу. – Что здесь происходит?

Асало оглядел меня с ног до головы, потом отвернулся и тихо сказал:

– Война, Сосойя, война!

– Какая война, дядя Асало?

– Обыкновенная: драка, убийство, кровопролитие... Понял?

– С кем?

Асало махнул рукой.

– С кем? – повторил я и огляделся. Люди вокруг меня стояли притихшие, испуганные, бледные.

– С Германией! – ответил наконец кто-то.

– С какой Германией?

– О господи! – вздохнул Асало. – С зеленой!

Я понял, что случилось нечто страшное, пришла великая, небывалая, необычная беда. Столько испуганных, онемев-

ших людей я никогда еще не видел. И я испугался. Меня обуял страх, какой находит на мальчишку, которого в полночь заманили на кладбище и оставили там одного. Я подсел к дяде Герасиму и положил руку ему на колено. Герасим удивленно взглянул на меня, потом погладил по голове и сказал:

– Иди, сынок, домой и не бойся!

Я встал и поплелся.

– Сумку и мотыгу забыл!

Я вернулся, забрал свои манатки и пошел домой.

Солнце уже стояло высоко над Тoleбскими горами, когда я миновал мост через Супсу и свернул на тропинку.

– Сосойе Мамаладзе – мой привет!

Я поднял голову. Передо мной стоял Лука Поцхишвили с огромной корзиной за спиной. Пот лил с него ручьями.

– Будь другом, Сосойя, помоги-ка снять корзину!

Я помог; Лука кряхтя сел, уперся спиной в корзину, рукой показал мне место рядом с собой и начал:

– Яблоки вот несуд на базар. Знаешь ведь мою яблоню? Ну да, у свинарника... А свинью мою видел? Супоросая... И корова стельная... Ты погляди-ка на яблоки... Вынь, посмотри. Только не ешь! Этих – не ешь, они для базара, а завтра приходи ко мне и нарви сколько душе угодно... Табачок у тебя найдется? Вот спасибо!.. Хороший сегодня день. Мне бы с утра да в поле! Но что поделаешь! Деньги-то тоже нужны. Дай-ка бумажку... Вот спасибо!.. Спросить нашего бригадира, так... Спички есть? Вот спасибо!.. Ему-то что? Ни

жены, ни детей! Мальчика, говорит, пришли с утра. Вот еще! Мальчик в этом году в институт поступает, а я его пошлю поле мотыжить? Как же! Только и думаю! Прав я? Что ты молчишь, дурень? Скажи хоть слово!

– Война, дядя Лука!

– Что? Какая война?

– Германия напала!

– На кого?

– На нас.

– На кого – на нас?

– На нас, на Советский Союз.

– Когда?

– Сегодня!

Лука вдруг побледнел, поперхнулся дымом и зашелся от кашля. Он схватил меня за руку и сжал ее так, что пальцы у меня посинели. Отдышавшись, он с трудом выговорил:

– Кто это сказал?

– Радио...

– Не может быть!

– Радио сказало...

– Ты шутишь! Шутишь ведь, а? – в голосе Луки прозвучала мольба.

– Да нет, дядя Лука... Передали по радио...

Лука не ответил. Он долго сидел, уставившись в землю, потом поднялся, словно побитый, взвалил на спину корзину и пошел. Отойдя несколько шагов, он остановился, обер-

нулся и собрался было что-то сказать, но передумал. Так он стоял и смотрел на меня.

– Что, дядя Лука?

Лука махнул рукой и, так и не вымолвив ни слова, побрел домой.

...Тетя одной рукой месила в корыте кукурузное тесто, другой подливала горячую воду из кувшинчика. Дверь в кухню была открыта, и я вошел, не замеченный тетей.

– Тетя, сегодня утром Германия напала на нас!

Тетя в недоумении взглянула на меня.

– По радио объявили, что Германия начала войну с нами!

У тети задрожали руки. Она не сводила глаз с меня, вода из кувшинчика лилась в корыто, потом густая белая жижа стала переливаться через край корыта и стекать к ногам тети. Я остолбенело глядел на ее дрожащие руки.

– Ты понимаешь, что говоришь? – донесся до меня голос тети откуда-то издалека.

Я отрицательно покачал головой. Я не понимал, что говорил, но чувствовал, что случилось нечто страшное, что в наш дом пришла великая, небывалая, необычная беда.

Отлив

Во дворе районного клуба полно народу. Люди смеются, поют, плачут, о чем-то просят, что-то обещают друг другу, обнимаются, целуются, вновь возвращаются к уже сказанному, договариваются, еще раз обнимаются, и так без конца.

На траве под ветвистой шелковицей сидит дядя Герасим. Он курит и не сводит глаз со своего сына, который с громкими возгласами «Гоп-па! Гоп-па!» подбрасывает в воздух и ловит маленькую дочь. Девчурка смешно дрыгает ножками, визжит и хохочет. Здесь же стоит невестка Герасима, чернобровая Машико. Она кусает губы и украдкой смахивает слезы.

Асало Гудавадзе пристроился на лестнице клуба. Рядом с ним – сын, у ног парня – молодая женщина. Она уткнулась лицом в колени мужа и не переставая плачет.

– Ты ее к родителям не отпускай, батя! – наставляет парень Асало и нежно гладит жену по голове.

– Никуда я ее не отпущу, сынок! – обещает Асало.

– Слышь, Маргарита, не оставляй папу! Жалко старика! Женщина плачет.

– Я скоро вернусь, отец!

– Конечно, сынок!

– Ну хватит, перестань! Не я один иду в армию!

Маргарита плачет громче. Парень обнимает, ласкает же-

ну.

– А ты, сынок, не очень-то... того... Не погуби себя по глупости, будь осторожен! – просит сына Асало.

– Не бойся, батя! Вот те крест: привезу тебе голову Гитлера! – улыбается парень.

– Брось ее свиньям! Сохрани-ка лучше собственную! Женщина плачет.

– Так ты присмотри за ней, батя, ладно? – просит сын.

– Да ты что! Одурел? – обижается отец.

– Батя!.. – мнется сын.

– Говори, сынок!

– Месяц-другой еще ничего... А потом... Не посылай ее за водой и дровами... И на мельницу...

Асало кивает головой.

– Сама не скажет, знаешь ведь ее характер... Не позволяй ей таскать тяжести...

Асало понимающе улыбается:

– Да ладно... Что я, маленький?

Лука свертывает и никак не может свернуть сигарку. Руки у него дрожат, бумага рвется, табак рассыпается. Я беру из его рук кiset, кручу самокрутку, протягиваю. Лука глазами благодарит меня и жадно затягивается. Теперь у него дрожат губы.

– Сосойя, как мне быть с моим Кукури, а? – спрашивает меня Лука.

Что ему ответить? Кукури стоит, окруженный подвыпив-

шими сверстниками, и рассказывает им что-то смешное. Ребята ржут.

– Обреют их всех! – сокрушается Лука.

– Подумаешь! Нам в классе тоже велят стричь головы наголо! – успокаиваю я его.

– Герасиму что? У него вон какая крепенькая внучка на руках. А у меня кто? Кто остается у меня?

– Кукури скоро вернется, дядя Лука!

– Эх, Сосойя, дорогой мой, все не вернутся...

– Все вернутся! – говорю я, потому что уверен: так оно и будет. Я еще не знаю случая, чтобы не вернулся человек, призванный в армию.

Я направляюсь к группе молодых. Они обступают меня, улыбаются, обнимают, целуют. И я тоже улыбаюсь и целую их.

– Уходишь, Анзор?

– Ухожу, Сосойя!

– Вернешься?

На груди у Анзора плачет его невеста Маквала. Она повторяет мой вопрос:

– Скажи, Анзор, ведь вернешься?

– А как же!

– А ты, Никуша?

– И я вернусь, Сосойя! А ты не поедешь с нами?

– Кому он нужен! – смеется Абибо.

– Не моя же вина! – оправдываюсь я.

– Гляди, Сосойя, сколько здесь девок! Оставляем этих коз на твое попечение! Побереги их, как бы шакалы не съели! – смеется Джумбер.

– Все шакалы, сколько вас тут, едут в армию, кто же их съест? – отвечаю я.

Девушки смеются. Я иду дальше.

– Кого ты провожаешь, Сосойя? – спрашивает Тамаз.

– А ты разве не едешь?

– Еду, конечно!

– Вот тебя и провожаю!

Тамаз обнимает меня, целует и спрашивает шепотом:

– А кого провожает твоя тетушка Кето?

Тетя и Датико-бригадир стоят у ограды. Датико что-то говорит тете, которая внимательно слушает его. Я смотрю на них. Датико бледен. Он берет тетю за руку, и тетя не пытается отстранить его. Так стоят они, почти касаясь друг друга, и тетя, как никогда, напоминает мне изображенную на старой иконе Богоматерь. Но теперь я не боюсь, что она выйдет замуж, что кто-то посторонний отнимет ее у меня. И потому я не подхожу к ней. Тетя чувствует мой взгляд, оглядывается. Оглядывается и Датико.

– Сосойя, иди сюда! – зовет он.

Я подхожу и становлюсь рядом с тетей.

– Ты что, обижен на меня? – спрашивает Датико и треплет меня за волосы.

– Очень мне нужно обижаться... на тебя! – отвечаю я и

собираюсь уходить.

– Погоди, побудь с нами!

Я остаюсь.

– Ну вот, я иду на войну!

– Все идут!

– Так ты присмотри за тетей! Ты уже мужчина!

– Обойдусь без твоих советов!

– Знаешь ведь, как я люблю твою тетю!

– Я сам ее люблю больше тебя!

– Я скоро вернусь, Сосойя, и потом мы будем всегда вместе!

– Все вернутся, и все будем вместе!

– Нет, Сосойя, вернутся далеко не все!

– А вот увидим!

Во двор входит новая группа молодежи. Окружив тесным кольцом красивую, с огненно-рыжими волосами девушку, ребята громко поют:

На войну мой милый едет,
Я за ним последую,
Вместе мы домой вернемся —
Ждите нас с победою!

После полудня на балкон клуба вышел военком района и произнес двухчасовую речь. Запутавшись в причинах и последствиях Первой мировой войны, он с ходу переключился на анализ фактов, обусловивших начало Второй. Он срывнял

с землей фашистскую Германию. Крепко досталось также Италии и Японии. Военком так убедительно рассказывал об успехах наших войск, о сокрушительных ударах нашей авиации, артиллерии и особенно кавалерии, которая, по его словам, вот-вот должна была вступить в Берлин, что готовые к отправке на фронт парни чуть было не разошлись по домам.

Как только военком закончил свою речь, духовой оркестр грянул туш. А потом оркестр вдруг умолк. Музыканты бережно сложили инструменты на траву, по очереди расцеловали старика маэстро и вскочили на грузовики.

Народ хлынул к автомашинам. Раздались возгласы:

– Значит, едешь, Анзор?

– Не ленись писать письма!

– Смотри, сынок, будь осторожен!

– Побереги себя, не губи старика, дорогой!

– Лезь скорей в машину, Амиран, а то кончится без тебя война!

– Заводи же, черт тебя возьми, нет больше моих сил!

И вдруг словно померкло солнце, словно наступила ночь, словно в мире что-то изменилось... Десять грузовых автомашин увозили в неведомое часть нашей крови и плоти – цену той огромной любви, которой мы, люди, любили родную землю. И теперь мы, матери, жены, отцы, сестры, дети, принесшие эту жертву, толпились у грузовиков, и лишь старик маэстро стоял одиноко, закрыв лицо руками, среди лежавших на зеленой траве инструментов, и плечи у него дрожали.

Машины двинулись.

В тот день впервые увидел я столько испуганных людей со слезами на глазах, впервые увидел плачущую тетю.

День этот был похож на морской отлив, после которого на берегу остаются рыбы, раковины и щепки...

Я лежу с раскрытыми глазами в темной комнате и шепчу:

– Тетя!

– Да?

– Спишь?

– Нет.

– Уехал Датико...

– Все уехали!

– Поедут еще?

– Многие поедут.

– А если Датико не вернется?..

– Спи!

– Что, если он не вернется?

– Многие не вернутся...

– А занятия в школе будут?

– Будут...

– А свадьба Жорика завтра будет?

– Будет, все будет!

– Тетя!

– Отстань, Сосойя!

Я засыпаю. На этот раз я не вижу снов...

Хатия

Начало войны прежде всего сказалось на делах нашего магазина. С прилавка исчезли сперва сахар, спички, затем – одно за другим – масло, мыло, соль, керосин, хлеб. Наконец исчез сам продавец Ласа.

Потом стали зарастать травой кукурузные поля... Перестал вертеться один из трех мельничных жерновов... Кончились дрова, и тетя Матрена попросила меня срубить у нее во дворе дерево с вьющейся на нем «одессой»⁴⁶. Люди забыли про традиционные гулянья и праздники... Опустели лари с мукой, и настал день, когда тетя испекла мчади из непросеянной муки... А спустя месяц нас взбудоражили душераздирающие причитания женщины, и на селе появилась первая вдова в трауре...

По утрам не будил сельчан повелительный крик бригадира Датико:

- Выходи, Андройя!
- Не ленись, Эдемика!
- Сосойя, протри глаза!
- Минадора, окати-ка водой своего бездельника!

Теперь каждый день с рассветом на пригорке появлялась бригадир Ксения и, приставив ко рту руки трубой, начинала вопить на все село:

⁴⁶ «Одесса» – сорт винограда.

- Матрена-а-а, хватит спать!
- Машико-о-о, выходи на чай!⁴⁷
- Маргарита-а-а, ступай на ферму!
- Сосойя-а-а, чтоб ты оглох, паршивец!
- Гера-а-а-сим, у-у-у-у!

На работу звали всех, и на работу выходили все, кто мог работать... Не звали лишь Хатию – дочь Виссариона Шаликашвили. Но в этом не было нужды: Хатия вставала раньше всех. Уложив венцом на голове золотистые косы, она шла на чайную плантацию, громко здоровалась со всеми, становилась в ряд и начинала осторожно срывать нежные побеги, ощупывая каждый из них своими красивыми тонкими пальцами.

Если мы работали на прополке кукурузы, Хатия, став на колени, руками вырывала траву. Или же садилась на краю делянки и молча всматривалась куда-то в даль, в бескрайнюю синеву неба. И улыбалась огромными голубыми глазами.

Хатия улыбалась всем и всему. Она без слов понимала всех. Она радовалась чужим радостям и переживала чужое горе. Она была удивительно умна и на редкость сообразительна, знала все, что происходило на селе, и умела давать людям советы, всегда добрые, правильные и удачные. И потому все любили Хатию.

Хатия была моей ровесницей. Мы вместе ходили в школу, сидели рядом на задней парте, повторяли хитроумные урав-

⁴⁷ Подразумевается чайная плантация.

нения, выводимые учителем мелом на доске. Хатия никогда ничего не записывала. Она все запоминала наизусть и считалась лучшей ученицей в нашем шестом классе, лучшей и самой красивой. Хатия никогда не смотрела людям в лицо – взор ее был устремлен в пространство.

Она была от рождения слепой.

Было раннее утро. Я еще нежился в постели, тетя пришивала пуговицу к моей блузке.

На балконе слышались шаги. И тут же раздался робкий голос:

– Тетя Кето!

Мы, конечно, сразу же узнали Хатию.

– Входи! – крикнула тетя.

– Доброе утро! – сказала Хатия и стала в дверях.

– Здравствуй, моя девочка! – ответила тетя. – Ты что так рано? Проснулась с первыми петухами, что ли?

– А я и не спала вовсе, тетя Кето...

– Почему же?

– Сосойя здесь?

– Здесь я, чего тебе? Я спать хочу!

– Пусть он встанет и выйдет, тетя Кето!

Тетя удивленно взглянула на меня, потом сказала:

– Вставай, Сосо!

– О-о-о-о, – протянул я недовольно, – самой не спится, так и другим не дает спать... Отвернись!

Хатия улыбнулась и отвернулась.

Я встал, надел штаны, вышел, громко хлопнув дверью, на балкон, так же громко стуча ногами, сделал несколько шагов, потом на цыпочках вернулся к двери и приник к ней ухом.

– Отойди от дверей, Сосойя, я слышу твое дыхание! – крикнула Хатия.

Мне ничего не оставалось, как спуститься во двор.

Спустя несколько минут я вернулся в комнату.

Бледная как полотно, тетя сидела у стола, приложив к вискам ладони и тупо глядя на лежавшую у нее на коленях мою блузку. За тетей, обняв ее за плечи, стояла Хатия.

– Да ты понимаешь, что говоришь? – прошептала тетя, не поднимая головы.

Хатия не ответила.

– Может, ты ошиблась, девочка?

– Нет, тетя Кето, что-что, а голоса наших людей я узнаю точно...

– Нельзя поверить в такое, Хатия! – воскликнула тетя.

– Выйдя с мельницы и поднявшись на горку, я остановилась передохнуть... Послышались шаги, и он спросил: «Кто здесь?» – «Это я, Хатия!» – ответила я. «Что ты шатаешься по ночам!» – проворчал он.

Хатия умолкла.

– А потом? – спросила с нетерпением тетя.

– Я ответила, что для меня ночь и день – все одно, и назвала его по имени. «Что за чепуху ты порешь, – прикрикнул

он, — я Тараси, Тараси Антидзе!»

— А может, это и вправду был Тараси? — в голосе тети прозвучала мольба.

— Прежде чем прийти к вам, я была у него... — тихо ответила Хатия.

— И что же?

— Болен Тараси... Третий день лежит в постели...

— Может, тебе все померещилось, Хатия?

— Нет, тетя Кето, не померещилось. Он придет к вам, и вы убедитесь сами...

Хатия направилась к двери. Я опередил ее и открыл дверь. Она осторожно вышла на балкон, спустилась во двор и ушла...

С тех пор тетя, казалось, потеряла дар речи. С утра до ночи ходила она понуриив голову, словно разыскивая что-то дорогое, и молчала. Она не слышала меня, пока я не дотрагивался до нее. Собирая чай, вдруг застывала с протянутой к кусту рукой. Работая в поле, вместо травы начинала начисто срезать кукурузные стебли, пока я не выводил ее из оцепенения. По ночам она лежала с раскрытыми глазами, прислушиваясь к каждому шороху, вскакивая при каждом собачьем лае. Она ждала кого-то, а он все не шел. Тетя похудела, осунулась, таяла на глазах. Наконец я не выдержал и пошел к Хатии.

Виссарион Шаликашвили, взобравшись на огромное

бревно, топором вытесывал давилюню⁴⁸. Хатия сидела на балконе и с улыбкой смотрела на солнце.

– Здравствуйте, дядя Виссарион!

– Здравствуй, сынок! – ответил Виссарион, не прерывая работы.

– Сосо, это ты? – спросила Хатия.

– Я.

– Где сейчас солнце, Сосо?

– Где ему быть? На небе.

– А в каком месте?

– Гм... над черешней.

– Если над черешней, то я вижу солнце!

– Точно, над черешней!

– Папа, – обратилась Хатия к отцу, – что тебе сказал врач в Батуми?

– Сколько раз тебе повторять?

– Повтори еще раз. Пусть услышит Сосо!

– Врач сказал, что, если незрячий человек видит солнце, ему можно возратить зрение.

– Слышишь, Сосойя?

– Слышу, Хатия... Спустись-ка на минуту, есть дело.

Хатия спустилась во двор, подошла ко мне и остановилась.

– Я знаю, зачем ты пришел, Сосойя!

⁴⁸ Давилюня – распиленное вдоль и выдолбленное изнутри бревно, в котором дают виноград.

– Что ты сказала тете такое, что женщина потеряла покой?

Хатия не ответила. Она отстранила меня, направилась к калитке, открыла ее, вышла на дорогу и медленно зашагала к нашему дому. Я последовал за ней.

Хатия остановилась во дворе и спросила:

– Где тетя Кето?

– Тетя! – позвал я.

Тетя вышла на балкон.

– К тебе пришла Хатия.

Тетя вздрогнула. Она быстро сбежала по ступенькам лестницы и подошла к нам.

– Что случилось, Хатия? – спросила она, и голос ее задрожал.

– Здравствуйте, тетя Кето... Ничего не случилось... Просто я соскучилась по вас... Вот и пришла...

Тетя улыбнулась, обняла Хатию за плечи и повела ее в дом.

– Может, помочь вам по хозяйству, тетя Кето?

– Нет, девочка, спасибо тебе!

– Кукурузу молотить...

– Эх, детка, была бы кукуруза, найдется кому ее молотить... – вздохнула тетя. – Есть же у меня Сосо...

– Сосо лентяй, – улыбнулась Хатия.

Я слушал их и ничего не понимал.

– У нас есть кукуруза, тетя Кето, много кукурузы. Папа велел передать вам: если нужно, мол, одолжу...

Хатия присела на травку, мы – рядом с ней.

– Спасибо тебе, Хатия, и отцу твоему большое спасибо!

Не нужно нам кукурузы, она вам больше пригодится...

– Вечером папа принесет вам пуд кукурузы... – Хатия помолчала, потом тихо, почти шепотом, сказала: – А знаете, тетя Кето, то, что я тогда сказала вам, оказалось неправдой!

– Что?! – вскрикнула тетя.

– Да. Неправдой. Ошиблась я, показалось...

Тетя подозрительно посмотрела на меня, потом на Хатию.

– А теперь ты говоришь правду?

Тетя встала. Я смотрел на Хатию разинув рот.

– Теперь я говорю правду, а тогда ошиблась. Я долго потом думала и поняла, что ошиблась! – ответила Хатия с улыбкой.

– Поклянись, Хатия! – сказала тетя, и я почувствовал, что у нее от волнения сперло дыхание.

Улыбка исчезла с лица Хатии. Она медленно встала и выпрямилась перед тетей.

– Кем мне поклясться, тетя Кето?

– Поклянись матерью, Хатия!

Хатия долго молчала. Потом она отчетливо произнесла:

– Клянусь могилой матери, тетя Кето!

– Девочка моя дорогая! – Тетя обняла Хатию, осыпала поцелуями ее лицо. – Значит, ошиблась ты? А я-то... – Она вдруг разрыдалась, закрыла лицо руками и бросилась в дом.

Хатия стояла не двигаясь и улыбалась своей милой, чару-

ющей улыбкой.

Хатия улыбалась, но никогда раньше я не видел на ее лице столько печали и страданий.

Не так уж страшен черт

После обеда мы работали на склоне, в кукурузном поле. Внизу на дороге показался наш почтальон Коция.

– Здорóво, бабы! – крикнул он, словно не замечая нас – меня, дядю Герасима, Лукайю Поцхишвили и Виссариона Шаликашвили.

– С чем пожаловал, Коция? – отозвалась за всех бригадир Ксения.

– Да вот, привез вам сахар, масло, крупчатку, икру, балык, мед... Для керосина и мыла сегодня не хватило места, привезу завтра... А пока нате вам газету, кладу ее вот здесь, под камнем, забирайте!

– Писем нет?

– Письма в пути!

– Чтоб тебе!..

Коция ушел, покачивая головой. Я сбежал вниз, принес газету. Все окружили меня.

– Ну-ка прочти, Сосойя, что нового на свете! – попросил дядя Герасим, удобно усаживаясь под деревом.

Я начал:

– «...После ожесточенных боев наши войска оставили города...»

Закончив чтение, я отложил газету. Никто не проронил ни слова. Наконец после долгого молчания заговорил Висса-

рион Шаликашвили:

– Прет, значит, сукин сын?!

Он в сердцах стал выколачивать трубку об черенок мотыги.

– Прет, да еще как!.. – вступил в разговор Лукайя. Он оторвал кусок газеты, насыпал туда табак, свернул самокрутку, закурил, выплюнул приставшую к губам табачную пыль и продолжал: – Вся Европа работает на них... Здесь тебе и Франция, здесь тебе и Австрия, и эта... как она называется, Сосойя, страна рядом с ними?

– Чехословакия.

– Вот. И Чехословакия... А кто работает на нас?

– На нас работаем мы! – сказал дядя Герасим.

– Кто «мы»? – переспросил Лукайя.

– Я, ты, он, вот эта золотая девочка – Хатия, вот этот прохвост Сосойя, бабы наши...

– Вот-вот, бабы, оно и видно по нашим делам! Работяги!.. А Гитлер – у порога! – махнул рукой Лукайя.

– В воскресенье ходила я на базар... – начала Като.

– Было, конечно, полно всего, выбирай что душе угодно! – хмыкнула Агати.

– Да погоди ты! – прикрикнул на нее дядя Герасим. – Ну и что дальше?

– Был там один... – продолжала Като. – Так он рассказывал...

– Что же он рассказал?

– Оказывается, Гитлер выдумал новое оружие: за десять верст кругом сжигает все...

– Кто сказал это? – спросила Маргарита.

– Этот самый... Министр Гитлера... Как его?..

– Геббельс?

– Да, Геббельс, чтоб ему околеть!..

– А что еще?

– А еще говорил, оказывается, этот... Фамилия у него вроде нашего Рубена Трапаидзе...

– Риббентроп?

– Он самый, пропади он пропадом! Мы, мол, будем кормить вас белым хлебом и маслом... И никого, мол, трогать не собираемся, кроме коммунистов.

– И что ты ему сказала? – спросила Ксения.

– Кому, Риббентропу?

– Дура! Не Риббентропу, а тому мерзавцу, который плел эту околесицу и которого ты слушала развесив уши!

– А что я должна была говорить! Весь народ затаив дыхание слушал его, а когда он закончил речь и обещал, что людоеда Гитлера скоро повесят вниз головой, хлопали так, думала, обрушится небо!

– Слушай, где же ты была? – спросила удивленная Ксения.

– Как где? На базаре. А потом там состоялся митинг, этот самый мужчина выступил на митинге!

– Тьфу ты, рассказать и то толком не можешь! – махнула рукой Ксения.

– Кето, ты женщина образованная. Растолкуй нам, что же такое происходит? – попросил тетю Виссарион.

– Что вам сказать, Виссарион... Происходят неприятные вещи... Но ничего! Скоро наступит зима, и тогда Гитлеру придется туго, как Наполеону...

– А как по-твоему: зимой нам будет теплее? – спросил Лукайя.

– Нет, теплее нам не будет, но Гитлер не готов к зиме!

– А ты почему знаешь?

– Он надеялся закончить войну до наступления зимы, поэтому и не подготовился к ней.

– А что ему мешает подготовиться сейчас?

– Уже поздно, Лукайя!

– А если он пожелает сюда до наступления зимы? Куда ты тогда денешься? – не отставал Лукайя.

– Мы не должны допустить этого!

– Кто это «мы»? Ты да я?

– И я, и ты!

– Да кто его остановит? Видишь, он берет город за городом!

– Должны остановить!

– Ну давай, давай! Останавливай! – осклабился Лукайя.

– Да что это ты, проклятый старик, раскаркался?! – вско-чила Ксения. – Ежели стать так да сложить руки, конечно же быть беде!

– Чего ты орешь, баба? А я о чем толкую? Как бы не быть

беде, вот что меня пугает!

– Смотри у меня, Лукайя! Вырву я твой язык! – пригрозила Ксения.

– Да что говорить с тобой! Баба есть баба...

Лукайя опять свернул сигарку.

– Ладно, я баба... А ты? Ведь ты мужчина?.. Ах да ох! Заладил одно и то же... Ты как думаешь, Коция-почтальон приносит только похоронные? Маргарита! Получила письмо от своего?

– Получила, Ксения, позавчера получила.

– И еще получишь!

– Что он пишет? – спросил Лука.

– Сидим, говорит, в окопах... Стреляем... Если, говорит, запоздает письмо, не волнуйтесь...

– А что еще?

Маргарита покраснела.

– Да говори, чего там!

– Если, мол, родится мальчик, назови его моим именем...

– Вот и назови! Если даже родится девочка, и ее назови по батьке! – посоветовал Виссарион.

– А от моего мальчика нет и нет ничего! – вздохнул Лука.

– Получишь, Лукайя, не волнуйся! – сказал дядя Герасим.

– Когда же?

– Получишь, говорю тебе! Пришло ведь письмо от моего мальчика! Придет и от твоего! Так, Сосойя?

– Конечно! – улыбнулся я.

– М-да-а-а... Не так уж страшен черт... – начал Виссарион Шаликашвили. – Сидим мы здесь, как в норе, не видим ничего дальше своего носа и пищим... А вы подумали о том, сколько Виссарионов и Ксений мотыжат поля в нашей стране? Сыновья скольких Герасимов и Лукайев держат в руках винтовки? Сколько бегают Хатий и Сосойев? Вы думали о том, как велика наша земля? Кто такой Гитлер, чтобы одолеть нас? Да у него ведь не хватит крови, не хватит сил для этого! – Виссарион уперся в колени огромными жилистыми, мозолистыми руками, встал, выпрямился во весь рост, окинул взглядом раскинувшиеся внизу поля. – Вон, взгляните на нее! Земля родная! Наша земля!.. Коротки руки у Гитлера, скажу я вам, коротки!..

Необозримая долина под нами дышала паром земли и белоснежными дымками, поднимавшимися над крестьянскими домами. По долине полнокровной артерией текла Супса. Вобрав в себя всю пролитую людьми кровь и пот, она щедро поливала ими землю, поила почву, катила свои волны все дальше и дальше и наконец вливалась в море неиссякаемым, неисчерпаемым жизненным потоком.

Отсюда, с крохотного клочка земли на склоне горы, напоминавшего узкую бойницу в огромной крепостной стене, я взирал на бескрайние просторы и чувствовал, что за доступным моему глазу горизонтом лежат другие, такие же безбрежные земли, за ними – новые, другие, за ними – еще и еще, и так без конца, и что все это – моя, родная земля, и

что золотой диск солнца, льющий на землю животворящие лучи, – это моя жизнь, мое счастье, и что нет и не может быть на свете силы, способной отнять у меня эту землю, это солнце, это счастье, эту жизнь...

Люди, окружавшие меня, смотрели туда же, на лежавшие под нами поля, и молчали. И я знал, каждый из них – Герасим и Виссарион, Ксения и Лука, тетя Кето и Маргарита – каждый из них думал так, как думал я. И стоящая рядом со мной улыбающаяся Хатия думала и видела то, что думал и видел я...

...Солнце медленно садилось за долиной Супсы. Утомленные за день люди вместе с блеявшим стадом возвращались по домам.

В ту ночь село еще раз всколыхнули раздавшиеся вдруг крик и вопли. Мы с тетей выскочили на дорогу. Со всех сторон бежали перепуганные соседи.

– У кого это, Герасим? – спросила тетя шагнувшего рядом с нами Герасима.

– Кажись, у Лукайи Поцхишвили... Вот несчастье... – проговорил Герасим.

Урок военного дела

Время берет свое...

За июнем наступил июль, затем – август, за августом – сентябрь. Начались занятия в школе. В наших дневниках стали появляться двойки, тройки, четверки и – реже – пятерки. Ничего как будто не изменилось.

Тетя по-прежнему преподавала грузинский язык. Хатия по-прежнему сидела на парте рядом со мной. Учитель географии все так же упрашивал нас сидеть на уроке спокойно и обещал за это играть после уроков с нами в камушки. Учительница русского языка по старой привычке называла меня «бичо»⁴⁹. Заметная перемена заключалась в том, что все наши учителя сильно похудели. И еще одна новость: в школе появился участник Хасанских боев⁵⁰ Леваи Гуриелидзе. Он был назначен преподавателем военного дела и физкультуры.

На первый свой урок он явился в зеленых брюках галифе, кожаных крагах, военной фуражке, с противогазом, мелкокалиберной винтовкой через плечо и свернутым плакатом под мышкой. Он подошел к столу, взял под козырек и застыл. Мы встали, потом сели и, когда учитель не изменил своей

⁴⁹ *Бичи* – мальчик. *Бичо* – полуласковое-полупренебрежительное обращение: «Эй! Мальчик!»

⁵⁰ *Хасанские бои* – военные столкновения между Красной армией и Японской императорской армией в 1938 году у озера Хасан и реки Туманная.

позы, снова встали.

– Вольно! – скомандовал он, снял фуражку, положил ее на стол, повесил на доске противогаз и винтовку. Потом развернул плакат, извлек из кармана четыре здоровенных гвоздя, взял валявшийся у камина кусок кирпича и стал приколачивать плакат к стене. Покончив с этой операцией, он повернулся к нам с лицом победителя.

– Что он сделал? – спросила меня Хатия.

– Прибил к стене плакат! – прошептал я.

– А что на нем нарисовано?

– Не нарисовано, а написано красными буквами: «Смерть немецким захватчикам!»

– А он не мог сказать это наизусть?

Я пожал плечами.

– Теперь познакомимся! – объявил учитель. – Меня зовут Леван Гуриелидзе.

– Хорошая у вас фамилия! – сказал Отия Каландадзе.

– Разговоры! Военный предмет любит дисциплину!

– Ботаника тоже любит дисциплину! – сообщил Тамаз Керкадзе.

– Кто это сказал? Встать!

– Это сказал учитель ботаники.

– Садись! – Тамаз сел. – Что я люблю? Я люблю дисциплину, порядок, тишину, чтобы слышно было, как летит муха! Что я еще люблю?

– Вареные каштаны, учитель? – подсказала Хатия.

– Кто это сказал? Встать!

Никто не ответил.

– Вы должны помнить: я не родился учителем. Кем я был в вашем возрасте? Оболтусом, бездельником, дураком... Вроде вас!

– А вы и сейчас выглядите молодым, учитель! – сказал Нодар Калаидадзе по прозвищу Головастик.

Учитель самодовольно улыбнулся.

– Потом я сел за книгу. Что такое книга? Книга – друг человека! Читал, читал и стал человеком. А по происхождению я танкист!

– Ты смотри! – удивился Тамаз.

Учитель нахмурился.

– Я вам не обыкновенный учитель! Я шкуру с вас спущу! – хлопнул он рукой об стол.

– Так говорят все учителя, – сказал Отия.

– Перехожу к функциям взвода в обороне!

– Ну-ну, давайте! – подбодрил кто-то учителя.

Учитель вспыхнул, но сдержался и продолжал:

– Что такое взвод?

– Вот именно, что такое взвод? – повторил Коте Гогиберидзе.

– Кто это сказал? Встать!

Класс замер. Учитель подошел к доске, взял мел.

– Вот это – взвод фашистов! – сказал он и начертил на доске двадцать небольших кружочков.

– Спасайся, ребята! – воскликнул Тамаз Керкадзе, хватаясь за голову.

– А это – наш взвод! – учитель начертил еще двадцать кружков. – Между взводами находится водный рубеж, то есть река.

Ты на том берегу, я на этом,
Между нами бушует река⁵¹, —

подхватил Отия.

Учитель побледнел.

– Кто это сказал? – прошипел он.

– Важа Пшавела, учитель! – встал Отия.

– Садись!.. – Учитель стал мелом выбивать дробь по доске. – Что я делаю?

– Стучите мелом! – ответил Яго Антидзе.

– Садись!

– Ставьте точки! – встал Головастик.

– Садись!

– Стреляете! – выпалил я.

– Молодец! Я стреляю! Наш взвод держит под огнем взвод противника, не дает ему возможности подняться из окопов. Противник просит у командования помощи. И вот... – Учитель вдруг согнул руку в локте, поднял ее вверх, повел над

⁵¹ Первые строки стихотворения Важа Пшавела «Песня» в переводе Николая Заболоцкого.

головой и загудел: — У-у-у-у... Что я теперь делаю? — обратился он ко мне как отличившемуся.

— Крутите рукой и рычите! — ответил я.

— Садись! Болван! — взорвался учитель.

В классе поднялся хохот. Учитель побагровел. Энергичным движением руки он стер все кружочки на доске, сел за стол и обиженно замолчал.

Класс жужжал, словно улей. Учитель долго молчал. Наконец он поднял голову, и... мы поняли, что происходило сейчас в душе этого человека. Мы поняли, что, с тех пор как он когда-то давно последний раз покинул свою школу, сегодня ему впервые пришлось перешагнуть порог классной комнаты. Он вошел к нам как дрессировщик, забывший прихватить с собой куски сахара, и теперь он сидит растерянный и ждет, когда же его растерзают эти сорванцы, напоминающие голодных зверенышей.

— А ты почему стоишь? И чему ты улыбаешься? — набросился вдруг учитель на Хатию. — И куда ты, собственно, смотришь? Смотреть надо на учителя, а не... Садись!

Хатия села, все так же улыбаясь своими огромными голубыми глазами... В классе наступило неловкое молчание. Учитель почувствовал, что сказал что-то не к месту, невпопад, но что именно, этого понять он не мог.

— Что случилось, дети? — спросил он надтреснутым голосом.

Мы молчали.

– Я не вижу, учитель! – сказала Хатия.

– Что?.. Вы издеваетесь надо мной?!..

– Да нет, учитель, я и вправду не вижу!

Учитель встал, подошел к Хатии и долго изучающе всматривался в ее лицо. Хатия спокойно моргала ресницами и улыбалась. Учитель вернулся на свое место, сел и задумался. В классе воцарилась гробовая тишина.

– Как тебя звать, дочка? – спросил вдруг учитель.

– Хатия! – ответила Хатия вставая.

– Ты сиди, сиди, пожалуйста!

Хатия продолжала стоять.

– Кто тебя водит в школу?

– Сосо, учитель... Но я могу и сама...

– Я освобождаю тебя от моих уроков. Можешь уйти.

– Мне интересно послушать... Я останусь.

– Оставайся, дочка...

У меня запершило в горле.

– Родители у тебя есть? – спросил снова учитель.

– Отец.

– Ты совсем ничего не видишь?

– Вижу солнце... Врач сказал папе, что раз я вижу солнце, то мне можно вернуть зрение.

– Конечно, можно! Я сам ослеп на Хасане... Ничего не видел!

– А солнце видели?

– Солнце видел. И меня вылечили...

– Ну и я вижу солнце...

Долго еще учитель всматривался в красивые улыбавшиеся голубые глаза Хатии. Трудно, очень трудно было поверить, что эти глаза не видят света, товарищей, не видят его – учителя военного дела, низенького, невзрачного человека, по щекам которого сейчас стекали слезы и который не старался скрыть, что он плачет.

Раздался звонок. Учитель вышел из класса, не проронив ни слова. Мы молчали и не двигались с места. Заговорили лишь тогда, когда в класс вошла учительница грузинского языка и стала читать список.

– Что с вами? – спросила тетя Кето, удивленная непривычной тишиной.

– У нас был новый учитель военного дела, – ответила Хатия.

– Понравился?

– Кабы все вы были такими! – ответил я.

В тот день урок грузинского языка проходил необычно: говорили ученики, а преподаватель молчал и слушал их.

Бригадир Датико

В полночь на балконе что-то загромыхало. Я проснулся. Тетя, присев в кровати, с испугом смотрела на дверь, скрипевшую под сильным напором. Потом осторожно постучали в окно.

– Сосойя, иди ко мне! – позвала шепотом тетя.

Я подошел к тете, обнял ее. Она была холодна и дрожала всем телом.

Стук в окно повторился.

– Кто там? – с трудом выговорила тетя.

– Кето, открой дверь!

– Кто это?

– Это я, Датико!

Тетя закрыла лицо руками.

– Открой, Кето!

Тетя не отвечала.

– Кето!

Дверь заходила ходуном. Тетя не шевелилась.

– Кето, открой, это я, Датико!

– Какой Датико?

– Да я, Датико! Не узнала?

– Датико в армии!

– Открой, иначе взломаю дверь!

– Сосойя, зажги лампу! – попросила меня тетя.

Я зажег лампу. Тетя встала, накинула халат, подошла к камину и замерла в углу.

– Открой, Сосойя!

Я вынул из ручки дверей засов, попятился назад и стал рядом с тетей. Дверь медленно, со скрипом открылась.

Перед нами стоял бригадир Датико: в распахнутой на груди гимнастерке, гладковыбритый, с взъерошенными волосами, с пистолетом за поясом и коротким карабином в руке.

– Здравствуйте! – улыбнулся он. – Испугались?

Мы промолчали. Датико двинулся к нам.

– Стой на месте! – сказала тетя.

Датико остановился.

– Кето, что с тобой? Я сто лет тебя не видел... – Датико сделал еще шаг.

– Стой, говорю!

– Да чего вы боитесь? Я обещал вернуться, вот и вернулся!

Датико двинулся к нам.

– Говорю тебе – стой на месте, – повторила тетя, – иначе позову соседей!

– Зови кого угодно! Никого я не боюсь! Я вернулся из-за тебя и не стыжусь этого! Слышишь ты?!

– Не из-за меня, а из-за страха ты вернулся!

– Ты, ты меня вернула!

– Тебя вернул страх!

– Я никого и ничего не боюсь!

– Зачем же тогда тебе оружие? Почему ты скрываешься?

– Скоро перестану скрываться!

– Чего ты ждешь?

– Кето, ты ведь умная женщина... Видишь, что творится?

– Чего ты ждешь?

– Пойми ты, плевать я хотел на всех! Ради чего мне умирать? Меня никто не трогает! Мое дело – пахать и сеять! За чем, во имя чего я должен погибать? Я хочу умереть своей смертью, рядом с тобой! И никто у меня не отнимет тебя! Ты понимаешь это?

Тетя слушала Датико, не сводя с него глаз.

Датико сел, поставил карабин между ног, достал табак, закурил и продолжал:

– Я не трус, это известно всем. Но умирать ни за что ни про что не хочется... Хорошо, вернусь я туда... Убьют меня... Поможет делу моя смерть?.. Кто вспомнит про меня: кем я был, чем я был...

– А кто ты есть сейчас?

Датико не ожидал такого вопроса.

– Я?.. Сейчас я политический противник власти...

– Бродяга и дезертир, вот кто ты такой! – сказал я и прижался к тете.

Датико побледнел. Он встал, снова сел.

– За такие слова другой поплатился бы жизнью... А ты забыл, как они поступили с твоими родителями? Забыл?

– Не твое это дело!

– Сопляк! Что ты понимаешь!.. Неспроста ведь твой отец

стал троцкистом!

– Сам ты троцкист и сукин сын! Все, кто помнит моего отца, говорят, что он был замечательным человеком!

Датико пренебрежительно махнул рукой – дескать, стоит ли спорить с молокососом, – и обратился к тете:

– Кето! Я мечтал о встрече с тобой, как умирающий от жажды – о глотке воды! Улыбнись хоть раз! Я знаю, ты любишь меня, но боишься... Боишься, что они уже узнали все и теперь выслеживают меня... – На лице тети не дрогнул ни один мускул. – Вы должны помочь мне... Нет у меня никого, кроме вас... Пока буду скрываться в лесу, а потом мы еще посмотрим, кто кого.

Я стоял у камина и с омерзением слушал разглагольствования превратившегося в животное человека, который когда-то назывался бригадиром Датико... Вдруг оставшаяся открытой дверь скрипнула. Датико вскочил, схватил карабин и расширенными от ужаса глазами уставился в черное пространство. Убедившись, что за дверью никого нет, он успокоился.

– Накормите меня, – сказал вдруг он, – голоден я!

– Мы тоже голодны! – ответил я.

– Что, кусок мчади для меня пожалели?

– Еще бы! У нас собака с голодудохнет...

– Благодарю тетю, подонок, а то расшиб бы я твою глупую башку!

– Нашелся герой! Небось у самого поджилки трясутся от

страха...

– Змееныш ты этакий! Вырастешь – погляжу, как ты себя будешь чувствовать в армии!

– По крайней мере, не стану шататься по ночам и просить кусок мчади!

– Сосойя, не выводи меня из терпения!

– А ты уходи! Зачем к нам пожаловал?

– Я не к тебе пришел!

– А к кому же? Тетя тебя не любит!

– Любит! Это ты меня не любишь и никогда не любил!

– Знал, что ты за птица!

У Датико побагровело лицо и запрыгала бровь. Он положил карабин на стол, встал и решительно направился к нам. Мы прижались к стене.

– Не подходи, закричу! – предупредила его тетя.

– Не закричишь! – Датико подошел к нам вплотную. – Не закричишь! – повторил он и вдруг схватил тетю за плечо. – Почему ты не кричишь? Боишься? Кричи! Созови все село! Погубила меня, а теперь я тебе не нужен, да? Теперь ты меня гонишь, да? Говори!.. Говори, иначе я убью себя и кровь моя ляжет на тебя!.. Говори!..

Датико изо всех сил тряс тетю. А она молчала и не сводила глаз с этого обезумевшего, забывшего про опасность, оравшего, как раненый зверь, человека. Вдруг Датико схватил тетю за голову и стал осыпать поцелуями ее щеки, лоб, глаза. Я набросился на Датико сзади и впился зубами ему в

плечо. Датико, взыв от боли, оттолкнул тетю, повернулся и закатил мне такую оплеуху, что я отлетел в угол комнаты, ударился головой об стену и упал, на миг потеряв сознание.

Очнувшись, я увидел испуганное лицо склонившейся ко мне тети, которая холодными как лед пальцами растирала мне виски. Датико стоял поодаль и исподлобья глядел на нас.

– Что ты сделал? – тихо сказала тетя.

– Ничего, не умрет! – ухмыльнулся Датико.

– Что ты сделал с моим мальчиком? – повторила тетя и выпрямилась. Она подошла к камину, протянула руку к при-
слоненному к стене топору. Датико нахмурился.

– Положи топор! – сказал Датико и двинулся к тете. Тетя подняла топор над головой. – Ты что, с ума сошла?! – Датико попятился. Тетя двинулась вперед. – Кето!

– Вон отсюда! – тетя приближалась к Датико. Тот шаг за шагом отступал, не сводя глаз с топора. Так он добрался до стола, взял карабин, не поворачиваясь, ощупью нашел дверь и вышел, оставив ее открытой.

Тетя опустила топор, закрыла дверь, продела в ручку вместо засова топор, потом, не раздеваясь, бросилась на кровать и зарыдала.

Я прикрутил фитиль лампы и лег.

Тетя затихла. Я молчал.

Спустя долгое время я услышал тихий голос тети:

– Сосойя!

– Что, тетя?

– Спишь?

– Нет, тетя!

– Иди ко мне...

Я вскочил, подбежал к тетиной кровати и прильнул к ее лицу. Лицо было холодное, и губы у тети дрожали...

Бежана

Виски Бежаны Эсадзе уже заметно серебрятся, но во всем селе нет веселее и беззаботнее его человека.

...Много лет тому назад залез, оказывается, маленький Бежана на соседскую грушу полакомиться янтарными плодами да и полетел вниз головой с двухсаженной высоты. Бросились добрые люди к незадачливому воришке, стали растирать ему виски и поливать водой, кое-как привели в чувство. Раскрыл, оказывается, Бежана глаза, икнул, улыбнулся и... с тех пор никто его не видел расстроенным или огорченным. Ходит теперь по селу босоногий Бежана, весело улыбается встречному-поперечному и напевает свою любимую песенку:

Минадора черноокая,
Ты звезда моя далекая...

Бежана готов прийти на помощь каждому, кто позовет его, готов за миску лобио и стакан вина выполнить любую работу по хозяйству. Бежана силен как буйвол. Поспорьте с ним – и он, впрягшись в плуг, перепашет полгектара земли. Он головой разбивает грецкие орехи и шутя таскает пятипудовые мешки с кукурузой от конторы до самой церкви... Не дай бог испытать на себе удар Бежаниного кулака! Но труд-

но представить себе Бежану, поднявшего руку на человека! Единственное больное место Бежаны – Минадора... Стоит намекнуть, что Минадора вышла замуж, и тогда Бежана теряет голову. Он рвет на себе одежду, бьется головой об стену, выворачивает камни, ломает на деревьях сучья толщиной в руку... Как-то Афрасион Чантурия попросил Бежану расчистить заброшенный кусок каменистой целины, где он собирался посадить виноградник. В тот день Бежане нездоровилось, и работа у него не спорилась. Смотрел, смотрел на него Афрасион, и вдруг выпалил: «А ты знаешь, Минадора-то вышла замуж!» Что тогда стало с Бежаной! Он взвыл, завертелся, запрыгал, потом схватил заступ и перекопал участок так, словно по нему прошла танковая армия... И лишь вечером, когда обессиленный, задыхавшийся Бежана упал навзничь, он понял, какую с ним сыграл шутку Афрасион. И с тех пор Бежана избегает встречи с Афрасионом.

Бежана обожает детей. Придет к соседке, присядет у порога и попросит:

- Мака, одолжишь мне своего пацана?
 - Зачем он тебе, Бежана?
 - Да так, поиграюсь с ним... Хочешь играть в лошадки, Тариэл?
 - Хочу!
 - Ну давай! Садись сюда, мне на шею... Вот тебе хворостинка, только не бей меня больно... Ну? Готов? Поехали!..
- Став на четвереньки, Бежана с мальчуганом на шее носит-

ся по двору. Ребенок визжит от восторга... Бежана ржет...

Забавы Бежаны ни у кого не вызывают опасений. Все знают, что ребенку с Бежаной не грозит никакая опасность – он ласков и осторожен с ним, как родная мать. Но Бежана сам чувствует неловкость за свое пристрастие к детским шалостям, и потому просьба его звучит робко и застенчиво:

– Машико, одолжишь мне своего пацана?

Ко мне Бежана питает особую любовь и уважение. Я – единственный поверенный всех его тайн, а сам Бежана – единственный на селе человек, который считает меня самым умным и достойным среди наших соседей. Я очень люблю Бежану.

В прошлое воскресенье Бежана вошел к нам во двор и позвал:

– Сосойя!

Я и тетя вышли на балкон.

– Иди сюда, Бежана! – пригласила тетя Бежану.

– Неси сюда, если есть чем угостить! – ответил он и прилег под шпанской вишней.

Тетя собрала на подносе ломоть сыра, половину мчади, стакан вина и спустилась во двор. Я последовал за ней.

– Доброе утро! – приветствовал нас Бежана, взял из рук тети поднос и стал с аппетитом уплетать мчади с сыром. – Дрова не нужно наколоть, Кето? – спросил Бежана.

– Нет, Бежана!

– Отлично! Может, сходить на мельницу?

– Нет, Бежана, не нужно ходить на мельницу! – улыбнулась тетя.

– Еще лучше! А может, корову погнать на выпас?

– Нет, Бежана, не надо!

– Совсем хорошо!.. – Бежана отпил глоток вина. – А почему, Кето, дорогая, сыр у тебя несоленый?

– Нет соли, Бежана...

– Вот-вот! Нет соли!.. И что же? Меня называют дураком, а нашего дурака – председателя Кишварди – умным человеком!

– Не поняла тебя, Бежана! При чем тут председатель?

– Как при чем?! Что он сеет? Кукурузу да просо! А почему бы ему не посеять соль или сахар? А? Ведь вздохнет народ! Что, не прав я, Сосойя?

– Прав, конечно, Бежана! Но почему ты сам не сеешь соль?

– Все хорошие земли – у колхоза. Что мне делать? В прошлом году я все же посеял соль на моем истощенном участке, да ничего не возшло! А хотя бы и возшло, разве напасешься соли на стольких голодных людей?

Тетя вздохнула и ушла.

Бежана проводил ее взглядом и обратился ко мне:

– Ну как, выходит она за Датико или нет?

– За какого Датико?!

– За бригадира Датико, какого же еще! Недавно встретил я его в лесу. Ого! Обвешан оружием, как николаевский

стражник! Он по секрету сказал мне, что его прислали сюда по сверхсекретному заданию правительства и что об этом нельзя никому говорить!..

– А ты что?

– Что «что»? Я сообщил двум доверенным лицам – нашему председателю и Бадрии, который в милиции работает. Они ведь партийные, им можно. Они не выдадут... А впрочем, мне-то что!.. У меня другое к тебе дело, Сосойя!

– Что за дело, Бежана?

– Понимаешь, человек один там, в плантации... Не знаю, что с ним делать...

– Какой человек? О чем ты, Бежана?

– Ты что, Сосойя, перестал понимать грузинскую речь? Говорю тебе – там, в чайной плантации, у меня человек!

– Кто он такой?

– А я почему знаю?

– Спросил бы его!

– Спрашивал! А он молчит! Лежит с закрытыми глазами, улыбается и молчит.

– Дышит?

– Не знаю.

– Может, он мертвый?

– Дурак! Где ты видел улыбающегося покойника?

– Так что же с ним?

– А я почему знаю!

– Что же ты знаешь, болван! – взорвался я.

– Сегодня воскресенье, завтра будет понедельник! Это я знаю!

– Ох, Бежана, беда мне с тобой!.. Идем, покажи, где этот твой живой мертвец!

Бежана встал и пошел, напевая свою любимую:

Минадора черноокая,
Ты звезда моя далекая...

Мы миновали несколько домов, свернули на тропинку и подошли к раскинувшейся на склоне плантации чая, вдоль которой тянулся ряд тунговых деревьев.

– Во-он там, под последним тунгом! – показал Бежана рукой.

Я сбежал по склону и остановился как вкопанный у дерева.

В высоких зарослях папоротника лежал исхудалый, мертво-бледный, заросший бородой русский мужчина в военной гимнастерке. Я нагнулся, приложил ухо к груди незнакомца и уловил слабое биение сердца. Я дотронулся рукой до его щеки – она пылала жаром.

– Когда ты нашел его, Бежана?

– Утром.

– И молчал до сих пор?!

– Я сразу же побежал к тебе, дорогой мой, но по дороге забыл... Плохо без сахара, Сосойя! Люди стали забыв-

чивыми... Вчера утром встретил я Аквиринэ... Посмотрела она на меня, улыбнулась, а поздороваться забыла... Говорят, что...

– Ладно, ладно!.. Помоги-ка поднять его! Видишь, умирает человек!

Бежана в два счета сгреб мужчину.

– Куда его?

– Домой!

– Ты что, ошалел? Покойников выносят из дома, а я его понесу домой?

– Да не к тебе! К нам домой!

– К вам – пожалуйста!

Бежана несколько раз подбросил мужчину на руках, обнял его поудобнее и стал вприпрыжку подниматься по склону, приговаривая:

– Нно-о-о, лошадка, нно-о-о... А как его зовут? – спросил вдруг он меня.

– Откуда мне знать?

– Сосоин русский он! Сосоин русский! – нашелся Бежана.

Мы пришли домой, поднялись на балкон. Незнакомца уложили на мою кровать. Тетя в недоумении глядела на нас.

– Кто это? – спросила наконец она.

– Сосоин русский! – ответил обрадованно Бежана.

– Мы нашли его в плантации... Помоги ему, тетя! – попросил я.

– Да кто он, этот несчастный?

Тетя положила руку на лоб незнакомца, покачала головой и отошла от кровати.

– Сосойя, принеси уксус!

Я сбегал на кухню. Когда вернулся в комнату, тетя сидела у изголовья больного. Она распахнула ему на груди гимнастерку и отшатнулась: под правым соском незнакомца краснела свежезарубцевавшаяся рана с человеческий кулак. Тетя осторожно поставила больному термометр, потом налила уксус в глубокую тарелку, разбавила водой, смочила полотенце, отжала и наложила ему на лоб.

– Нужен ему твой уксус! – вмещался Бежана. – Напои-ка ты его вином и накорми чем-нибудь, видишь – человек умирает от голода!

– Ох, Сосойя, Сосойя, впутал же ты меня в историю! – вздохнула тетя. – А если, не дай бог, умрет он, что мне тогда делать? Ты подумал об этом?!

Она вынула термометр и ахнула:

– Сорок и шесть!.. Беги, Сосойя, за врачом!

– Ему не врач, ему вкусная пища нужна! – продолжал свое Бежана.

– Да иди ты!.. – прикрикнула на него тетя. – Ступай, Сосойя!

Я побежал. В медпункте врача не оказалось... «Вызвали в район, сегодня он не вернется», – сообщила уборщица. Тогда я направился к Хатии и рассказал ей все. Хатия посоветовала сходить к бабке Аквиринэ. Пошли к бабке. Я расска-

зал ей все сначала. Аквиринэ прихватила с собой какие-то настои в маленьких аптечных пузырьках, и втроем мы вернулись домой.

– Русский! – удивилась Аквиринэ, взглянув на больного.

– Русский! – подтвердила тетя.

Больной был по-прежнему без сознания, но теперь он дышал спокойнее и чему-то улыбался.

– Вот дурак! Нашел время улыбаться!.. А ты почему вчера утром не поздоровалась со мной? – упрекнул Бежана Аквиринэ.

– Да ну тебя! – отмахнулась старушка. – Битый час ты болтал со мной, забыл?

– А-а-а, ну хорошо...

– Принеси-ка стакан «Одессы», Сосойя! – попросила Аквиринэ.

Я принес. Аквиринэ намочила кусок ваты в вине и провела им по губам больного. Спустя минуту он чуть раскрыл губы. Аквиринэ снова намочила вату и накапала в рот больному несколько капель. Тот сделал глотательное движение и застонал.

– Дай-ка мне это вино, если ему не хочется! – Бежана протянул руку.

– Пропади ты пропадом, Бежана! Не такой уж ты дурень, чтобы не отличить больного от здорового! Пошел вон!

После нескольких попыток Аквиринэ удалось заставить больного проглотить один, затем другой, третий глоток вина.

Наконец он опорожнил стакан, но тут же зашелся от судорожного кашля. Он кашлял долго и надрывно. Наконец отошел, успокоился и задышал ровно, но вдруг заерзал, застыл, стал размахивать руками.

– Ну-ка, женщины, выйдите из комнаты! – приказала Аквиринэ.

– Что с ним? – вскрикнула тетя. – Ему плохо?

– Нет, хочу растереть его.

Тетя вышла, Хатия осталась. Она стояла в углу комнаты и молчала.

Аквиринэ раздела больного догола. Потом она налила себе на ладонь жидкость из пузырька, растерла другой ладонью, нагнулась к больному и стала не спеша натирать ему грудь.

– И не щекотно ему? – расхохотался Бежана.

– Переверните! – сказала Аквиринэ.

Мы перевернули больного. Аквиринэ так же не спеша, основательно натерла ему спину и поясницу. Когда мы снова переворачивали больного, я посмотрел на Хатию.

Она по-прежнему стояла не двигаясь в углу.

– Пошла отсюда! – прикрикнул я на нее. – Не видишь, что ли, голый же он!

– Ничего, Сосойя, я постою, – улыбнулась Хатия.

У меня больно сжалось сердце, стало стыдно, и я заорал во весь голос:

– Убирайся отсюда!

Аквиринэ и Бежана удивленно посмотрели на меня.

– Ты что, ненормальный? – спросил Бежана. – Или забыл, что она слепая?.. Стой здесь, детка, – обернулся он к Хатии, – не слушай этого дурака!

Хатия, не ответив, вышла из комнаты.

Аквиринэ поправила под больным подушку, погладила его по голове, дала отпить еще несколько глотков вина.

– Позови Кето!

Я вышел на балкон и вернулся вместе с тетей и Хатией.

– Надо переодеть его, – обратилась Аквиринэ к тете, – а его одежду выварить как следует!

Тетя принесла и положила на кровать белье, оставшееся от деда.

– Ну и пустота, что в нашем магазине! – раздался вдруг недовольный голос Бежаны.

Мы оглянулись и увидели, как Бежана с разочарованным видом рассматривал вывороченные карманы брюк и гимнастерки больного.

– А документы есть, Бежана? – спросила тетя.

– Нету, Кето, ничего здесь нету!

– Вот тебе и на! Как же узнать, кто он такой, как его фамилия? – забеспокоилась тетя.

– Как кто? Сосоин русский он! – объяснил Бежана.

– А может, он вовсе не русский, а украинец? – сказал я.

– Какая разница? Фамилию его я все равно бы не запомнил! Сосоин русский – и все тут! – настаивал на своем Бе-

жана.

– Аквиринэ, – обратилась тетя к старушке, – как по-твоему, удастся спасти его?

– А он уже спасен, дорогая! – ответила Аквиринэ. – И спасен благодаря этому вот непутевому! Слышь, Бежана, это ты спас его!

Польщенный Бежана самодовольно улыбнулся, подошел к кровати больного, присел, взял его за плечи, встряхнул и громко позвал:

– Сосоин русский!

Больной зашевелился.

– Что, не слышишь? Здравствуй, Сосоин русский! И хватит тебе валяться в постели! Вставай! – Бежана еще раз встряхнул больного.

– Отстань от него! – оттолкнул я Бежану.

– погоди! – заупрямился он. – Кто его спас, Аквиринэ? Я? – Старушка кивнула головой. – Так дайте мне поговорить с ним!.. Тебе говорю, Сосоин русский! Очнись! Вставай!

И вдруг больной действительно открыл глаза.

– Ну вот, а что я говорил! – обрадовался Бежана.

Больной долго смотрел на Бежану, потом по очереди оглядел каждого из нас. Красивые карие его глаза воспаленно блестели.

– У, сволочи... – пробормотал он тихо.

– Чего это он? – удивился Бежана.

– Он принимает нас за немцев!

– Вот дурак! Слышь, Сосоин русский, это я, Бежана, не узнаешь меня? – Бежана ласково потрепал больного по щеке. Тот закрыл глаза.

– Ночью он будет бредить. Дай ему попить вот этого... Утром свари кашу, попробуй накормить помаленьку... Если жар не спадет, пусть Сосойя еще раз натрет его. Ну, не расстраивайся, Кето, моя дорогая! – Аквиринэ встала, поправила подол платья и обратилась к Бежане: – Пошли, Бежана, никуда твой русский не сбежит!

– Здравсти, русо! – Бежана приложил к голове растопыренную пятерню, повернулся и, напевая песенку, последовал за Аквиринэ.

Всю ночь я с тетей и Хатией не сомкнули глаз. Больной беспокойно ворочался, метался, бредил. В полночь он вдруг присел в постели, вперил в нас отсутствующий взгляд луна-тика, потом посмотрел на дверь и позвал:

– Сестра!

– Что тебе, милый? – спросила тетя по-русски.

– Сестра, жалко тебе глотка мышьяка? – простонал больной.

Тетя дала ему отпить вина. Больной затих.

Под утро я натер его. Тетя прилегла на кушетке и заснула. Я и Хатия продолжали бодрствовать.

– Сосойя, что с ним будет? – спросила Хатия.

– Ничего не будет. Сказала ведь бабушка Аквиринэ, что

он спасен.

– А вдруг она ошиблась?

– Ничего не ошиблась! Он же фронтовик! Видишь, какая у него рана? Если он от такой раны не умер, от болезни и давно не умрет!

– А где у него рана?

Я откинул одеяло на груди больного, взял руку Хатии и дал ей пощупать рану.

– Ух ты!.. А если б попало влево, убило бы его, правда?

– Конечно!

Хатия нежно провела обеими руками по лицу, по плечам больного.

– Он красивый?

– Не знаю. Наверно, красивый. Зарос он, как поп, разве поймешь?

– А худой какой!

– Димка! – выкрикнул вдруг больной. – Слышишь меня, Димка?!

Я и Хатия обратились в слух.

– Тебе говорю, Димка! Слышишь?

– Слышу! – ответил я тихо.

– Смотри, Димка, сейчас все спят... Утром сюда придут немцы... Вывезти всех не успеют... Мы с тобой – ходячие... Или ты хочешь сгнить в постели?.. Надо бежать!..

– Ты о чем?

– Да, да, бежать!!! Эвакуация мне не по душе... Пусть сам

врач эвакуируется, если он боится... Ты чего молчишь? Сейчас все спят и никто не дежурит... Гляди!...

Больной привстал.

– Погоди, – обнял я его, – дождемся утра!

– Нет, я уйду! – он оттолкнул меня и встал.

– Куда ты? Постой!

Я постарался удержать больного, но, поняв, что это мне не под силу, крикнул:

– Хатия, помоги!

Хатия ощупью подошла к нам и сзади схватила больного за плечи.

– Пустите! – взревел он и рванулся так, что мы все втроем оказались на полу. Перепуганная тетя бросилась к нам.

– Пустите меня! У-у-у... – Вопя и ругаясь, больной катался на полу, мы наседали на него и никак не могли справиться с этим обескровленным, ослабшим от голода и жара человеком, которому страх придал удивительную силу. После получасовой возни он обмяк и заплакал:

– Отпусти меня, сестра, сделай доброе дело, отпусти...

Наконец он, видно, примирился с судьбой, опустил руки, всхлипнул и уже спокойно дал нам уложить себя в постель. Спустя минуту он заснул...

Я улегся на полу у камина, тетя и Хатия – вместе, на кровати. После долгого молчания я тихо позвал:

– Тетя...

– Да?

– Спишь?

– Сплю!

– Ты не обижайся, тетя, завтра я схожу в сельсовет и попрошу, чтобы его отправили в больницу...

– Не мели чепухи! Хатию разбудишь!

– А я не сплю.

– Сходим, Хатия, в сельсовет? – спросил я Хатию.

– И куда он хотел бежать? – спросила в свою очередь она.

– Засните, черти! Вставать скоро! – зашикала на нас тетя.

– Нет, серьезно, тетя, что нам делать?

– А что, собственно, надо делать? Привели его – значит должны выходить. И все! При чем тут сельсовет?

– Чем его кормить?

– Тем же, чем кормимся мы сами.

– Ему бы молока побольше... – сказала Хатия.

– Да, мчади с сыром тоже неплохо! – сказал я.

– Откуда и как он попал сюда? – спросила Хатия.

– Война, Хатия, война... Сейчас всякое бывает, – ответила тетя.

– Тетя!

– Что еще?

– Значит, оставляем его?

– Сперва вылечим, а там видно будет... Да засни ты наконец!

...Я сплю и вижу сон: перед нашей сельской церковкой в белом подвенечном платье стоит тетя – стройная, красивая,

как Божья Матерь. У ее ног на коленях все мужчины нашего села, и среди них наш русский. Все молчат. Молчит тетя. И лишь русский, воздев руки, молит тетю:

«Отпусти меня, сестра, сделай доброе дело, отпусти...»

Я прошу тетю не отпускать нашего русского. Тетя подходит к нему, берет его за руку, потом берет за руку меня, и мы втроем идем домой...

...Целую неделю больной боролся со смертью. Все эти дни он не приходил в сознание. Днем лежал спокойно, устремив в потолок блестящие глаза, ночью начинал метаться и бредить. Каждый день Бежана приходил проведать больного. Он садился у изголовья и заводил с ним беседу, словно со старым знакомым.

— Когда же ты встанешь, Сосоин русский, а? Видишь, ноги уже не держат Кето!.. Что? Не понимаешь по-грузински? Так я тоже по-русски не понимаю, но это ничего не значит! Хочешь, поспорим? На что? На что желаешь! Кто больше съест. Кто больше поднимет. Кто лучше споет. Что? Спеть по-русски? По-русски я не умею, дорогой! Спою тебе по-нашему, а ты поддержи басом! Не можешь? Ладно, пой вторым голосом? Тоже не можешь? Хорошо, тогда я один спою! — И Бежана пел:

Девница-красавица
В загляденье-платице
Днем покоя не дает
И во сне является...

– Недавно наш Лукайя Поцхишвили получил похоронную на сына... Стыдно, конечно, петь, когда у соседа такое горе... Но я чокнутый, мне можно... Почему мне поется, говоришь? Поется, и все тут! А почему поет наше радио? Дела у нас, сам знаешь, не так уж веселы... А все же поем и будем петь! Песня, брат, помогает в беде! Так-то!..

Каждый день с утра до вечера к нам приходили соседи – проведать больного. Приходил врач – поил его какими-то лекарствами, делал уколы. И в конце недели наш больной наконец-то пришел в себя. Он открыл глаза, присел в постели и долго удивленно оглядывал меня, тетю, Хатию и Бежану.

– Где я? – спросил он.

Мы объяснили.

Больной попытался встать, но силы изменили ему. Он снова лег и закрыл глаза. Лицо его нахмурилось, и на скулах заходили желваки. Мы поняли, что больной впал в тяжелые воспоминания, и молча покинули комнату.

Я и Хатия вышли со двора и, взявшись за руки, бесцельно зашагали по проселочной дороге.

– Знаешь, Сосойя, ему теперь ох как нужно козье молоко! Сразу встанет на ноги! – сказала Хатия.

– Привет! А где ты его возьмешь – козье молоко?

– Сходим к Мине. У нее есть коза.

Соседка Мина подметала двор. Двое полуголых детишек неотступно следовали за ней и хныкали:

– Ма-а-ам, дай варе-е-енья!

– Чтоб вам повылазило, обормоты!.. Ишь чего захотели!..

А палкой по одному месту не хотите?

– Не-е-е, варенья хотим!

Мы зашли во двор. Я присел у калитки, а Хатия направилась к Мине. Женщина, продолжая подметать двор, не заметила Хатию, а дети тотчас же окружили ее.

– Мам, мам, Хатия пришла!

Мина бросила веник, выпрямилась и заулыбалась.

– Здравствуй, моя девочка!

– Здравствуй, Мина!

– Как поживаешь, Хатия?

– Спасибо, Мина... У меня есть дело к тебе.

– Говори, детка!

– Нам с Сосойей нужно молоко!

– Молоко?

– Да. Козье молоко. Для больного.

– Хатия, девочка моя дорогая, откуда у меня молоко? Разве напасешься на этих извергов? У, черти ненасытные! – прикрикнула она на детишек. – Как мне быть?

– Ничего, Мина, ты не беспокойся, мы попросим у других, – ответила Хатия, – извини, пожалуйста! До свидания!

– Погоди, погоди, Хатия! – Мина бросилась под навес, выволокла оттуда за рога упиравшуюся и отчаянно блеявшую козу. – Вот, Хатия, посмотри сама, есть ли у нее в вымени хоть капля молока!.. Нет, ты потрогай, пожалуйста! – Она

схватила руку Хатии и насилу заставила ее пощупать тощее вымя козы.

– Верно, верно, Минат... Разве я не понимаю? Я не подумала о детях... Извини меня...

– Хатия, детка моя, не обижайся! Знаешь ведь, я души не пожалею для тебя, но тут я бессильна!

– Знаю, Мина, извини!.. Ну мы пошли! До свидания!.. Идем, Сосойя!

Мы обошли все село, но достать молока так и не сумели. Козу держали почти в каждом доме, но лишнего молока не нашлось ни у кого. Эдемика Горделадзе даже объяснил нам, что в военное время кровь и козье молоко ценятся одинаково... А Васаси Соселия на наших глазах накрошила мчади в горшочек с козьим молоком и, когда ее внучок во мгновение ока вылакал горшочек до дна, вздохнула и сказала:

– Видели? Вот так каждый день. Коза – все для мальчишки: мать, завтрак, обед и ужин... Другой пищи нет у меня для него... Скоро он, наверно, начнет бляеть по-козлиному...

Так мы возвратились домой без молока.

...Назавтра к полудню Хатия пришла к нам, вызвала меня во двор и тихо сказала:

– Сосойя, я знаю, где достать козье молоко!

– Где?

– Бери посуду, и пошли!

Я вынес из кухни глиняный горшочек и последовал за Хатией. Мы пересекли чайную плантацию, миновали заросли

орешника и вышли к огромному грушевому дереву, росшему над обрывом.

– Слышишь? – спросила Хатия.

Я прислушался. Снизу доносился глухой рокот.

– Ну и что? Шумит водопад...

– Прислушайся хорошо!

Я напряг слух и среди однообразного шума воды различил дребезжащее позвякивание колокольчика.

– Да, слышу...

– Козы со всего села к полудню собираются у водопада...

– Ты с ума сошла, Хатия!

– Немножко, всего полгоршка!

– Увидят нас!

– Твоему русскому нужно молоко, Сосойя!

...Целую неделю я и Хатия ровно в полдень появлялись у водопада. Начиналась погоня за козами. Козы с громким блеянием разбегались во все стороны, продирались сквозь колючки, скатывались по скалистому склону. Мы возвращались домой в разодранной одежде, с окровавленными руками и ногами и полным горшочком молока. Растроганная тетя благословляла добрых соседей. За эту неделю я наловчился так, что мог на ходу выдоить самую быструю из коз. Не знаю, до каких бы пор продолжалась наша молочная эпопея, если бы в один прекрасный вечер село не взбудоражил истошный крик Эдемики Горделадзе:

– Люди, выходите!

– В чем дело, Эдемика? – сбежались перепуганные соседи.

– Вот! Смотрите все! Кто-то выдоил мою козу!

– Чтоб ему провалиться сквозь землю! Вчера выдоили мою! – крикнула Мина.

– Машико жаловалась мне: третий день, говорит, коза возвращается с пустым выменем! – добавил кто-то.

– Мою выдаивают через день!

– И мою!

– Что же это такое, люди?

– Такого не бывало даже во время Русско-японской войны, а ведь тогда тоже нуждались в молоке!

– Знаю я, чьи это штучки, да только пока молчу! – помахал пальцем Эдемика.

– Говори, если знаешь! – набросились на него соседи.

– Знаю! Молоко ворует тот, кому оно нужно!

– Ну, ты скажешь! А кому оно не нужно?

– Дайте срок, и я раскрою это дело!

– Давай, Эдемика, выручай нас!

Между тем владельцы коз приняли меры предосторожности. Коз перестали выпускать со двора, а если выпускали, то обязательно в сопровождении кого-либо из членов семьи. Я и Хатия ходили убитые горем – нашему промыслу пришел конец.

Однажды вечером, когда нам чудом удалось выдоить чью-то зазевавшуюся козу и принести домой глоток молока, тетя подозвала нас.

– Хатия, подойди ко мне!

– В чем дело, учительница?

– Покажи свои руки!

Тетя приложила к лицу обе ладони Хатии. То же самое проделала она со мной.

– Что ты делаешь, тетя? – спросил я удивленно.

Хатия молчала.

– Ваши руки пахнут козьим молоком, дети!

За весь вечер тетя больше не проронила ни слова.

В чем заключается задача?

Колхозные собрания у нас, как правило, созывались по вечерам, но колокол начинал звонить уже с полудня. Уставшие за день люди всячески старались увильнуть от собрания. Приходилось чуть ли не за руки вытаскивать их из домов.

– Просили же тебя, Архиц? Забыл про собрание?

– Эдемика, именно сегодня у тебя разыгрался ревматизм?!

– Не идешь, Диомид? Ладно, поговорим с тобой в другом месте! Не будь я Зосимом!

– Зосим зобастый! Не ори ослом и дай мне отдохнуть, а то возьму вот двустволку и отправлю тебя в такое место, откуда нет возврата!

– Маргарита, выходи, я знаю, ты дома!

– Иди на собрание, Ксения, да прихвати своего инвалида!

Нас, детей, на собрание не приглашали, но мы и не нуждались в приглашении. Собрание было для нас единственным местом развлечения. Оно обычно проводилось в школе, и нам доставляло огромное удовольствие видеть, с каким трудом рассаживаются за партами седовласые загорелые дяди и тети. Мы устраивались на полу, с наслаждением наблюдая за ходом этого странного урока, во время которого не читали списка, отвечали с места, не вставая, свободно курили, перебывали друг друга, к учителю обращались на «ты», и никого

за это не выставляли за дверь. Я мечтал о том времени, когда и меня будут звать на собрание, когда и я смогу послать зовущего к черту, когда при голосовании председатель объявит: «Сосойя воздержался!..»

...Я и Хатия сидим на полу, перед тетей, за нами, также на полу, Бежана. Мы ждем начала собрания. Класс гудит. Все окна распахнуты настежь, но в комнате все же жарко. От запахов табака, пота и земли першит в горле. Надрывно кашляют старики. Судачат бабы. А народ все валит.

– Ну что ж, пора начинать! – объявил колхозный счетовод Зосим, постучав карандашом по надтреснутому колокольчику. – Кого изберем председателем?

– Будь сам, какая еще с тебя польза? – съязвил Диомид.

– Пожалуйста, становись председателем ты! Убедишься, какое это удовольствие!

– Что ты! Отбивать кусок хлеба у любимого соседа!

– Пропади ты пропадом с твоим соседством!

– Да начинайте же, черти проклятые, утро скоро! – прервал дискуссию Зосима и Диомида дядя Герасим.

Зосим кашлянул, надел очки, раскрыл бумажную папку, извлек оттуда лист бумаги, поднес его к носу и вдруг вспомнил:

– А секретаря? Надо же избрать секретаря собрания!

– Будь заодно и секретарем! – предложил Диомид.

– Не справится с двумя обязанностями! – сказал Бежана.

Зосим нахмурился, снял очки и посмотрел на Бежану, од-

нако, увидев его серьезное лицо, промолчал.

– Голосовать?

– Хоть голосуй, хоть пой в три голоса, только начинай! – крикнул выведенный из терпения отец Хатии.

Зосим еще раз кашлянул и объявил:

– На повестке дня у нас один вопрос: о лодырничании и отвиливании от работы отдельных, так сказать, изменников общего дела и родины. Слово предоставляется председателю нашего колхоза товарищу Кишварди Спиридоновичу Ва-шакмадзе!

При упоминании фамилии председателя раздалось несколько жидких аплодисментов. Кишварди встал, выпил полграфина воды, затянул пояс потуже и начал:

– Товарищи! Нынешний год сложился для нас очень неблагоприятно. Что происходит сейчас? Происходит смер-тельная борьба. Две стороны – красная и черная – ведут меж-ду собой – что? Они ведут между собой войну. Беспощад-ную войну. Кто мы? Мы – серп и молот, то есть звезда. Кто они? Они – ад и бездна, тьма-тьмушая и беда нескончаемая! Что делает Гитлер? Гитлер продвигается вперед. Он достиг уже кислых минеральных вод, Кисловодск! – перевел он на русский язык. – Каково приходится народу? Трудно прихо-дится, товарищи, народу! И правительству нашему нелегко, и армии нашей нелегко. А нам? Нам тоже трудно, товарищи! Не хватает пищи, одежды, обуви... Вот ты, Христофор Ва-силия! Думал ли ты о том, что твоему мальчику, который с

винтовкой в руках бьет Гитлера, нужна жратва, нужна одежда?

– О чем же я думал, если не об этом, дорогой Кишварди!

– А ты, Герасим? Попал твой сын в госпиталь, и ладно? А о том, что таких, как он, тысячи и каждого из них надо накормить и напоить, ты знаешь об этом?

– Знаю, Кишварди, знаю...

– Ражден! Как по-твоему? Танк, в котором сидит твой парень, растет в саду на дереве?!

– Да что ты нам байки рассказываешь! Говори о деле! – раздались недовольные голоса.

– Скажу о деле! Стране нужен хлеб, нужно мясо! Любио и мчади нужны народу! Вы как думаете, зачем нас оставили здесь? Или мы стрелять не умеем? Да я за пояс заткну любого... как его... снайпера! Ан нет! Велели сидеть здесь, дома! Почему? Потому что мы сегодня нужны здесь! У войны ненасытный желудок, ох и ненасытный! И заполнить этот желудок должны мы с вами! Понятно это?

– Кишварди! Вот тебе нож – режь нам горло! Что мы, не работаем, что ли? – подал голос дядя Герасим.

– Я не про всех... Мужиками я доволен. И на баб я не в обиде... Однако есть отдельные лица...

– Назови, назови конкретно! – зашумело собрание.

Кишварди извлек из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его. В классе люди затаили дыхание. Кишварди долго всматривался в листок, потом ре-

шился:

– Где Амбако, где Кирилл, где Кикития, где Федосия Барамидзе и невестка ее Маквала?

– Ну-ка, Шакро, отвечай, где твоя мамаша и жена твоего брательника? – толкнул кто-то Шакро Барамидзе.

Тот встал, провел ладонью сперва по парте, потом по собственному лицу и нехотя ответил:

– В Батуми они... За сахаром...

– Ага, за сахаром? Архип, как давно ты видел сахар? – спросил Кескинэ.

– Видеть-то видел, да вот есть не приходилось! – улыбнулся Архип.

Шакро закашлялся, закрыл лицо руками.

– Что ты раскашлялся, точно Бегларов пес! – прикрикнул на него Зосим. – Скажи-ка лучше, зачем их в Батуми потянуло?

– Да они... У них там... В общем, они там достают сахар, а потом...

– А потом здесь продают втридорога, так, что ли? – спросил кто-то.

– Так...

– И это говорит сын про собственную мать! Язык надо вырвать у такого сына! – запричитала Машико.

– А что, мне за них садиться в тюрьму, да? – огрызнулся Шакро и сел.

– Никого я не собираюсь сажать в тюрьму! – продолжал

Кишварди. – Кому работа не по душе, пусть идет в лес, к Датиго, и ночует там с волками... Просить и упрашивать мы не намерены... Война только начинается, и никто за нас не стоит, кроме нас самих... Лукайя Поцхишвили, скажи что-нибудь!

С того дня, когда Лукайя узнал о гибели единственного сына, он словно онемел. Он выходил в поле до восхода солнца, работал за троих, возвращался домой после захода солнца, ложился под навесом и лежал, не двигаясь, до утра. Обрушья небо и разверзлись земля – Лукайя не моргнул бы даже глазом.

Сейчас, услышав свое имя, Лукайя вздрогнул от неожиданности, встал, подошел к столу, выпил воды и прохрипел: – Табаку...

Человек десять, сидевших за передними партами, полезли в карманы, и на столе выросла горка табака. Человек десять зашуршали газетами, и стол покрылся кусками бумаги. Человек десять зачиркали самодельными зажигалками, и комната наполнилась сладковатым запахом жженого трута. Лукайя дрожащими руками свернул толстую, с палец, сигарку, раскурил ее, глубоко затянулся. Лоб его покрылся испариной. Класс молчал.

– Я... Что я... – начал Лукайя. – Для меня война давно уже кончилась... Будь у Бога справедливость, я сейчас должен гнить в могиле... Но не берет Бог мою душу... Что ж, подожду... Накладывать на себя рук не стану... Всю свою

кровь обращаю в пот, все свои слезы обращаю в кровь – найдут они путь к костям моего мальчика... Так и буду жить, пока не свернем шею Гитлеру... Или я, или он... Вместе нам нет места на земле... Вот и весь мой сказ.

Собрание молчало. Лукайя сел и закрыл лицо руками.

– Пиши, Зосим! – встала вдруг бригадир Ксения.

Зосим вопросительно взглянул на председателя.

– Пиши, говорю! – повторила Ксения.

Председатель кивнул головой.

– Пиши! – продолжала Ксения. – Пусть померкнет свет в глазах того, кто без причины уйдет с работы! Пусть отсохнет у него рука и поразит его пуля в сердце!

– Ну и ну... – протянул Алпес Соселия.

– Вот тебе и ну! Кстати, говорю я это к твоему сведению! – огрызнулась Ксения.

– А что я! Работаю как вол, видят все! Мычать мне, что ли?

– Да, должен мычать!

– Записать это? – спросил Зосим.

– Послушайте, люди, чем сыпать здесь проклятиями, вы бы лучше поинтересовались, кто выдаивает наших коз! – вскочил Эдемика Горделадзе.

Я и Хатия похолодели.

– Я в Ксениных понуканиях не нуждаюсь, – продолжал Эдемика, – работаю на совесть! А тех, кто не работает, нет и на собрании!

– Об этом-то и речь! Это нас и интересует: где они? – встал Кишварди.

– Меня интересует, кто ворует наше молоко! – крикнул Эдемика.

– Правильно! – поддержали его Мака, Мина, Машико, Васаси и другие.

Народ заволновался, зашумел. Зосим вовсю стучал карандашом по колокольчику, но его никто не слушал.

– Да тише вы! – крикнул Кишварди. – Эдемика Горделадзе, о каких козах идет речь? Говори ясно!

– Я скажу про свою!

– И про мою скажи! – попросила Мина.

– Пусть каждый заботится о своей козе! – бросил кто-то реплику.

– Правильно! Слово предоставляется козе... то есть Эдемике! Выходи, Эдемика!

– Я скажу с места!

– Ну, начинай!

– Не знаю даже, с чего начать...

– С хвоста, Эдемика!

Эдемика почесал в затылке, потом посмотрел на меня. Я не выдержал его взгляда, потупился. Эдемика покачал головой: дескать, попляшешь ты у меня, – и глубокомысленно изрек:

– Соседи! Коза – это вам не корова!

– А ты почему знаешь? – спросил недоверчиво Бежана.

В комнате захохотали.

– Кишварди, скажи этому дуралею, пусть заткнет глотку, иначе я отказываюсь говорить! – обратился Эдемика к президиуму.

– Бежана! Еще одно слово, и я выведу тебя! – предупредил председатель Бежану.

Тот прикрыл рот рукой и обратился в слух.

Эдемика продолжал:

– Моя коза – вы знаете ее, она хромает на заднюю ногу – в день дает две бутылки молока...

– И тебе не стыдно эксплуатировать козу-инвалида? – спросил кто-то.

– Ногу ей сломал не я, а молоко одинаковое у всех коз... Я продолжаю. Дает, значит, она две бутылки молока: одну – утром, вторую – вечером... Что же теперь получается? Утром я надаиваю одну бутылку, а вечером коза возвращается без молока! То есть бутылка молока пропадает! А что такое бутылка молока? Это все равно что бутылка крови! Так говорит наш врач.

– Ну, послушать нашего врача, так один королек⁵² равен двум яйцам, а два королька – одной курице... – сказал Виссарион.

– А что, разве не так? – набросился на него Эдемика.

– Так, конечно. Вот я посадил у себя одно корольковое дерево, и теперь не нужны мне ни куры, ни курятник... При-

⁵² *Королек* – разновидность хурмы.

дет гость – подам ему вместо курицы королек!

– Я не знаю, кому что ты подашь, но бутылка молока – это, по крайней мере, полбутылки крови! – сбавил Эдемика.

– Уступи еще немного! – крикнул кто-то.

– Не могу! Это установлено наукой! – заупрямился Эдемика.

– Скажи в конце концов, кто отнимает у твоей козы эти полбутылки крови? – не вытерпел Зосим.

– Не у козы, а у меня! У меня этот негодяй высасывает кровь! – взорвался Эдемика, ударив себя в грудь. Он подошел к столу, схватил графин с водой, отпил несколько глотков, хотел еще раз ударить себя, но Зосим перехватил его руку, опустил ее и обратился к собранию:

– Кто еще среди вас пострадавший?

– Я! Я! Я!.. – повскакали с мест Мина, Мака, Машико и Васаси.

– Пострадавшие пусть крикнут «мэ-е-е!» – предложил Бежана.

В комнате опять поднялся хохот.

– Слышишь, Кишварди? Он еще и издевается над нами! – побагровел Эдемика.

– Бежана! Выгоню тебя вон! – пригрозил председатель. Бежана затаил дыхание. Председатель жестом велел Зосиму продолжать.

– Сколько литров крови дает твоя коза, Мина?

– Четыре!

– Твоя, Машико?

– Моя – три.

– Твоя, Мака?

– Моя – всего литр, она беременна...

– Твоя, Васаси?

– Два!

– Сколько же это получается? Четыре, да три, да один, да два, да еще Эдемиковых два...

– Двенадцать! – крикнул колхозный бухгалтер.

– Раздели теперь двенадцать на два!

– Это еще почему? – насторожился Эдемика.

– Потому! Половину-то молока берете сами?

– Берем...

– Ну вот... Следовательно, в чем заключается задача?

– Узнать, чем доятся козы – кровью или молоком! – ответил за всех Бежана.

– Заткнись, олух! Задача заключается в том, чтобы определить, кто выдаивает чужих коз!

Грянули аплодисменты.

– Нечего тут определять и устанавливать! Мне все известно! – заявил Эдемика.

– Ну так говори, черт!

– Я бы сказал, да неудобно... – и Эдемика искоса взглянул на тетю.

– Говори, Эдемика! – проговорила побледневшая тетя.

– Кето, ты знаешь, ради тебя я готов идти в огонь и в во-

ду... – сказал, запинаясь, Эдемика, – но если я промолчу, будет хуже для твоего мальчика...

В классе наступила напряженная тишина. Все повернулись ко мне и вдруг зашумели:

– Врешь, бессовестный!

– Кто тебе поверит!

– Сам лопает молоко, а сваливает на других!

– Садись, Эдемика, и молчи!

– Докажи, что это так!

– Погодите, люди! Дайте ему досказать!.. Говори, Эдемика, что тебе известно? – сказала спокойно тетя.

– Мне, дорогая Кето, известно одно: пришел как-то ко мне утром Сосойя, с ним была и Хатия... – Эдемика взглянул на Хатиго. Она сидела не двигаясь и улыбалась. – Попросили они у меня козье молоко, сказали – для больного... Я отказал им. А вечером моя коза вернулась с пустым выменем... Дети в тот день побывали и у Маки, и у Машико, и их козы также пришли домой выдоенными... Так продолжается вот уже неделя... Правду я говорю, женщины? Отвечайте!

Но женщины молчали. Молчали все – то ли от неожиданности, то ли из-за уважения к тете.

– Да врет он! – встал вдруг Бежана. – Сочиняет все! При чем тут Сосойя и Хатия? Коз выдаиваю я!

– Записать? – спросил растерявшийся Зосим.

Председатель кивнул.

– А что мне остается делать? В колхозе я не состою, трудо-

дней не вырабатываю... А насчет того, что, мол, кто не работает, тот не ест, неправда это! Козы ведь тоже не работают в колхозе, однако жрут дай бог! Надо мне кушать или нет? Вот я и стал выдаивать коз! Вот так! – Бежана засунул в рот оба больших пальца. – Сказал ведь сегодня наш председатель, что у войны ненасытное брюхо? У меня тоже есть брюхо, и тоже ненасытное. И я стараюсь наполнить его... Правда, козье молоко без соли – не очень вкусно, но что поделаешь... А ты, Эдемика, повесил бы своей козе вместо дурацкого колокольчика кусок мчади и щепотку соли, было бы лучше... И не приставайте, ради бога, ко мне – как, да почему, да по какому праву я выдаиваю ваших коз! Ничего вы со мной не сделаете – я сумасшедший! Я даже в выборах не участвую! Понятно? Если вы не отстанете от меня, я начну бушевать, вам же будет хуже! А ты, Эдемика, встань и держи ответ за клеветничество, за оскорбление неповинных детей! Вот так!

Огорошенный Эдемика не нашелся что ответить. Молчали и соседи.

– Ты закончил, Бежана? – нарушила тишину тетя.

– Ну так садись...

– Да, дорогая Кето! – улыбнулся ей Бежана.

Бежана, подмигнув мне, сел. Тетя встала и глухо заговорила:

– Простите меня, соседи! Это я во всем виновата. Сосо и Хатия каждый день приносили молоко и говорили, что это от соседей. Я верила им... А молоко действительно нужно было

для раненого... Бежана нашел его в плантации и приволок к нам – голодного, полумертвого... Благодаря вашему молоку и заботам Аквиринэ нам удалось выходить человека... Простите меня, соседи... Я постараюсь отплатить добром...

Тут вскочил Эдемика и, задыхаясь от волнения, набросился на меня:

– Что же это ты опозорил меня, Сосойя, перед честным народом? Сделал меня посмешищем? Сказал бы, сукин ты сын, в чем дело, да я бы подарил тебе эту проклятую козу! Что мне теперь делать! Бежана и тот смеется надо мной! Эх ты, Сосойя!..

– Сосойя Мамаладзе! Встань и доложи собранию, как было дело! Мы-то уверены, что на дурной поступок ты не способен! – сказал мне с улыбкой Кишварди.

Я встал, подошел к столу.

– Дядя Кишварди, дядя Эдемика... Я и Хатия... Дядя Эдемика... Клянусь памятью матери... Мы не выпили ни одной капли того молока...

У меня потемнело в глазах, люди стали двоиться, к горлу подступил горький комок... Потом комната исчезла... Кто-то подошел ко мне, обнял. Я прислонился головой к его плечам и тихо заплакал...

Вдруг дверь с шумом распахнулась и в комнату ворвался наш сельский почтальон Коция с огромной сумкой за плечом. Он еле стоял на ногах. Натыкаясь на стены, он с трудом добрался до стола, оперся на него руками, расставил ноги и

окинул собрание мутным взглядом.

– Что, боитесь смотреть мне в глаза? – произнес он заплетаящимся языком.

– Здравствуй, Коция! – приветствовал его дядя Герасим.

– Здравствуй! Где председатель? – спросил Коция стоявшего рядом Кишварди.

– Вот же я, не узнаешь меня? – Кишварди хлопнул почтальона по плечу.

– Ты – Кишварди? Ну да, узнал! Это ты меня назначил почтальоном?

– Я!

– Коли так, открывай собрание!

– Да оно уже открыто, Коция!

– Тогда дай мне слово!

– Ишь ты, чего захотел! Да облейте его водой! Где это он так налился? – рассердилась Ксения.

– Требую слова! – настаивал почтальон.

– Какое еще слово, Коция, кончилось собрание!

– Дайте слово! Прошу вас! – обратился Коция к народу.

– Налей ему, Кишварди!

– Дали же говорить мне? Теперь пусть скажет он! Сейчас он сумасшедший вроде меня! – крикнул Бежана.

– Говори, Коция! – разрешил председатель.

Почтальон поклонился ему в знак благодарности и повернулся лицом к собравшимся.

– Кто начал войну? – выпалил вдруг он.

Люди остолбенели.

– Я вас спрашиваю, кто начал войну?

– Войну начал Гитлер, Коция! Или ты обвиняешь нас? – сказал кто-то.

– Неправда! Войну начал не Гитлер!

– Геббельс!

– Нет!

– Геринг!

– Нет!

– А кто же? Бежана, что ли?

– Война у нас началась с меня, с моего сообщения, безбожники вы этикие... – прошептал Коция.

– Люди, мы погибли! Что скажет правительство, когда узнает, что у нас почтальоном работает Гитлер, а председатель начисляет ему трудодни! – крикнул Бежана.

В комнате раздался хохот. Коция подождал, пока успокоится народ, и продолжал:

– Да, соседи, войну начал я!..

– Хватит тебе валять дурака! – подал голос Эдемика. – За такое преступление – расстрел!

– Не верите? Хорошо!.. Кесария Соселия, встань, если ты здесь!

– Здесь я, Коция! – встала побледневшая вдруг Кесария. – Что... что ты хочешь сказать мне?..

– От кого ты впервые узнала о начале войны? Скажи честно, Кесария!

– Да ты при чем? Не ты, сказал бы другой...

– Садись, Кесария!.. Лукайя Поцхишвили! Кто сообщил тебе о гибели твоего мальчика? Не я ли, отсохни мой язык?! Отвечай! Евгений! Кто принес тебе похоронную на твоего сына? Кто? Я! Я! Я! – голос у почтальона сорвался.

Мне захотелось кричать, выть, плакать, и, чтобы не дать волю охватившему меня чувству, я плотно прикрыл рот обеими руками. Люди вокруг молчали, словно навалившаяся вдруг на них тяжесть лишила их дара речи.

Отдышавшись, Коция продолжал:

– Зачем я должен смотреть на ваши слезы?.. Зачем мне жизнь, если сосед боится увидеть меня?.. Не хочу! Не хочу быть почтальоном! Слышите, вы?! Побойся Бога, Кишварди! Мой мальчик ведь тоже на фронте! Пожалейте меня! Сжался хоть ты надо мною, Господи! Спускайся сюда и сам раздавай людям эти проклятые бумаги! Ты Бог, ты вынесешь все! А я всего лишь простой смертный, и нет больше моих сил! Ты создал этот мир, ты и неси ношу эту! А меня избавь! Хватит с меня! – Коция снял сумку и поднял ее вверх. – Слышишь меня, Господи? Хватит с меня! – Он изо всех сил шмякнул сумкой об стол. Посыпались треугольники писем, газеты, журналы, несколько конвертов с напечатанными адресами. Коция с минуту пристально вглядывался в эти конверты, которых народ боялся как чумы, потом сел, уронил голову на стол и разрыдался.

Я был уверен, что люди, с нетерпением ожидавшие каж-

дой весточки с фронта, бросятся к столу, разберут все эти письма и конверты, чтобы здесь же, сейчас же узнать о приготовленной им судьбой радости или горе. Однако произошло непонятное: застывшие от ужаса женщины и мужчины вставали, чинно, как на панихиде, обходили стол и молча покидали комнату, словно в ней находился покрытый саваном покойник, которого оплакивал почтальон Коция.

Было раннее утро. Наш больной сидел на балконе и, глядя в надтреснутое зеркало, намыливал щеки. Я стоял тут же и правил на старом ремне бритву, а тетя зашивала мои много-страдальные изодранные за день брюки.

– Доброе утро, Кето! – к балкону подошла Мина с небольшой корзинкой в руке.

– Утро доброе, Мина!

– Это и есть ваш больной? Здравствуйте, батоно, как вы себя чувствуете? – обратилась Мина к русскому. Тот улыбкой поблагодарил женщину и выразительно взглянул на меня – выручай, мол. – Хороший, видать, парень! – сказала Мина, потом спохватилась, достала из корзины бутылку с молоком и поставила ее на лестнице. – Не обижайся, Кето, на большее моей козы не хватило!

Не успела тетя опомниться, как Мина повернулась и ушла.

Спустя минуту во двор сломя голову вбежал внук Эдеми-ки Роман.

– Тетя Кето, это прислал дедушка для вашего больного солдата! Вот! – он поставил на лестнице бутылку. – До сви-

дания! — и мальчик ускакал.

Целый час сидел на балконе с намыленными щеками наш больной и с разинутым от удивления ртом смотрел, как во двор один за другим входили соседи, улыбаясь и кивая головой говорили ему какие-то непонятные слова, ставили на лестнице бутылки с молоком и, все так же улыбаясь, уходили.

Последним пожаловал Бежана. Взглянув на батарею бутылок, он ничуть не удивился, лишь озабоченно сказал тете:

— Где бы нам достать хорошую закваску? Получится отменный сыр!

Анатолий

У нашего больного оказались красивое имя – Анатолий и царская фамилия Романов. Но все село, кроме меня, тети и Хатии, называло его по-прежнему – Сосоин русский.

Однажды утром, почувствовав себя окрепшим, Анатолий попросил свою одежду. Тетя вынесла ему выстиранное и выглаженное обмундирование и вышла из комнаты. Ничего не подозревая, я помог Анатолию умыться, подал полотенце, гребенку. Когда же он оделся, обулся, подошел ко мне, обнял, потрепал по щеке и поцеловал в лоб, – я все понял. Я выскочил на балкон и заорал:

– Тетя! Иди сюда, тетя!

Прибежала перепуганная тетя.

– Что случилось, Сосой?

– Он уходит!

– Кто?

– Анатолий уходит, тетя!

– Как уходит? Куда? – тетя оглянулась на дверь.

Свежевыбритый, причесанный, похорошевший Анатолий стоял в дверях и неловко улыбался.

Тетя поднялась на балкон.

– Что вы надумали, Анатолий?

– Пора мне, хозяйюшка!.. Чувствую себя, слава богу, хорошо. А вам сердечная благодарность за все! Спасибо всем,

вам – особенно! Никогда не забуду вас!.. Извините меня за причиненные хлопоты... До свидания, дорогая!

Анатолий протянул руку, тетя пожала ее. Так они стояли, молча глядя друг на друга. Наконец Анатолий повернулся ко мне:

– А ты проводи меня, Сосо!

Он спустился по лестнице и не спеша, размеренными шагами направился к калитке. Я и тетя не двигались с места. Подойдя к калитке, Анатолий ухватился за колья, приподнялся да так и остался с занесенной над порогом ногой – переступить его не смог. Он обернулся, посмотрел на нас с виноватой улыбкой и присел на пороге. Я и тетя подошли к нему.

– Не хватило пороху... – проговорил Анатолий.

– Вы еще слабы, – сказала тетя, – и потом, куда вы идете, к кому? Оставайтесь у нас! Не стесняйтесь! Будем делиться, чем бог послал... Месяц, два, а там видно будет...

Анатолий не отвечал.

Тетя взяла меня за руку, и мы вернулись в дом. Тетя прошла в комнату, я остался на балконе. Анатолий еще некоторое время сидел на пороге калитки, потом встал и медленно побрел обратно...

...Спустя несколько дней, вернувшись из школы, я и тетя заметили в нашем хозяйстве странные изменения: дрова были наколоты, повалившийся плетень выглядел как новый, все прогнившие столбики в винограднике заменены. С то-

го дня и началось... Анатолий нашел себя... У него в руках спорилась любая работа. Благодаря его заботам наш виноградник стал лучшим во всем селе. Единственное, чему он так и не сумел научиться, – мотыжить кукурузу... Вскоре он стал появляться и на колхозном дворе, на плантациях, в поле... Полюбил Анатолий наше село, его людей. Все его интересовало, ко всему он приглядывался. Он безошибочно определял дома фронтовиков, приходил туда и, ни к кому не обращаясь, сам находил для себя работу.

– Сосойя, – спрашивала меня удивленная хозяйка, – как мне быть? Заплатить ему деньгами или как?

– Не смей и заикаться об этом! Разнесет в щепки весь дом! Он ведь контуженый! – пугал я растерявшуюся вконец женщину.

– Ради бога, не оставляй его одного! Разбушует, чего доброго, не свяжешь его! – просила она.

Я пересказывал Анатолию наш разговор, и он хохотал до упаду.

Объясняться с сельчанами Анатолию было трудновато, и потому он не отпускал меня от себя ни на шаг. Особой разговорчивостью Анатолий не отличался, спрашивали – отвечал коротко, но он был первым человеком, возвратившимся с фронта, и поэтому от желающих поговорить с ним не было отбоя. Его спрашивали о положении на фронте, о вооружении нашей армии, о планах Гитлера, о событиях во всем мире, и, хотя Анатолий не мог знать ничего сверх того, о чем

сообщалось в прессе и по радио, к каждому его слову прислушивались с огромным интересом.

Когда я и Анатолий впервые прошли по селу, за нами увязалась целая орава ребят.

– Сосойя, он герой?

– А то нет?!

– Сколько он убил немцев?

– Миллион!

– А ты взаправду с ним по-русски разговариваешь или обманываешь нас?

– Обманываю!

– А стреляет он хорошо?

– Птичку сбивает на лету!

– В зяблика попадет?

– С двадцати шагов в глаз!

– А в кольцо?

– В самое отверстие!

– Ух! Вот молодец!

Когда Анатолий впервые увидел вывешенное на балконе Лукайи Поцхишвили черное полотно с бронзовыми буквами, он удивленно посмотрел на меня:

– Что это такое, Сосо?

– Сын у него погиб на фронте...

– Ну?

– Ну, здесь написано, что они оплакивают безвременно погибшего сына Кукури...

Анатолий промолчал. Потом он стал останавливаться у каждого дома с такой же траурной лентой и хмуро разглядывать буквы, выведенные неумелой рукой, но с невероятной любовью и старанием.

Мы вернулись домой поздно вечером.

– Где вы пропадали целый день? – спросила за ужином тетя.

– Осматривали село, – ответил я.

– И что же, понравилось? – обратилась тетя к Анатолию.

– Нет! – покачал он головой.

– Что ты ему показал, Сосойя?

– А ничего. Он ходил и рассматривал траурные надписи...

– Тяжело... – вздохнула тетя.

– Много! – сказал Анатолий. – Тринадцать!

– Много...

Рыбалка

После преобразования, когда вода в Супсе становится холодной как лед, усач и сельдь залегают на спячку. Они разыскивают в реке пустотелый валун покрупнее, забираются туда и до самой мартовской оттепели лежат без движения, тесно прижавшись друг к другу. Об этой рыбьей повадке известно каждому сельскому мальчику и конечно же мне. Есть у меня на примете и соответствующее место на реке. Называется оно Напицара. Здесь с незапамятных времен лежит в воде огромный замшелый валун – «чертов камень». Летом мы с утра до вечера лежим на этом камне, загораем, прыгаем с него в глубокий, темный омут, который образует здесь Супса. Но сейчас не время для купаний. Сейчас мы ищем рыбу. Я лежу в ледяной воде у «чертова камня», дрожа всем телом, лязгая зубами. Одной рукой я прикрываю отверстие в камне, другую просовываю туда по самое плечо.

На берегу сидит Хатия, тут же Анатолий разводит костер, а Бежана сидит на корточках у самой воды и поучает меня.

– Есть рыба, Сосойя?

Я киваю головой.

– Сельдь или усач?

– Усач!

– Хватай за усы! Да пощекочи его! Усач что твой поросенок, любит, когда его щекочут!.. Смотри, Сосойя, просту-

дишься! Посинел весь! Вылезай, согрейся маленько!

– Отстань, Бежана!

– Много рыбы?

– Много, много, отстань!

– Хватит всем? Ее ведь надо разделить на четыре части!..

Я киваю.

– А то, помнишь, третьего дня ты надул меня! Отдал каких-то жалких головастиков! Смотри у меня! – предупреждает Бежана.

Есть! Попался наконец! Я хватаю здоровенного усача, глажу его по животу. Рыба ложится на бок. Пальцами нащупываю жабры, вытаскиваю ее и крепко стискиваю зубами его голову. Усач извивается, больно бьет меня хвостом по лицу, но я терплю. Я тащу второго усача, потом обоих кидаю на берег и вновь погружаюсь в воду по грудь. Рыбы много! Я с трудом выволакиваю из камня третьего, четвертого, пятого усача. Некоторым удастся бежать – они быстро зарываются носом в песок и исчезают. Но ничего, на нас хватит!

Я выхожу на берег.

Хатия выбрала из кучи самого крупного усача, поднесла его к уху и прислушалась. Рыба бьется у нее в руке, разевает рот, задыхается.

– Что она говорит, Хатия? – спросил Бежана и принялся зубами сдирать кожуру с ивового прута – нанизывать на него свою долю рыбы.

– Отпусти, говорит, меня! – ответила Хатия.

– Если б ты видела, как она жалко разевает рот, не стала бы мучить ее!

Хатия встала, подошла к реке, и не успел я схватить ее за руку, как усач оказался в воде.

– Ты что, обалдела? – набросился я на Хатию, но было уже поздно. Усача и след простыл, а Хатия стояла и улыбалась. – Чего ты зубы скалишь, дура?! Поди попробуй, каково лежать битый час в ледяной воде!

– Иди к огню! – позвал меня Анатолий.

Я присел у костра. Подошла Хатия, села рядом со мной и нежно погладила рукой по спине.

– Холодно? – спросила она.

– А то нет? – ответил я грубо и придвинулся к огню.

Спустя минуту я взглянул на Хатию, и сердце мое больно сжалось: она сидела опустив голову, с обиженно надутыми губами, из глаз ее капали слезы.

– Погладь еще, Хатия, у тебя теплая рука! – попросил я.

Хатия тотчас же повернулась ко мне, положила руки мне на спину и медленно провела ими сверху вниз. Я сидел затаив дыхание и чувствовал, как по всему моему телу разливается приятное тепло.

– Хватит, теперь одевайся! – сказала Хатия и подложила мокрые руки себе под мышки. Поддавшись охватившему вдруг меня сильному, как никогда, желанию, я нагнулся к Хатии, стиснул ладонями ее головку, привлек к себе и поцеловал в уголок губ. Она вытерла губы тыльной стороной ла-

дони и покраснела.

– Помирились? Ну и отлично! А теперь давайте делить рыбу! – сказал Бежана.

Я быстро оделся, и мы приступили к дележу.

– Это – тебе! – и я положил перед Бежаной крупного уса-
ча.

– Нет, не так! – возразил он. – Сперва разделим всю рыбу на четыре части, а потом бросим жребий – кому какую часть!

– Не надо никакого жребия, не бойся, не обманем тебя.

– Ну ладно, только не обманывай! У меня желудок вдвое больше твоего, надо же мне жрать? Сумасшедшие всегда едят больше нормальных людей! Так что не обманывайте меня!

– Как же, обманешь тебя! Да ты умнее всех нас! – сказала Хатия.

– Если я умнее тебя, это еще не значит, что я нормальный... А ты бы помолчала! Тебе вообще ничего не полагается! Какого усаца она выпустила, а? – обратился Бежана ко мне, с сожалением качая головой.

– Так вот, – продолжал я, – это – тебе, это – Хатии, это – мне, это – Анатолию.

– Даешь ей все же, да? – пробормотал недовольно Бежана.

– Бежана, замолчи, а то останешься без рыбы! – пригрозил я.

Бежана двумя пальцами схватил себя за горло, скроил жалкую рожу и умолк.

- Это – Бежане, это – Хатии, это – мне, это – Анатолию...
- Ты кого обманываешь, бичо! – подскочил вдруг Бежана.
- В чем дело, Бежана?
- Почему ты отдаешь рыбу Сосоину русскому?
- Как это – почему?
- Вот именно – почему? Я, дорогой мой Сосойя, сумасшедший, но не дурак!
- Что с тобой, Бежана?
- Слушай! Хатия – отдельная семья, я – отдельная семья, ты – тоже, а этот русский? Разве у него есть своя семья?
- Нет.
- Он ведь живет с вами?
- Живет.
- Значит, вам вдвоем полагается одна доля!
- Ошибаешься, Бежана!
- Так вы же живете вместе!
- Жить-то живем вместе, но кушает ведь он сам, собственным ртом!

Бежана призадумался, почесал в затылке, потом рассмеялся:

- Об этом я не подумал!

Анатолий, не понимавший слов Бежаны, видно, догадался, о чем тот толкует. Он стал со смехом передавать Бежане свою рыбу:

- Бери, бери, Бежана! Ешь на здоровье!
- Бежана, не стыдно тебе? – сказала укоризненно Хатия.

Бежана смутился.

– Стыдно, конечно, стыдно! – Он отложил обратно Анатолину долю рыбы и добавил: – Ты что, Сосоин русский, шуток не понимаешь? Это твоя рыба, бери ее! Твоя, понимаешь?

Анатолий кивнул головой.

– Продолжаю: это – Бежане, это – Хатии, это...

– Здравствуйте! – раздался вдруг чей-то голос, и на нас упала тень. Мы втроем подняли головы и вскочили от неожиданности. На большом камне стоял заросший загорелый мужчина в пиджаке с перекинутой через плечо винтовкой. Я узнал бригадира Датико. – Здравствуйте! – повторил он, спрыгнул с камня и подошел к нам.

– Датико-бригадиру привет! – осклабился Бежана, протягивая руку.

Датико не обратил на него внимания.

– Ты что, Сосойя, разучился здороваться?

– Здравствуй! – буркнул я и стал нанизывать на прут рыбы.

– А ты, девчонка?

– Я не вижу, не узнала, кто ты! – ответила Хатия равнодушно.

– Тогда, ночью, небось хорошо узнала!

Хатия не ответила.

– А этот? Кто он такой? – спросил Датико меня.

– Это Сосоин русский! – ответил Бежана.

– А-а-а... Это он, да?

– Он!

Датико не сводил глаз с Анатолия.

– В чем дело, Сосо? Здесь нельзя ловить рыбу? – спросил меня Анатолий, который принял Датико за лесничего.

– Да нет... Он спрашивает про тебя...

– А кто он?

– Он? Так, никто...

– Что он говорит, бичо?

– Спросил, кто ты такой.

– Что ты ответил?

– Что я могу ответить? Скажи мне, кто ты есть, и я отвечу...

Датико опешил. Подумав немного, он проговорил:

– Не его это дело...

– Скажи, что ты выполняешь правительственное задание, а то он принимает тебя за дезертира! – вмешался Бежана.

– Заткнись, болван! – прикрикнул на него Датико.

Бежана пожал плечами.

– Дайте закурить! – потребовал Датико.

– Нет у меня! – отрезал я, хотя еще утром набил себе карман табаком.

– Что он говорит? – спросил Анатолий.

– Просит закурить.

– Так дай ему, есть ведь у тебя табак!

– Для него – нету!

– Дай, дай! – толкнул меня Анатолий.

– Сосойя, дай закурить, говорю тебе! – прохрипел Датико.
– Дай! – попросила Хатия.

Я достал из кармана табак, протянул Датико. Он быстро свернул сигарку, прикурил от головешки, глубоко затянулся несколько раз и сказал как бы про себя:

– Значит, это и есть ваш русский?.. Остался, значит, с вами? Кето его оставила?.. И ты его зовешь дядей, да?

– Шел бы ты своей дорогой! Вот пристал!

– На селе так и говорят: Сосойя, мол, на собственной спине приволок домой дядю! – съязвил Датико.

– Слушай! Катись-ка ты отсюда! – Я встал.

Анатолий внимательно присматривался к нам.

– Да, так и говорят: Сосойя нашел бугая для своей тетки! – продолжал Датико.

Я подскочил к Датико, и тут же сильный толчок в грудь опрокинул меня навзничь. Анатолий подбежал ко мне, поднял на ноги.

– Кто этот человек, Сосо? – спросил он.

– Кто? Вор, бродяга, дезертир! Не видишь разве! – Меня душили слезы.

– Уходи! – сказал Анатолий Датико вполголоса.

Тот, будто не расслышав, продолжал:

– Думали, сдохнет Датико без вас? Отвернулись от меня! Да нужны вы мне, как... Иди донеси на меня! Чего ты ждешь? Плевать я хотел на вашу милицию и вашу безопасность! Передай Володьке Джаши и Бадри Гугуа: не снести

им головы, если не перестанут гоняться за мной! И вы все, берегитесь все! Не доводите меня до бешенства! Иначе запылают ваши дома, слово Датико!..

– Наступит зима, выйдешь из леса! А нет, так сдохнешь с голоду!

– Не дожدهшься моей смерти! А тетке своей передай: или прогонит она этого русского пришельца, или умоюсь я его кровью! Так и передай!

– Что это он? Про меня, что ли? – спросил Анатолий.

– Про тебя и про тетю.

– Какое ему до нас дело?

– Что он болтает, бичо?

– Он говорит, что ты бездельник, и велит тебе убираться отсюда! Вот что он говорит!

Датико посерел, и глаза его налились кровью. Он медленно приблизился к Анатолию.

– Послушай, что я тебе скажу... Уйди ты с моей дороги! Не видать тебе Кето как собственных ушей, понятно? Она моя. А не уйдешь, так пеняй на себя! Супса окрасится твоей кровью, понятно?!..

Анатолий вопросительно взглянул на меня.

– Он говорит, что любит тетю Кето, и грозитя убить тебя, если ты не уйдешь!

Анатолий рассмеялся.

– Во-первых, я не боюсь этого индюка, во-вторых, Кето я ни у кого не отбираю, в-третьих, уходить отсюда я не соби-

раюсь, мне здесь очень нравится...

Датико весь напрягся в ожидании перевода сказанного.

Я начал:

– Я и Кето, говорит, любим друг друга, и никуда отсюда я не уйду. И Кето, говорит, не пара такому бродяге, как ты. Не я, говорит, а ты сам убирайся отсюда...

Датико не дослушал меня. Он снял с плеча винтовку, взвел курок и стал надвигаться на Анатолия. Тот не сдвинулся с места.

– Стой, Датико! – крикнул я. – Я обманул тебя!

Но Датико был невменяем. Он подошел к Анатолию вплотную. Ноздри его раздувались, глаза сузились, он тяжело дышал.

– Опустите ружье! – сказал Анатолий спокойно.

– Повтори, что ты сказал!

– Опустите ружье!

– Убью! – прошипел Датико, и я понял, что он действительно убьет его.

– Уйди, Анатолий! – попросил я.

– Сосоин русский, иди сюда! – повторил Бежана.

Анатолий не двигался. Тогда Бежана сорвался с места и заслонил собой Анатолия.

– Ты что надумал, Датико? С каким трудом мы спасли человека, сколько на него ушло ворованного козьего молока, а ты хочешь теперь убить его? Хе-хе, шутишь, брат!

Но Датико не шутил.

– Эй, ты, тронутый! Сгинь отсюда, иначе прихлопну тебя, а скажут, что я убил человека! – Он дулом винтовки отстранил Бежану и вновь оказался лицом к лицу с Анатолием.

– Опустит, говорю, ружье! – крикнул вдруг Анатолий, схватил винтовку за дуло и быстрым движением вырвал ее из рук Датико. Ружье отлетело на несколько шагов. Не дав Датико опомниться, Анатолий потянулся к винтовке, но тут же Датико схватил его за руки, сжал, привлек к себе.

Анатолий постарался вырваться из объятий Датико, но не смог. Датико ловкой подсечкой сбил его с ног, навалился на него и закатил сильную оплеуху. Анатолий плюнул ему в лицо. Датико взвыл и ударил Анатолия кулаком по лицу. Из носа Анатолия хлынула кровь, и он еще раз плюнул в лицо Датико кровью. Взбешенный Датико выхватил нож.

– Что ты делаешь, негодяй! – заорал Бежана, бросился к дерущимся, схватил Датико своими медвежьими лапами, сильно встряхнул, опрокинул и вцепился ему в горло.

Лицо Датико посинело, глаза выкатились. Я и Анатолий кинулись было к Бежане, но он вдруг вскрикнул, потом застонал, разжал руки, встал и застыл на месте с открытым ртом и расширенными глазами. Потом он медленно поднес руки к животу, согнулся и сделал несколько шатающихся шагов в сторону. Датико вскочил, подобрал ружье. В правой его руке мы увидели окровавленный нож и поняли все. Датико уже не угрожал нам, он растерянно смотрел то на нас, то на Бежану. Бежана повернулся, поднес руки к лицу – они были

в крови. Тогда он выпрямился и, улыбаясь странной улыбкой, пошел на Датико. Тот попятился назад.

– Убил меня, бригадир? – чуть слышно проговорил Бежана.

Датико вздрогнул, остановился, потом крикнул что-то нечленораздельное и бросился к лесу.

Бежана поморщился и снова схватился за живот. Я и Анатолий подбежали к нему, обняли.

– Что с тобой, Бежана?

– О-о, внутренности горят!

– Хатия, помоги! – крикнул я.

Бедная девочка, не видя ничего, но понимая, что происходит что-то страшное, приблизилась к нам.

– Сосо... Что здесь случилось? – спросила она, и голос ее дрогнул.

– Садись, Хатия!

Она покорно села.

Я и Анатолий осторожно уложили Бежану на песок так, что голова его покоилась на коленях Хатии. Она погладила рукой покрывшийся испариной лоб Бежаны. Бежана не отрывал рук от живота. Сквозь его пальцы сочилась кровь.

– Сосо, что случилось? – повторила Хатия.

Я не ответил, меня душили слезы.

– Убил меня Датико, моя девочка! – простонал Бежана.

Я припал к его груди и громко заплакал.

– Ну, ну, ты что, дурачок! Сейчас все пройдет! – сказал

Бежана.

– Помоги мне, Сосо! – Анатолий опустился на колени перед Бежаной. – Подсоби-ка мне поднять его на спину! Надо спешить домой!

– Что говорит твой русский, Сосойя? – спросил Бежана.

– Хочет взять тебя домой, – ответил я рыдая.

– А-а-а, долг платежом красен... Но для Бежаны все одно – умереть здесь или дома... Погодите, дайте мне вздохнуть... Может, утихнет боль... Вот сволочь, убил-таки меня...

– Я виноват во всем! – сказал Анатолий и принялся разрывать свою сорочку.

– Что он сказал, Сосойя?

– Я, говорит, виноват...

– Не смей и думать, Сосоин русский! Ты при чем? Бандит для того и носит нож и ружье, чтобы пустить их в ход. Потому что он боится. Разве он справился бы со мной без ножа? То-то... Ты не горюй. Если я останусь жив, напляшется он у меня, ох и напляшется! А нет, так... Что ж, пусть бродит по лесу голодным шакалом... А моя смерть не такое уж важное событие. Одним ртом на селе станет меньше... – Бежана сомкнул веки.

– Бежана! – крикнул я. – Не умирай, Бежана!

– Молчи, Сосойя!..

– Это я убил тебя, Бежана, я! Это я его разозлил!

– Вот еще! Нашелся убийца!.. Ты думаешь, он хотел

убить? Нет, это страх его заставил поднять нож! Вот и боль прошла. Теперь у меня шумит в голове, и ноги... Ног я не чувствую...

Приподняв халат на животе Бежаны, Анатолий туго перевязал ему рану.

– А ты что делаешь, девочка? – взглянул Бежана на Хатию. Хатия плакала, и слезы ее капали на лоб Бежаны.

– Сосойя, уйми девочку и перестань сам скулить. Взгляните-ка на солнце. Вот оно скоро спустится за горой Концхоула, и наступит ночь. А завтра оно поднимется из-за Суреби, и настанет день. День настанет для всех. Даже для того бандита. А для меня уже никогда не будет ни солнца, ни дня... Ты видишь солнце, Хатия?

– Вижу, Бежана, вижу!.. – Хатия заплакала громко.

– Не плачь, детка... Это хорошо, если ты видишь солнце. Дай бог тебе, всем вам здоровья. Я оставляю вам свою долю и солнца, и воздуха. И свою рыбу тоже. Зачем я спорил с вами? Ведь все равно мы съели бы все вместе. Вот только свою долю земли я возьму с собой... А он-то зачем плачет? Зачем плачет твой русский, Сосойя? Холодно мне, и пить хочется. Дай напиться, Сосойя!..

– Нельзя тебе пить, Бежана! Потерпи немного, придем домой, вылечит тебя бабушка Аквиринэ, тогда и пей, сколько тебе захочется.

– Сосойя, дай перед смертью испить глоток нашей супсинской воды. Мне теперь все можно...

Бежана часто задышал. Я испуганно взглянул на Анатолия.

– Он просит пить, что делать?

Анатолий встал, зачерпнул ладонями воду из реки и дал напиться Бежане.

– Что ты делаешь? Нельзя ему!

– Вот спасибо тебе! – поблагодарил Бежана Анатолия. – Твой русский умнее тебя, Сосойя, знает он, что теперь мне ничем уже не помочь... – Он вдруг привстал и пристально посмотрел на меня. – Сосойя, где ты?

– Здесь я, Бежана, не видишь разве меня?

– Не вижу, Сосойя, не вижу... Кажись, умираю я, Сосойя... – Бежана опустил голову на колени Хатии.

– Не умирай, Бежана, не умирай, дорогой! – взмолился я. – Что я скажу людям? Слышишь, Бежана, милый мой, потерпи еще немного! Все будет хорошо, Бежана! Вот я здесь, рядом с тобой! Видишь меня, Бежана?

– Успокойся, Сосойя... А что солнце? Оно уже закатилось?

– Нет еще, Бежана...

– Хатия, ты видишь солнце?

Хатия никого и ничего не видела. Она рыдала.

– А я не вижу солнце... – сказал Бежана.

– Видишь, как не видишь! Вон оно, над Концхоулой! Скажи, что видишь солнце, Бежана! – просил я Бежану и гладил его похолодевшие руки.

– Сосойя, слышишь?

– Что, Бежана?

– Слышишь? – Бежана прислушался к чему-то и вдруг тихо запел:

Девница-красавица

В загляденье-платице...

Бежана пел и улыбался. Потом голос его постепенно стал угасать. Я припал к его груди.

Бежана ничего уже не чувствовал и не слышал...

Долго еще я обнимал и ласкал Бежану. Потом почувствовал прикосновение руки Анатолия и поднял голову. Солнца на небе уже не было, но гора еще пылала оранжевым отблеском его лучей.

Бежана больше не пел...

Снег

В конце декабря наступили сильные холода. Однажды вечером подул низовой ветер и пошел снег. Потом ветер улегся, а снег продолжал сыпать без конца. Сухие, пушистые снежинки, медленно кружась, ложились на землю. За ночь снег покрыл все вокруг таким толстым слоем, что утром куры, слетев с насеста, провалились в снег по самый клюв. Снег шел не переставая весь следующий день. И потянулись нескончаемые зимние вечера... Топанье ногами на балконе... Шипенье сырых дров... Вареная ветчина... Протяжный лай собак... В сплошном снежном покрове появились протоптанные тропинки – от домов к колодцам, от соседа к соседу, от села к селу. В школе стихли шум и гомон: дети отсиживались по домам, ожидая, когда уляжется снег. А школьный колокол по утрам звал, звал нас...

Снег сровнял холмы и впадины... Полегли плетни. Лишь кое-где торчал вбитый недавно кол, да и того уносил случайный прохожий, кто – на дрова, кто – чтобы отбиться от собак или набежавшего ненароком проголодавшегося зверя.

...Пригорюнившийся Анатолий сидит у камина и ворчит: – Глупая выдумка – камин. Дрова пожирает что твой паровоз, а тепла от него – на грош! Лицо горит, а спина мерзнет!

– Повернитесь теперь спиной! – учит тетя.

– Вот нашу бы русскую печь сюда!..

– А разве у вас зимой не холодно? – спрашиваю я.

– Понимаешь, мороз у нас суше, здесь так и пробирает до мозга костей...

– Завтра надо снести снег, а то, чего доброго, обвалится крыша, – говорит про себя тетя.

Снег валит и валит...

– Сосойя, сходи за дровами!

Я накидываю полушубок и спускаюсь во двор. Приношу дрова, кидаю их в камин и усаживаюсь тут же на козлиной шкуре. Сырые дрова долго шипят и дымятся, потом вдруг вспыхивают ярким пламенем. В комнате светлеет. Я замечаю, что Анатолий смотрит на тетю, смотрит пристально, не отводя глаз. Тетя сидит склонив голову и вяжет теплые носки для меня. Я отворачиваюсь, но все же замечаю, что тетя украдкой смотрит на Анатолия.

Анатолий – блондин, худощав и очень красив. Он выглядит немного моложе тети. Теперь он устался на огонь и думает что-то свое. Потом он вздыхает и опять переводит взгляд на тетю. Я вижу все и – как ни странно! – не обижаюсь. Анатолий тоже видит все. Он смущенно улыбается и кладет руку на мое плечо. Я не двигаюсь, мне приятно прикосновение руки Анатолия. Тетя тоже видит все, и – я чувствую это – она рада. Я счастлив оттого, что тетя рада, и улыбаюсь Анатолию. Потом я долго, не отрываясь, наблюдаю за игрой огня в камине – пусть тетя и Анатолий смотрят не смуща-

ясь друг на друга. «Сосойя на собственной спине приволок домой себе дядю», – вспоминаю я и подбрасываю в камин дрова. «Это – Сосоин русский», – вспоминаю я слова Бежаны и вижу Бежану с прижатыми к животу окровавленными руками... В камине танцует пламя, и в пламени я вижу улыбающуюся Хатию. Хатия стоит в пламени, и я не удивляюсь, что огонь не причиняет ей никакого вреда...

До меня доносится глухой голос Анатолия:

– Сожгли все, сровняли с землей... Людей угнали в Германию... А мы отступали... Были вынуждены отступить... Нет, Кетеван, я уйду, обязательно уйду.

Анатолий каждый день собирается уходить, но не может... Он потеет и кашляет ночи напролет... Я не отговариваю Анатолия: знаю, что рано или поздно он уйдет. Я боюсь этого дня, боюсь потому, что очень люблю тетю. Я знаю: тетя тоже боится этого дня. В языках пламени улыбается Хатия. «Я вижу солнце, Сосойя!» – говорит она, и я ничего на свете больше не боюсь...

Кукури

– Здравствуй, Бежана! Это я, твой Сосойя! Я не спрашиваю о твоём житье-бытье, знаю сам, как ты живешь. И потом, ты ведь все равно скажешь, что у тебя все хорошо, что ты ни в чем не нуждаешься... Но мне известно все... Я вижу тебя каждую ночь и навещаю тебя каждый день. Правда, последние дни я не смог прийти к тебе, ты уж извини меня. Снег лежит по пояс, трудно подниматься в гору. Спроси хоть Анатолия – еле добрались сюда... Сейчас мы все здесь приведем в порядок. А потом сходим к тебе домой, сметем снег с крыши, иначе провалится крыша. Ты не бойся, Бежана, пока я жив, твой дом будет стоять. Ну, ты знаешь, Бежана, какая вчера была каланда⁵³, кое-кто палил из ружья. У Сидонии Чхаидзе даже пели. У них справляли свадьбу. Сидония вышла за Важа Джибути. Да, да, за того самого Важа, что вернулся с фронта без руки. Мы с тетей были приглашены, но не пошли. Нечем было поздравить молодоженов, да и не очень-то хотелось идти. Сегодня уже новый год, Бежана, сорок третий. Тут вот снег повалил розу. Ничего, сойдет снег, Хатия подставит розовому кусту колышек. И траву расчистит... Да, насчет креста. Я не хотел ставить крест, но бабушка Аквиринэ пристала: как это можно, говорит, могила христианина – без креста!.. Ты не думай, Бежана, это не

⁵³ *Каланда* – так в Гурии называют новогоднюю ночь.

простой крест. Помнишь наши ворота? Да, из красного дерева. Так вот, я разобрал ворота и велел сбить крест... Ну, теперь мы пойдем, Бежана, к тебе домой, сметем крышу... А завтра я снова приду к тебе...

Мы поправили покосившийся крест на могиле Бежаны и присели тут же на снегу.

– Холодно, – сказал Анатолий.

Я достал из кармана пол-литровую бутылку с водкой и протянул Анатолию. Он отпил несколько глотков и возвратил бутылку мне. Я тоже отпил. Потом мы вскинули на плечи лопаты и направились к Бежаниному дому...

...Над селом уже спускались сумерки, когда мы, продрогшие и проголодавшиеся, возвращались домой. У ворот Лукайи Поцхишвили Анатолий остановился. Дом утопал в снегу почти до самых перил балкона, на крыше снег лежал метровым слоем. Над дверью висела давешняя траурная лента. Скулившая и прыгавшая на балконе собака при нашем появлении с лаем сбежала вниз, но сразу же по живот увязла в снегу и, тявкнув ради приличия еще несколько раз, вернулась обратно.

– Зайдем! – предложил Анатолий.

– Зачем?

Анатолий молча направился к воротам, открыл калитку и вошел во двор. Я последовал за ним. Собака снова залаяла. На балкон вышел Лукайя.

– Кто там? – крикнул он, приставив к глазам ладонь ко-

зырьком. Я посмотрел на Лукайю и поразился: как быстро и беспощадно сломило горе этого сильного, кряжистого мужчину.

– Это мы, дядя Лукайя! Здравствуй! – ответил я.

– Пожалуйста в дом! Привет Сосойе и Сосоину русскому!

Анатолий оглядел прислоненную к дому лестницу и стал взбираться по ней.

– Сосойя, куда он лезет? – забеспокоился Лукайя. – Пригласи человека в комнату!

– Сперва сметем крышу, дядя Лукайя, – ответил я и тоже полез на лестницу.

– Зачем беспокоитесь, дети, дай Бог вам здоровья! Эх, старость не радость. Да еще такая старость, как у меня. Нет больше моих сил. А снегу-то навалило! Еще ночь, и рухнул бы дом! Дай Бог вам радости и здоровья! И баба моя совсем скисла. Эй, хозяйка, принимай гостей! – Лукайя открыл дверь. Воспользовавшись этим, собака вмиг шмыгнула в комнату.

Почти час мы сметали снег с крыши. Руки у меня окоченели. Я подобрался к дымовой трубе и протянул руки к вившемуся из нее дыму. Вместе с приятным теплом я почувствовал нечто более соблазнительное.

– Анатолий! – крикнул я. – Поди сюда!

– Ничего, мне не холодно! – ответил он, продолжая лопатой сгребать снег.

– Иди, говорю, сюда!

Анатолий нехотя подошел.

– Ну?

– Смотри! – Я взял Анатолия за голову и наклонил ее к самому отверстию трубы. – Чуешь?

Из трубы несло сногшибательным ароматом мчади и ветчины. Спустя несколько минут я, Анатолий и дядя Лукайя сидели за низким столиком у камина и уплетали дымящийся мчади и поджаренную ветчину. Жена Лукайи, тетя Варвара, сидела на тахте и молча смотрела на нас.

Дядя Лукайя разлил в стаканы водку, подал Анатолию.

– Выпей, Сосоин русский, хорошо с мороза!

– Спасибо, не хочу! – Анатолий передал стакан мне.

– Первый раз вижу солдата, не пьющего водку, – удивился Лукайя. – Неси вино, хозяйка!

Тетя Варвара вышла и вскоре вернулась с кувшином. Лукайя разлил вино.

– Тамада из меня – никудышный, – сказал он, – не случись со мной этого несчастья, не померкни в моем доме свет и счастье, – знаешь ли, Сосойя, был мой Кукури и тамадой, и надеждой, и кормильцем в доме. А теперь... что ж, видно, такова судьба моя. Благодарю вас, дорогие мои. Да избавит вас Бог от всех бед и да будет ваша жизнь полна радостей и благополучия!

Лукайя поднес стакан ко рту, взглянул на висевший на стене портрет сына и выпил.

С портрета улыбался Кукури, улыбался так весело, так заразительно, что, прочти я хоть сотню похоронных, поверить в его гибель было невозможно.

– Этот, да? – тихо спросил меня Анатолий. Я кивнул. Анатолий молча опорожнил свой стакан и сам налил себе.

– Пей, сынок, пей на здоровье!

– Дядя Лука, будьте здоровы, тетя Варвара, у вас хорошее русское имя, будьте здоровы! – сказал Анатолий и выпил.

– Будьте здоровы! – сказал я и тоже выпил.

Анатолий тут же наполнил стаканы.

– погоди, сынок, – остановил его Лукайя. Он капнул из своего стакана на кусок мчади. – Обычно в моем доме первый стакан поднимается за него, – и он взглянул на портрет Кукури.

– Сынок, сынок... – простонала тетя Варвара и поспешно покинула комнату.

– Чтоб не видать в жизни света и счастья моему губителю, – продолжал Лукайя, – чтоб в доме его не переводились траур и слезы... – Из соседней комнаты донеслись глухие рыдания тети Варвары. – Чтоб плакали о нем жена и дети его... За память моего Кукури! – Лукайя выпил и посмотрел на Анатолия. Тот отвел глаза.

– Выпей, Анатолий! – попросил я.

– Будем здоровы! – Анатолий быстро опрокинул стакан.

– Не так, Анатолий, надо выпить за память Кукури! – подсказал я и наполнил его стакан.

– Нет, за его память я пить не стану! – Анатолий отодвинул стакан.

Лукайя изумленно посмотрел на меня.

– Не может больше, – постарался я сгладить неловкость.

– С чего ты взял? – Анатолий выпил, потом снова налил и выпил еще.

– Напился... Ты извини, дядя Лукайя... – Анатолий встал. – Кто я? – спросил он и пошатнулся.

– Анатолий! Неудобно... Садись! – попросил я.

– Сосо, скажи, кто я? – повторил он.

– Как кто? Ты – Анатолий!

– А тогда, в плантации?

– И тогда ты был Анатолием! – улыбнулся я.

– Тогда я был мертвецом. Для кого-то я и теперь мертвец, и потому пьют, наверно, за мою память. Но я не хочу быть мертвецом! Потому что я жив! Никто не хочет быть мертвецом! Дядя Лука, ты уже стар, ты должен помнить мое рождение. Расскажи, прошу тебя, как я появился на свет!.. Вспомни, пожалуйста!

– Что тебе сказать, сынок, – растерялся Лукайя, – я, конечно, старик, но... ты родился в России... Не могу я помнить...

– Родился, верно! А мой дом сожгли! Всех угнали в Германию! Мы бежали... Не было выхода... Дядя Лука, жив я или нет? – Анатолий ударил себя кулаком в грудь.

– Жив, сынок, конечно же жив! Дай Бог тебе долгих лет

жизни!

– А для родителей своих? Для них я покойник... Плачет по мне моя мать или нет?

– Да уж не смеется, конечно!

– Но я ведь жив? Зачем оплакивать меня? Справка? Да что справка! Справка – бумажка! Бумага не может убить человека! Человек гибнет от пули. Покажи-ка мне пулю, которая убила твоего Кукури! Где она, эта пуля, дядя Лука?! Нет ее!.. А почему ты не хочешь поверить, что твой сын, так же как я, где-то там, в русском селе... Раненый... Не может быть этого? Может! Все может быть! Да ты... ты не любишь своего сына, вот что я тебе скажу, дядя Лука! – Анатолий махнул рукой.

– Садись, Анатолий! – снова попросил я.

– Сними ту черную ленту! – вдруг сказал Анатолий.

– С ума он сошел! – подскочил Лукайя.

– Сними! – повторил Анатолий. – Сними! Получил бумажку и похоронил сына? Как ты мог так легко примириться со смертью своего Кукури?! Не любишь ты его! Справку, говоришь, получил? А я тебе дам сто справок, что он жив!

– С ума он сведет меня! – проговорил дядя Лукайя, глотая слезы.

– Сто справок, слышишь, дам тебе, сто справок, что твой сын жив и невредим! И не стыдно тебе? А еще старый человек! Бумажке веришь, а мне не веришь? Сними! – Анатолий сел.

Лукайя налил еще. Рука у него дрожала, половина вина разлилась на стол.

– Сосойя, – обратился он ко мне с мольбой в голосе, – скажи, что мне делать?

– Прав он, дядя Лукайя, сними!

– Опозорюсь на все село!

– А если он вернется? Вот тогда действительно опозоришься! – сказал я и вдруг понял, что все мы пьяны, и больше всех – я. Со стены все так же улыбался Кукури, и никто не убедил бы меня и Анатолия в том, что его нет в живых. Я встал и, шатаясь, пошел к стене, но добраться до нее так и не сумел. Я присел на тахту. Комната закружилась, на стене вместо одного появились два, три, четыре, сто портретов, и теперь нам улыбались сто Кукури.

– Здравствуй, Кукури! – сказал я.

Дядя Лукайя вздрогнул, потом обхватил голову руками, уткнулся ими в колени и так и застыл.

Комната продолжала крутиться, стол повалился набок, а камин кувырнулся так, что я испугался, как бы на меня не посыпались угли. Но камин продолжал мирно гудеть и светиться неярким светом.

Потом все успокоилось, улеглось по своим местам. Я зажмурился, а когда вновь открыл глаза, понял, что приступ опьянения прошел.

Потом я помню, как встал дядя Лукайя, как он направился к двери, как из соседней комнаты вышла тетя Варвара,

подсела ко мне и положила на колени две чурчхелы и как я поцеловал ее в морщинистую щеку. Потом вернулся дядя Лукайя со свернутой черной лентой в руке. Он подошел к камину, опустился на колени, с минуту колебался и вдруг бросил сверток в огонь. В комнате вдруг потемнело. Прошла секунда, другая, третья, сверток постепенно стал воспламеняться, потом вспыхнул, озарив комнату. Я увидел, как улыбался Анатолий, как текли слезы по щекам тети Варвары и как дрожали руки у дяди Лукайи.

...Мы вернулись домой поздно. Тетя сидела у камина, читала книгу. Я и Анатолий были с ног до головы в снегу, однако холода не чувствовали: выпитое вино все еще согревало нас. Увидев нас, тетя отложила книгу, подбросила в огонь дрова и поставила перед камином два трехногих стульчика.

– Идите к огню! – позвала она.

Шатаясь, я подошел к камину, опустился прямо на пол и положил голову на колени тети.

– Что с тобой? – спросила она.

– Я пьян, тетя!

– Где вы были?

– Анатолий тоже пьян, тетя!

Анатолий, хватаясь за стену, кое-как добрался до камина, плюхнулся на стульчик, взял руку тети и погладил ее. Тетя осторожно высвободила руку и посмотрела на меня.

– Он пьян, тетя!

Анатолий опять взял руку тети, но я не обратил ни это

внимания. Меня разморило от тепла и захотелось петь.

– Ложись-ка лучше спать, завтра тебе в школу! – сказала тетя.

Дранные ботинки,
Рваное пальтишко,
В школу мне не хочется —
Вольный я мальчишка! —

пропел я в ответ и закрыл глаза.

– Мария, моя Мария... – донесся до меня сквозь дрему голос Анатолия. Я приподнял голову.

Анатолий нежно гладил тетю по волосам и приговаривал:
– Ты прости меня, Мария... Добрая моя, милая Мария... Отыскал-таки тебя... Мария моя... А где девочка? У мамы?... Слава богу, конец всему... Конец скитаниям... Теперь мы всю жизнь будем вместе... А нашего села больше нет, Мария. Сожгли его немцы. Дотла. Никого там не осталось. Ни живой души... Где ты была, Мария? Измучилась, бедная моя. Как девочка и мама? Теперь все! Конец нашим мукам...

Тетя осторожно отвела руку Анатолия.

– Меня зовут Кетеван, – сказала она тихо.

– Нет, ты – Мария. Такая добрая, такая красивая. Скажи, ты ведь Мария?

– Я – Кетеван...

Анатолий долго и пристально всматривался в тетю, потом снова начал:

– Я уйду. Я уже могу ходить и воевать могу. Я дойду до края света, а тебя найду, Мария...

Он закрыл лицо руками и заплакал.

Я и тетя кое-как уложили Анатолия. Он скоро успокоился и заснул.

Я лежу с открытыми глазами и думаю. Хмель выветрился из головы. Сон не идет.

– Тетя! – зову я.

Тетя молчит.

– Тетя, не спится мне...

– Засни, Сосойя...

– Тетя, кто такая Мария?

– Не знаю. Наверно, жена...

– Она что, пропала?

– Наверно...

– А он найдет ее?

– Не знаю...

– Он сказал: дойду до края света, а найду...

– Дай Бог!..

– Тетя, уйдет Анатолий?

– Уйдет, обязательно уйдет...

Я понял, что расспрашивать дальше тетю не следовало, поэтому перевернулся на бок и уставился в затухающий камин. Он напоминал ночное небо, на котором сквозь тучи кое-где проглядывали звезды. Пепел постепенно обволакивал тлеющие угольки, и они гасли один за другим. Глаза на-

чали смыкаться, и я уснул, не видя, как в камине угасла последняя звезда.

Бегларова мельница

Если вам не доводилось ночевать в Бегларовой мельнице, болтать и сплетничать с Бегларом до утра, есть выпеченную им в золе соленую кукурузную лепешку, потом мучиться во сне от жажды, вскакивать чуть свет, припадать к мельничному желобу и с наслаждением пить судсинскую воду, – не говорите, что вы бывали в деревне!

Я не знаю, могло бы существовать наше село без Беглара и его мельницы! Здесь не найдется человека, который поговорил бы с вами пять минут и не упомянул бы хоть раз Бегларову мельницу.

Повстречался вам сосед, поздоровался с вами, угостили вы его табачком, а табак – домашний, нарезан крупно.

Сосед тотчас же:

– Ты что, у Беглара табак молот, что ли?

Рассказали вы соседу какую-то новость, да получился ваш рассказ бессвязным, путаным. Сосед – без обиняков:

– Что ты мелешь, словно Бегларова мельница! Говори толком!

Кашель и тот у нас связывают с Бегларом:

– Раскашлялся, как Бегларов пес!

А пес у Беглара действительно мастер кашлять. И неудивительно: ничем иным, как заплесневелыми отрубями, Беглар несчастную собаку не кормит.

Вся жизнь Беглара связана с мельницей. Она ему заменяет дом, жену, детей, родственников. Мельница, разумеется, колхозная, и избран Беглар мельником общим собранием колхозников, но вряд ли осмелится кто-либо из председателей даже заикнуться об освобождении Беглара от этой должности. Почему? Да потому, что никто во всем селе не захочет занять место Беглара. Знает об этом Беглар, знают об этом нынешний и будущие председатели нашего колхоза, и потому мельница, хоть она, конечно, колхозная, называлась и называется Бегларовой.

Беглар живет в своей мельнице, спит на огромном мучном ларе, изголовьем ему служит мешок, набитый сухими листьями кукурузы. Над ларем висит кремневая одностволка, которую Беглар почему-то называет «Зауэром». На стене красуется вырезанный из какого-то журнала портрет Мичурина. Если спросить Беглара, кто этот старик, он ответит с неподдельным удивлением:

– Как, ты не знаешь Мичурина? Это ведь тот человек, который в Сибири вырастил мандарины и виноград!

С началом войны тематика художественной галереи Беглара изменилась. Лучшие места в ней заняли военные деятели: на первом месте Чапаев, на втором – Буденный, затем – Тимошенко, Суворов, Петр Багратион и, наконец, Киквидзе.

Беглар имеет также собственную библиотеку. На специальной деревянной полочке в заведенном раз и навсегда по-

рядке лежат «Витязь в тигровой шкуре», Евангелие, горшок для лобиио, кувшинчик с водкой и «Женщина и социализм» Бебеля.

Беглар всегда искренне рад моему приходу. Всеми правдами и неправдами он отводит мне последнее место в очереди. Я не возражаю, потому что беседа с Бегларом доставляет мне не меньшее удовольствие. И вот сидим мы до утра у горящего очага и решаем дела мирового масштаба: формируем и распускаем правительства, строим дворцы, разрушаем замки, арестовываем генералов, выигрываем битвы, отступаем, вновь наступаем, критикуем новые направления в современном искусстве. Попутно мы печем в золе кукурузные лепешки, едим, курим и обмениваемся любезностями.

– погоди, Сосойя! Вот ты доказываешь, что война продлится еще несколько лет. Какие у тебя к тому основания? – спрашивает Беглар, засыпая в сусек очередную партию кукурузы.

– Захватил Гитлер нашу территорию? Захватил! Должны мы отнять у него эти земли? Должны! Потребуется для этого время?

– Потребуется!

– Ну вот! Чтобы изгнать немцев с нашей территории, нужно не меньше двух лет!

– Значит, по-твоему, войну мы выиграем?

– Конечно!

– Решено, значит?

– Безусловно!

– Хорошо... Вот перешли мы в наступление, а Гитлер не отступает! Что ты прикажешь делать?

– Отступит!

– Не хочет отступать!

– Заставим!

– Хорошо... Отступил он... А летом собрался с силами и вновь пошел на нас! Что тогда?

– Не пойдет!

– Допустим, пошел!

– Не посмеет!

– Ну а если посмеет?

– Слушай, ты за кого? За меня или за Гитлера?

– За тебя, болван, за тебя! Но ты как думаешь: Гитлер – доходяга вроде меня, что ли?

– Хуже тебя!

– Сосойя, ты не очень-то того... Не заговаривайся! Вот ткну тебя головой в кадку, будешь знать, как честного человека с Гитлером сравнивать!

– Ладно, извини. Так вот, смотри сюда!.. – Я провожу палочкой линию в слое золы. – Я – Советский Союз, ты – Германия. Я стою здесь, ты – здесь. Сейчас зима. Я привык к зиме, одет тепло, сыт, а главное – я у себя дома!

– Хорошо. Согласен...

– А ты что? Ты раздет и разут, мерзнешь, а главное: ты в чужом доме, и хозяева дома тебя бьют – один по лицу, другой

по задую.

– Это кто же меня бьет по задую?

– Партизаны!

– Хорошо. Согласен. Пусть бьют.

– Ну и что тебе остается делать?

– Да... ничего, пожалуй. Должен уносить ноги!..

– Вот тебе и все мои доводы!

Раздался кашель Бегларовой собаки.

– Чтоб тебе сдохнуть!

Беглар встал, открыл дверь. В мельницу вошли бабушка Аквиринэ, Матрена и Федосия. Они поздоровались с нами, сложили мешки с кукурузой и уселись у огня. Беглар запустил второе колесо, засыпал кукурузу Аквиринэ и вернулся на место.

– Присмотрите сами за своей кукурузой, бабы, некогда мне!

Беглар взял у меня палочку и провел другую линию.

– Хорошо, Сосойя, отступил я и дошел до старой границы. Вот она! – показал он на новую линию. – Что ты тогда сделаешь?

Я не нашелся что ответить.

– Вот, скажем, я, Гитлер, дошел до старой границы и стал. Как ты поступишь?

– С ума вы, что ли, посходили? – прикрикнула на нас Аквиринэ.

– Не мешай! – огрызнулся Беглар.

– Как я поступлю? А очень просто: нажму на тебя! – решил я.

– Хорошо. Но я, будучи Гитлером, скажу тебе: «На, брат, бери свою землю, я возьму свою, и разойдемся с миром. Хватит проливать кровь!»

– Нет, дорогой мой, я все равно буду нажимать! – заупрямился я. – «До каких пор!» – испугается Гитлер. «До конца, подлец, до Берлина!» – «А что потом?» – «А потом я арестую тебя, твоих генералов, твое правительство, и вы заплатите за все зло, которое причинили нам!» – «А как Англия и Америка? Дадут они меня в обиду?» – «Не дадут, так и они получат по носу!» – «Смотри, Сосойя, как бы ты не хватил лишнего!» – «Ничего, за себя отвечаю я!..»

– Когда же ты заканчиваешь войну, сынок? – спросила с улыбкой Матрена.

– В сорок пятом!

– Нельзя ли ускорить немного? – попросила Федосия.

– Не получается! – вздохнул Беглар. – Вот мы судили-рядили, всю золу тут перерыли, не получается раньше сорок пятого!

– Эх вы, бездельники! – покачала головой Аквиринэ. – Допустим, Сосойя дитё зеленое, но ты-то, старый дурень! Что за чепуху ты порешь? «Я Гитлер!..» Обалдел совсем, да?

– Ничего себе «дитё»! – усмехнулся Беглар. – Он тут такие планы развернул, что Гитлер, будь у него в голове мозги, уже сейчас должен сам лезть в петлю!

Наступила моя очередь. Я развязал мешок, подтащил его поближе к сусеку, подождал, пока смололась последняя горсть кукурузы, и засыпал в воронку свое зерно.

Жернов вращался медленно: воды в желобе было мало. Ждать, пока смелется моя кукуруза, не имело смысла.

– Беглар, я посплю немного... Бабушка Аквиринэ, посмотри, пожалуйста, чтобы он не содрал с меня минди⁵⁴ больше положенного. Знаешь ведь Беглара, ему нельзя доверять...

– Язва ты этакая! погоди, попляшешь ты у меня!

– Ты что, Беглар, шуток не понимаешь? Я знаю, с меня ты вообще не возьмешь минди!

– Это еще почему?

– Как же! Мы только что вместе выиграли войну! Что тебе стоит обслужить меня бесплатно!

– Дудки! Политика политикой, а кукуруза кукурузой! Это, брат, государственное дело!.. Минди я беру не для себя – для государства, так что ты не толкай меня на преступление! Тебе уступить – чем они хуже тебя? Прав я, женщины?

Те закивали головами. Беглар занялся своими мельничными делами. Я подтащил к огню припасенную Бегларом для таких случаев широкую доску, положил в изголовье чей-то мешок с кукурузой и улегся.

...Гудит мельница, поет на разные и все же однообразные

⁵⁴ *Минди* – определенное количество зерна, взимаемое в качестве платы за помол.

голоса... Над жерновами, на полке выстроились в ряд мешки с помолом. О многом рассказывают они мне: о событиях на селе, о новостях в жизни моих соседей, об урожае, о войне... Вот стоит большой, наполненный до самого верха мешок с кукурузой. Донести до мельницы его не могли ни ребенок, ни женщина. Он наверняка принадлежит мужчине, причем сильному мужчине. Кому же? Ну конечно, Макару! У него и силенок достаточно, и кукурузы вдоволь. И не спешит Макар с помолом, потому и не ночует здесь. Заберет муку завтра или даже послезавтра... А вон махонький, синий в горошинку, ситцевый мешочек. Сколько в нем кукурузы? Фунтов десять, не больше. Мужчина не стал бы тащиться на мельницу из-за такого пустяка. Значит, принес его ребенок. Среди полновесных мешков этот крохотный мешочек напоминает куклу в синем платьице. А-а-а, вспомнил, точно такой, синий в горошинку, ситцевый халат видел я летом на сынишке Ладико – Датуне. Конечно, мешочек принес Датуна! Понятно и то, почему он не ночует на мельнице: кукурузы-то в мешочке всего на две-три выпечки... Какая разница, когда их съешь, сегодня или завтра? Лучше уж продлить это приятное ожидание на день... Мешки, мешочки – большие, малые, целые, залатанные, заполненные до отказа и наполовину, – они рассказывают о себе, о своих хозяевах, и я знаю, который из них кому принадлежит, когда за которым придут и когда еще их принесут на Бегларову мельницу...

Глаза мои слипаются. Я уже в сладком полусне. А мель-

ница гудит, поет на разные и все же однообразные голоса. Поет о чем-то своем, неповторимом. Так умеют петь только мельницы. Поезда тоже поют, но иначе. Их песня – шумная. Мельница гудит вовсю, но все же тишина здесь такая, что слышишь, как в углу скребется мышь, как где-то далеко лает собака, а в камышах жалобно воет шакал. А вот возни Беглара в мельнице не слышно! Переверни он здесь все с ног до головы, ты и не заметишь этого, потому что сам Беглар – часть мельницы, неотъемлемая ее часть. Он поет вместе с мельницей, и мельница не может быть без Беглара... Сквозь сон я вижу, как Беглар выбирает меркой кукурузу из моего мешка и ставит мерку на пол, как он украдкой оглядывается на женщин, потом на меня и, убедившись, что ни женщины, ни я не замечаем его манипуляций, засыпает кукурузу обратно в мой мешок. Я вижу это, но если б даже я спал мертвым сном и не видел бы ничего, я знаю, что Беглар не возьмет ни грамма кукурузы ни из моего мешка, ни из мешков дремлющих у огня женщин, ни из того крохотного, синего в горошинку, мешочка. Потому и пустует частенько «казенный» ларь в Бегларовой мельнице и потому любит Беглара все наше село.

Я тоже очень люблю моего Беглара и, согретый этим чувством, я засыпаю...

Я проснулся от злобного лая собаки. Кто-то из всех сил стучался в дверь. Я встал. Кряхтя и ворча, Беглар подошел к двери и откинул засов. Дверь со скрипом распахнулась, и

в мельницу вступил высокий, покрытый снегом мужчина с мешком на плече. Беглар попятился назад, женщины повскакивали. У меня что-то застряло в горле, я весь похолодел: перед нами стоял бригадир Датико.

– Здравствуйте, чего вы переполошились? – Он сбросил мешок на пол и протянул к огню озябшие руки.

Мы молчали. Я не видел Датико с того страшного дня. Он не показывался нигде. Теперь, увидев его, я онемел от удивления, ненависти, страха и возмущения. Во рту у меня пересохло, язык прилип к нёбу, колени задрожали, и, чтобы не упасть, я сел.

Датико снял с плеча ружье, поставил его в углу, стряхнул с одежды снег и сел рядом со мной. Я отодвинулся.

– Не чумной я, чего ты боишься? – сказал Датико недовольно.

Я не ответил. Беглар и женщины продолжали стоять и молчать, не отрывая глаз от Датико.

– Вы что, человека не видели? – обратился Датико к ним.

– Почему же, человека мы видели... – ответил Беглар и присел на ларь. Женщины сбились в углу.

– Давненько у нас не бывало такой зимы... Народится кукуруза – дай Бог! – нарушил Датико неловкое молчание и стал скручивать сигарку.

– Тем более – у тебя... – вставила Аквиринэ.

– Смеешься, старая?

– Зачем мне смеяться? Ты, эвон, приволок два пуда ку-

курузы, а мне этой горсти муки должно хватить до нового урожая!..

– Ну, знаешь! Я тебя не грабил, ничего у тебя не отбирал...

– Не знаю... Человека ты убил, теперь, наверно, начнешь грабить людей...

– Будь ты мужчиной, заставил бы я тебя проглотить свой ядовитый язык! – Датико сильной затяжкой ополовинил цигарку.

– Будь я мужчиной, показала бы я тебе, что такое кровь и как надо резать людей, выродок ты этакий! – ответила Аквиринэ и плюнула в огонь.

Датико побледнел, но ничего старушке не ответил.

– Спешу я очень, – обратился он к Беглару, – после этого, – он показал на жернов, где мололась моя кукуруза, – насыпь мою.

– Теперь очередь Макара.

– Макар подождет!

– Он придет на рассвете...

– Ничего, подождет, а я спешу!

Беглар смолчал. Датико поднял свой мешок, подтащил его к жернову.

– Давно я не ел твоих лепешек, Беглар! – улыбнулся Датико Беглару.

– Может, еще прикажешь подать тебе жареного поросенка?

Датико обмер.

– Беглар, не растрavляйте меня... Взял я грех на душу, теперь мне уже нечего терять... – сказал он и бросил взгляд на свою винтовку. Беглар придвинулся к своей кремневке. Тогда Датико подошел к стене, снял кремневку, подбросил ее в воздух, схватил за ствол и со всего размаху ударил прикладом об землю. Потом открыл дверь, забросил ствол в снег, а приклад швырнул в огонь.

Беглар не сдвинулся с места, лишь проглотил слюну. Датико взял свою винтовку и уселся у огня.

– Видал? – показал он Беглару на начавший дымить приклад.

– Чтоб тебя увидела смерть, и чтоб не было тебе в жизни счастья и радости, и чтоб сгнили в земле твои кости, как гниют кости моего мальчика! Чтоб оплакали тебя и надели траур по тебе твои родные! – сказала Матрена, и губы у нее задрожали.

– Да кто станет оплакивать его? Кто наденет траур по нем? – добавила Федосия.

– Федосия, не выводи меня из терпения... Теперь я зверь! Остерегайтесь меня! – привстал Датико.

– Чтоб ты пропал и исчез, чтоб не приняла тебя земля! Душегуб! Ты еще грозишься? Что со мной может стать хуже того, что уже стало? Изверг ты! Убийца!

– Не я убил ваших сыновей... Будь они поумнее, ходили бы сейчас живыми и невредимыми, вроде меня!

– Что?! Что ты говоришь?! Да им... Да они... Они и сейчас, мертвые, живее тебя, падаль ты этакая! Как ты смеешь даже заикаться о наших мальчиках?! – Матрена хотела сказать еще что-то, но подступившие рыдания не дали ей договорить. Она закрыла лицо руками.

Моя кукуруза сошла вся. Жернова загрохотали громче. Датико стал развязывать свой мешок.

– Теперь очередь Макара, – сказал тихо Беглар.

Датико продолжал развязывать мешок.

– Теперь очередь Макара, – повторил Беглар.

– Подождет Макар!

– Нет. Его очередь!

– Подождет!

– Его очередь! – Беглар вплотную подошел к Датико.

– Подождет, говорю, Макар! – Датико оттолкнул Беглара и стал засыпать в сусек кукурузу. Беглар налетел на ларь, выпрямился, долго пристально смотрел на Датико, потом присел к огню. Я стал заполнять мукой свой мешок, искоса поглядывая на Беглара. Вдруг он встал и, не сказав ни слова, вышел из мельницы. Датико, схватив винтовку, вышел вслед за ним, но скоро вернулся.

– Гм, обиделся на меня...

Наступило молчание.

– Позови его, Сосойя, – сказал Датико. – Ничего я ему не сделаю... Простудится еще!

Я не ответил ему и не сдвинулся с места.

Датико взорвался:

– Ты что, не слышишь?! Сопляк! Тебя еще не хватало!

Я продолжал молча заполнять мешок мукой. Прошла минута, другая, третья... И вдруг вода в желобах мельницы умолкла. Жалобно взвизгнув, стали жернова. Наступила непривычная тишина.

Датико растерялся. Он вопросительно взглянул на меня, потом на дверь. Он стоял, нагнувшись над мешком, и не знал, что делать. Дверь открылась, и появился мокрый по пояс Беглар с металлическим беркетом в руке. Он весь посинел и дрожал, губы его выбивали дробь.

– Что... что ты сделал? – спросил Датико.

– Иди своей дорогой, Датико... Пока я жив, не видать тебе муки из моей мельницы... Я разбил желоб. Хочешь, убей меня! Пожалуйста, я здесь... А потом можешь поправить желоб и молоть, сколько тебе угодно...

Датико долго, очень долго молчал, не сводя глаз с Беглара. Потом подобрал свой пустой мешок, повертел его в руках, бросил на пол, повернулся и направился к двери. В дверях он остановился, немного постоял с опущенной головой и, не оглядываясь, вышел...

Я видел, как он пошел по заснеженному полю, как пересек его, как стал взбираться по склону Концхоулы и как постепенно исчезло темное пятно на белоснежном фоне горы.

– Извините меня, женщины, осталась ваша кукуруза несмолотой... – неловко улыбнулся Беглар.

– Беглар, накорми меня своими лепешками, проголодался! – сказал я и поцеловал Беглара в озябший нос.

– Дай отогреться, сукин сын! – проворчал Беглар, потер рукой нос и сел у огня.

Цуца

— Здравствуй, Бежана! Да, это я. Ты, наверно, думаешь, что я забыл тебя. Нет, дорогой, просто у меня не остается времени поболтать с тобой. Дома, по хозяйству, уйма дел. И в колхозе надо поработать. А уроки? Их ведь тоже надо готовить. Что? Пятерки? Какие там пятерки, Бежана! Дай Бог вытянуть на тройки! Школу-то, как-никак, надо кончать, не ходить же мне всю жизнь босоногим оборванцем! Дома? Дома все живы-здоровы. А наш русский ушел, Бежана! Вот так, встал в одно прекрасное утро и ушел. На фронт, конечно! А как он заставил Лукайю снять траурную ленту, я тебе не рассказывал? Да, заставил! А потом и остальные поснимали эти проклятые черные ленты. Теперь все только и живут надеждой, что рано или поздно возвратятся их пропавшие сыновья и мужья... А сам он пропал, наш русский, Бежана! Ни письма, ни весточки от него. Когда мы провожали его, тетя все шутила, смеялась. А ночью проснулся я, и что ты думаешь? Плакала тетя, Бежана! Да, плакала. Как, по-твоему, любила она его? Я думаю, любила!

На дворе уже весна, Бежана! Вот-вот лопнут почки на твоей розе. Что я делаю? Да вот, сколачиваю скамейку. Сядем я и Хатия на скамеечке и будем делиться с тобой новостями...

Дела на фронтах идут хорошо. Остановили мы немца, Бежана! Ей-богу! И даже гоним обратно помаленьку! Да! Ну,

знаешь, трудно все же приходится нашим. Вернувшиеся с фронта ребята рассказывают – наши готовятся к крупному наступлению. А для наступления, сам понимаешь, нужно людей втрое больше. Да потому! Враг – что? Он сидит в окопе и целится в тебя. А ты бежишь, неприкрытый, прямо на него. А он из окопа стреляет в тебя. Вот то-то и оно! Если его выкурить из окопа, потом уже станет легче. Теперь он удирает, а ты бежишь за ним и стреляешь! Так вот, ребята говорят, скоро наши погонят их всюю! Так что ты не волнуйся, все будет хорошо, Бежана!..

– Здравствуй, Сосо!

Я вздрогнул и оглянулся. Передо мной стояла Цуца. Цуца, соседская дочь, была замужем за парнем из другой деревни. Я хорошо помню день ее свадьбы. Ох и палили подвыпившие дружки! Скакали и гарцевали на конях как сумасшедшие! Снесли половину плетней на селе. Цуцина мать даже разрыдалась – за кого, мол, выдаю свою единственную! Потом умоляла зятя – оберегать молодую жену как зеницу ока... А после свадьбы просила восседавшую на белом коне дочь не забывать родной дом, почаще навещаться к матери...

Вот и вернулась Цуца к матери навсегда. Спустя месяц после свадьбы началась война, а еще через месяц Цуца получила похоронную.

Теперь она стояла передо мной – сильная, красивая, полногрудая, упершись рукой в бедро и улыбаясь пунцовыми

губами.

– Здравствуй, Цуца!

Я забил последний гвоздь, положил топор и присел на скамейку.

– Смотрю я на тебя целый час. С кем ты тут разговаривал?

Цуца села рядом со мной.

– Да так... Сам с собой, – сказал я и отодвинулся.

– О чем же ты разговаривал с собой?

– Так... Спросил о чем-то.

– И что он ответил? – рассмеялась Цуца.

– Ничего... Не знаю, говорит.

– А ты спроси меня, Сосойя, я знаю все, – сказала Цуца и погладила меня по голове.

Я не ответил ей. Цуца провела ладонью вниз по моей щеке, потом тыльной ее стороной – вверх.

– Вырос ты, Сосойя, борода уже растет...

– Да-а-а... Пух один, – пробормотал я и почувствовал, что краснею.

– И усы вот растут, – Цуца погладила указательным пальцем мою верхнюю губу.

– Да-а... Тоже пух, – сказал я и быстро встал, испугавшись, как бы Цуца не услышала биения моего сердца. Цуца смотрела на меня своими большими красивыми глазами, и я был уверен, что она слышит, как стучит мое сердце.

– Ты уходишь, Сосойя? – спросила Цуца и тоже встала.

– Пойду, пожалуй, поздно уже... А ты куда шла, Цуца?

– Я – за листьями шкери...⁵⁵ – Цуца показала на корзину. – Может, пойдешь со мной? У тебя, кстати, топор. – Я заколебался. – А то стемнеет, могу и испугаться одна! – добавила она.

– Ладно уж, пойдем, только ненадолго. – Я взял корзину. Тропинкой мы сбежали по склону кладбища и стали подниматься на покрытый густым кустарником пригорок.

Я выбрал куст шкери покрупнее и в два счета начисто обстриг его. Цуца присела под кустом, я – рядом с ней. За далекой горой медленно спускался огромный медный диск солнца. Он напомнил мне выпеченный на кеци дымящийся мчади, и я пожалел, что этот исполинский мчади опустится где-то в другом месте. Впрочем, сейчас, ранней, голодной весной, все круглое: и мельничный жернов, и точильный камень, и солнце, и луна – все мне напоминало мчади. Этим сходством больше всех обладала луна – то полная, то ущербная, она выглядела совсем как мчади, то целый, только что снятый с раскаленного кеци, то уже съеденный наполовину. И потому, наверно, наши голодные собаки все ночи напролет яростно лаяли на луну...

Цуца не спеша срывала с веток листья и аккуратно складывала их в корзинку. Чтобы ускорить дело, я взял одну ветку и стал очищать ее от листьев.

– А я ведь знаю, с кем ты там разговаривал. С Бежаной, – сказала Цуца.

⁵⁵ *Шкери* – по-грузински альпийская роза, рододендрон.

– Да, Цуца, с Бежаной, – признался я.

– И часто ты ходишь на кладбище?

– Часто.

– Бежана очень тебя любил...

– И я его очень любил.

– Тебя все любят.

– Да-а-а...

– Я знаю, любят.

– И ты тоже? – вырвалось у меня.

Цуца смутилась.

– Почему ты не ходишь к нам, Сосойя? Ты бываешь у всех, всем помогаешь...

– Приду и к вам.

– Когда?

– А когда мне прийти?

– Когда захочешь.

– Хорошо...

– А почему эта девчонка бежит за тобой?

– Кто, Хатия?

– Да, Хатия.

– Почему бежит? Я вожу ее в школу... И потом, ей приятно бывать со мной.

– А тебе?

– Мне тоже.

– Она любит тебя?

– По-моему, любит.

– Как она любит тебя, Сосойя?

– Ну как?.. Как все...

– А ты любишь ее?

– Очень!

– И не боишься?

– Чего мне бояться, Цуца?

Цуца не ответила. Я положил листья в корзину и случайно прикоснулся рукой к руке Цуцы. Она не убрала ее.

– А тебя никто не любит, Цуца?

– Не знаю... По крайней мере, никто в этом не признается.

– Не может быть!

– Нет, Сосойя, никто меня не любит, никто! – Цуца придвинулась ко мне. Я почувствовал себя неловко. – А ты любишь меня, Сосойя? – спросила вдруг Цуца и взяла в свои руки мою руку.

– Я? Не знаю...

– Эх, ничего ты не знаешь, Сосойя! Ты знаешь, что такое женщина? Женщина, которая лишилась мужа на первом же месяце замужества? Ты знаешь, что такое овдовевшая в моем возрасте женщина?..

Цуца тяжело дышала. Я приподнялся, но Цуца удержала меня.

– Сосо, ты умный парень, ты поймешь меня... Ты не станешь смеяться надо мной?.. Слышишь?.. Пожалей меня, Сосойя! Никто меня не любит! Одна я, понимаешь, одна! – Цуца обняла меня... Не знаю, почему я это сделал, я тоже обнял

ее и припал губами к ее груди, шее, губам... Цуца закрыла глаза... – Сосойя, мой Сосойя, хороший мой мальчик... Ты поймешь меня, ты не будешь смеяться надо мной... Или же возьми свой топор и убей меня... Сосойя... – шептала она, и я ощущал дрожь ее горячего тела.

Цуца в изнеможении опрокинулась на траву.

– Сосойя, дорогой мой, скажи, что любишь меня! Делай со мной что хочешь, режь меня, души меня, но только скажи, скажи, что любишь! – шептали ее дрожащие губы.

Я нагнулся к Цуце, обнял ее, раскрыл для поцелуя губы, и вдруг мною овладел страх. Я испугался так же, как и тогда, в первый день войны, при виде онемевшего народа, как при первом известии о гибели, пришедшем в наше село, как при виде окровавленного Бежаны. Я испугался, как боятся люди собственной смерти. Я вскочил, отпрянул назад, зацепился за куст, упал, снова вскочил и, не оглядываясь, побежал. Я мчался, не разбирая дороги. Продирался сквозь колючие кусты, бежал по полям, виноградникам, перемахивал через плетни... С трудом переводя дыхание, я ворвался во двор Виссариона Шаликашвили, взлетел на балкон и ткнулся головой в колени мирно сидевшей на лавке Хатии.

– Что с тобой, Сосойя, что случилось? – испугалась Хатия.

– Хатия, я люблю тебя! – выпалил я и заплакал.

– Из-за этого ты мчался сюда? Я тоже люблю тебя, и все тебя любят! Может, сказал кто-нибудь, что не любит тебя, и потому ты плачешь?

– Дура ты, тупица, ничего ты не понимаешь!

– Скажи наконец, что произошло?

– Ничего, Хатия, я был на кладбище и испугался.

– И не стыдно тебе?

– Стыдно...

– Не надо было тебе ходить без меня, Сосойя! – сказала Хатия.

– Не надо было мне ходить без тебя, Хатия! – сказал я.

И опять я лежу в постели и гляжу в потолок. Весна. Мы уже не топим камин, смотреть в комнате не на что – мигающая лампа да дощатый потолок... На потолке что-то ползет – то ли муха, то ли жук какой-то. Скорее всего – сверчок. Он то скрывается в щели, то появляется снова. Сверчок не спит. Почему? Кто его знает! Может, он ищет, кому еще не спится этой тихой весенней ночью? Вот он опять исчез в щели. Надолго. Видно, нашел-таки кого-то и делится с ним своими думами. А может, и никого он не нашел, а просто заснул. Может, и не заснул, а лежит вроде меня с открытыми глазами и думает о чем-то своем. Кто его знает?

Я слышу мерное дыхание тети.

– Тетя, спишь?

Она не отвечает. Спит, конечно. Но я все же начинаю беседовать с ней.

– Три года уже длится война, тетя... Сколько в нашем селе осталось женщин без мужей! Многие из них вышли замуж

перед самой войной... Что им теперь делать, тетя? Ждать? Да, знаю, мужей надо ждать... А тем, мужья которых погибли, им как быть? Не знаешь? А я знаю. Жаль, тетя, этих женщин! Те, у которых погибли мужья, должны выйти замуж. Ты знаешь Цуцу? Она совсем еще молодая, здоровая, красивая. А муж у нее погиб. Как же теперь? Что ей делать? А ведь жалко Цуцу, тетя, очень жалко, ну просто плакать хочется!.. Что, всех жалко? Права ты! И тебя тоже жалко! Ты думаешь, я ничего не соображаю? Нет, тетя, я теперь большой, я все понимаю. Я знаю, ты не выходишь замуж из-за меня! Да, все так говорят – мол, Кето пожертвовала собой ради единственного племянника. Не надо так, тетя! Я уже большой, я сам присмотрю за собой, а ты выходи замуж! Ты не бойся, я всегда буду по-прежнему любить тебя! Ты должна иметь собственных детей! Выходи, тетя, замуж! И пусть Цуца тоже выходит замуж! Все, у кого нет мужей и детей, должны выйти замуж! Жалко их! И тебя жалко, тетя!

– Слушай, Сосойя, ты заснешь наконец или нет? Где ты так налился, бездельник? – прерывает тетя мой монолог.

– Тетя, ты разве не спишь? – мне стыдно, и я укрываюсь одеялом.

– Спи, спи, Сосойя!

Хорошо бы заснуть, но сон не идет!..

Триумфальный марш

Каюсь: преподавателя военного дела мы изводили, как никого другого из наших учителей. Но полюбили его больше всех остальных педагогов. Поэтому нашей радости не было границ, когда его назначили к нам классным наставником. Теперь он обходился с нами, словно с родными детьми, кричал, орал на нас, иногда даже угощал оплеухами. И в то же время он до хрипоты спорил и бушевал на заседаниях педсовета, когда обсуждался вопрос о наказании кого-либо из нас.

Не было случая, чтобы Гуриелидзе вызвал в школу родителя провинившегося ученика.

– Здесь – я ваш родитель! Или перестреляю всех вас, бездельников, или сделаю из вас людей! – кричал он и колотил по столу кулаками так, что потом целую неделю не мог двинуть рукой.

Мы обожали уроки военного дела: Гуриелидзе проводил их на берегу Супсы. Он разбивал класс на два вражеских лагеря – наших и фашистов, из девчонок формировал отряд санитарок, себя назначал начальником объединенного штаба обоих лагерей и... начиналась братоубийственная битва. Мы бросались друг на друга, рвали волосы, до крови царапали лица, наставляли синяки, оглашали берега Супсы криками «Сдавайтесь!» и «Ура!». Мне почему-то всегда доставалась должность немецкого главнокомандующего, пост же со-

ветского маршала занимал Нодар. Поскольку победу должна была одержать советская сторона, в мою армию определялись самые слабые, малорослые и никчемные ребята, и наоборот, войско Нодара составляли лучшие наши драчуны. Естественно, победителями каждый раз выходили они. Таким образом, все эти годы, до окончания войны, я неизменно выступал в ролях пленного, раненого, шпиона, диверсанта или покойника...

...Сегодня нам опять предстоит смертный бой: первые два урока – военный предмет. После боя все оставшиеся в живых должны идти на чайную плантацию – помогать женщинам. На дворе – май. Плантация колыхнется молодыми побегами чая. Женщины не успевают собирать их. А запоздать хотя бы на час – флешки перезреют, огрубеют – и тогда пиши пропало! Вот потому и гонят нас на плантацию. Но мы отбываем эту повинность с великим удовлетворением: во-первых, нас радует сознание того, что мы тоже помогаем фронту; во-вторых – нам начисляются трудодни; в-третьих... что такое чай?! Мы готовы впрячься в плуг и перепахать весь Супсинский берег, лишь бы уйти с занятий в школе!..

Итак, рядами по два мы шагаем по направлению к Супсе. Девочки ведут Хатию. Она рассказывает что-то смешное – девочки хохочут всюду.

– Раз-два-три!.. Раз-два-три!.. – Гуриелидзе шагает рядом. Иногда он подпрыгивает на месте, подстраивается к нам и вновь продолжает считать: – Раз-два-три!.. Мамаладзе, вы-

ше ногу!.. Раз-два-три!.. Каландадзе, выше голову!.. – Он за-
бегают вперед, поворачивается лицом к нам и, пятясь назад,
подбадривает нас: – Молодцы, орлы! Шире шаг, герои! А ну,
запевай!..

Песня наша звонко льется,
Ох врагу и достается! Пулемет наш молодец,
Фриц, капут тебе, конец! —

запеваю я.

Пулемет наш молодец,
Фриц, капут тебе, конец! —

подхватывают ребята.

Шагаем мы, орлы Левана Гуриелидзе: кто в отцовских,
кто в дядиных брюках и блузах, кто в лаптях, кто в кало-
шах, а кто и босиком, вдыхаем удивительно вкусный утрен-
ний аромат, настоящий на запахах пробуждающейся земли
и первой зелени, и орем во всю силу молодых легких:

Пулемет наш молодец,
Фриц, капут тебе, конец!

– Группа-а-а-а... – раздается команда Гуриелидзе. Мы
громче чеканим шаг. – Стой, раз-два-три! – Мы застываем
на месте. – Нале-е-е-во! – Мы поворачиваемся – кто нале-

во, кто направо. – Вольно, чтоб вам провалиться, болваны! Разойдись!..

После пятиминутного перерыва Гуриелидзе объявил:

– Задача сегодняшнего дня заключается в следующем: фашисты занимают левый берег Волги, – он показал рукой сперва на меня, потом на Супсу, – наши войска, – он ткнул пальцем в сторону Нодара, – выбивают немецких захватчиков из окопов, вступают с ними в рукопашную схватку, уничтожают их основные силы, преследуют остатки до правого берега Волги и дальше на шестьдесят километров. Задача ясна?

– Шестьдесят километров – это много! – испугался Нодар.

– Да ты не бойся, столько и мы не сможем бежать! – успокоил я его.

– Девочки! – продолжал учитель. – Полевой госпиталь развернется здесь, под орехом. Главным врачом назначается Хатия. Ната, Какано, Тина – медицинские сестры. В десять ноль-ноль открываю боевые действия!

Учитель извлек из кармана огромные, с колесо арбы, часы на полуметровой металлической цепи, поднес их к уху, встряхнул раза два, покачал безнадежно головой, спрятал часы и продолжал:

– Сосо Мамаладзе, забирай свою армию и занимайте окопы на берегу Волги!

– Тоже мне армия! Подсунули мне всякую шваль!.. Одолжите мне, учитель, Нодара, и тогда мы посмотрим, чья возь-

мет!

– Разговорчики! Нодар Каландадзе, занимайте свои места в верхних окопах!

– Я не хочу так! – запротестовал я. – Дайте хоть раз и мне побыть красным!

– Погодите немного, станут ваши рожи и красными, и лиловыми! – заржал Нодар.

– Чего вы кобенитесь? Сдавайтесь сейчас же, и все тут! – предложил мне Тамаз Керкадзе.

– Цыплят по осени считают! – отпарировал я.

Я и Нодар собрали свои войска и направились на отведенные нам места.

Я выстроил перед окопом своих бойцов и обратился к ним с исторической речью:

– Солдаты и офицеры! Вы находитесь перед событием всемирного масштаба. Сегодня вы должны доказать Нодару Головастику, что вы не являетесь трусами и слабаками! Перед вами раскинулись берега Супсы, изобилующие майской черешней и июньской грушей. Правда, груша еще не поспела, но есть ее можно, я пробовал вчера... Так вот, вы голодны, раздеты и разуты. Победите в этом бою, и я обещаю вам хлеба и одежду! А если мы проиграем бой, нас ждут позор, плен и барахтанье в ледяной Супсе. Понятно вам?

– Понятно! – простонало войско.

– Тогда вооружайтесь комьями и лезьте в окоп!

Красные проделали тот же маневр.

Леван Гуриелидзе дал сигнал, и операция началась. Перед нами была открытая позиция: кругом ни одного кустика, лишь несколько ветвистых ореховых деревьев. Мы сложили деревянные винтовки на бруствере окопа, приготовили комья и затаили дыхание. Из окопа противника первым вылез Нодар Каландадзе. Взмахом руки он приказал своему войску следовать за ним и пополз в нашу сторону. Голова его перекатывалась с места на место, словно спелая тыква.

– Вот я его сейчас по башке! – произнес мечтательно Отия Каландадзе, выбирая ком покрупнее.

– Без моего приказа не стрелять! – распорядился я.

– Если они встанут, потом их не остановишь! Лучше перебить их в окопе! – посоветовал Соломон Жгенти.

– Далековато... Подпустим их ближе! – сказал Ромео Чануквадзе.

Противник приближался. Я понимал, что, ползя, ребята не могли нести с собой более одного-двух комьев, поэтому надеялся отбить первую их атаку. Я предупредил своих:

– Не торопитесь! У них не хватит боеприпасов! Стреляйте только по моему приказу! И не вздумайте преследовать их: в рукопашной они нас побьют как пить дать!

– Ура-а-а! – заорал вдруг Нодар, вскочил и помчался к нам.

За ним последовала вся его ватага. Уроки нашего военрука, видать, не прошли даром: неприятельские солдаты бежали пригнувшись к земле, зигзагами.

– Ура-а-а! – крикнул еще раз Нодар.

– Захрума-а-а!⁵⁶ – не вытерпел Отия Каландадзе и запустил в противника здоровенный ком земли. Ком угодил в голову Нодару, да с такой силой, что он выронил ружье и упал словно подкошенный.

– Огонь! – завопил я, и на наступающих обрушился шквальный огонь нашей артиллерии. Ряды неприятеля дрогнули, остановились, потом поспешно откатились назад и укрылись в окопе.

– Нодар Головастик, не смейте больше показываться, иначе перебьем всех! – крикнул я.

– Поглядеть бы сейчас на его лоб! – сказал Отия.

– Лоб, лоб... – проворчал Эдуард Джабуа. – Попадем им в руки – не жди пощады!

– Без паники! – сверкнул я глазами.

– Нодар сейчас зол, как сто чертей... Съест он нас! – предупредил меня Кажура Гагуа.

– Кто трусит – вот белый флаг! – я достал из кармана платок.

– Сосойя Мамаладзе, – донесся крик из окопа неприятеля, – сдавайся, пока не поздно!

– Покажись, если ты такой герой! – крикнул я в ответ и вылез из окопа.

– Вот я! – поднялся Гурам Тавберидзе. – А где этот бол-

⁵⁶ *Захрума* – ругательство, означающее: «Чтоб тебе провалиться! Чтоб ты сдох!»

ван?

– Который?

– Ваш маршал!

– Я здесь, а тебе последний раз предлагаю сдаться, пока ты жив! – крикнул Нодар и тоже вылез из окопа. – Считаю до трех! Потом перехожу в рукопашную!

– Попробуй только!

Нодар отдал распоряжение, и тотчас же все его войско поднялось во весь рост.

– Ребята, вставайте и приготовьте гранаты! – приказал я своим.

– Ну, теперь крышка нам! – заскулил Ромео Чануквадзе.

– Один! – начал Нодар.

– Черт тебе господин! – ответил я.

– Два!

– Пустая твоя голова!

– Два с половиной... – сжалился над нами Нодар.

В наших рядах подозрительно зашептались.

– Сосойя, пока есть время, переходи на нашу сторону! – крикнул Тамаз Керкадзе.

– Я не изменник!

– Переходи, говорю, и мы простим тебя!

– Не нуждаюсь в твоём милосердии!

– Тогда сдавайся! Пленных мы кормим сливочным маслом и белым хлебом! – предложил Нодар.

– Подавитесь сами вашим белым хлебом!

– Три! – крикнул Нодар, и неприятельское войско с громовым «ура» двинулось на нас.

– Огонь! – взвизгнул я. Три кома подряд рассыпались на голове Нодара, но сдержать натиск красных было уже невозможно.

– Бей его! – раздался боевой клич, и началось...

Все перемешалось. Пошли в ход подножки и пинки, оплеухи и кулаки, щипание и укусы, комья земли и палки.

– Что ты делаешь, осел!

– Ухо-о-о!..

– Не рви штаны, сволочь, они отцовские!

– Сдаешься?

– Убит я!

– Подними руки!

– Опусть палку – подниму руки!

– Бросай оружие!

– Какое еще оружие?

– Отпусти рукав, собака!

– Ты что, за настоящего немца меня принимаешь?!

– Чего ты плюешься?

– А ты не тяни меня за нос!

– Учитель! Он и впрямь меня убивает!

Потом первый пыл битвы остыл, слышалось лишь тяжелое дыхание уставших бойцов. Меня тащили за ноги, а деморализованное вконец мое войско с поднятыми вверх руками шагало рядом.

Меня подтащили к учителю.

– Товарищ начальник штаба! – вытянулся Нодар. – Ваше задание выполнено, неприятельская армия разбита, левый берег Волги захвачен нами, наши войска триумфальным маршем следуют на запад, жертв с нашей стороны почти нет! Кроме того, захвачен в плен фашистский генерал Сосойя Мамаладзе. Вот он!

– Сосойя, горе ты мое луковое, опять ты угодил в плен? – спросила Хатия.

Победители и побежденные разразились дружным хохотом. Я встал, отряхнулся и... расхохотался.

– Теперь отдохните полчаса, а затем – марш на плантацию! – объявил военрук.

С веселым гиканьем бросились мы к реке и с удовольствием бултыхнулись в холодную воду. Потом мы лежали в тени и молча наслаждались покоем, тишиной и прозрачным, без единого облачка, голубым небом. Леван Гуриелидзе лежал здесь же, с нами, и с нескрываемым удовольствием курил «Темпы». Приятный аромат папироски щекотал нам ноздри. Табак, разумеется, был у каждого из нас, но городские папиросы, да еще «Темпы», да еще в военное время, имели для нас особую привлекательность. Мы горели желанием выпросить у учителя одну-единственную папироску, чтобы выкурить ее всем классом, по одной затяжке на брата, и затем хвастаться на все село: вот, мол, мы курили «Темпы». Наконец Нодар не выдержал, подмигнул мне и толкнул – пой-

ди, дескать, попроси. Я выразительно pokrutil указательным пальцем у своего виска. Нодар с непередаваемой гримасой повторил просьбу. И я решился.

– Леван Петрович...

– Чего тебе, Мамаладзе?

– Леван Петрович, это правда, что последняя просьба приговоренного к расстрелу человека удовлетворяется?

– Правда! – ответил он с такой уверенностью, словно сам раз десять побывал в роли осужденного на смерть.

– Я ведь пленный фашистский генерал?

– Точно!

– Значит, вы расстреляете меня?

– Если дашь правдивые показания, может, и помилуем...

– Никогда! – заявил я твердо.

– Ну, значит, будешь расстрелян! – нахмурился военрук.

– В таком случае выполните мою последнюю просьбу!

– Что вы скажете? – обратился начальник штаба к своему штабу.

– Считаю, что было бы подло с нашей стороны отказать ему! – ответил со всей серьезностью Нодар.

– Так и быть! Говори, Мамаладзе, в чем заключается твоя последняя просьба? – смягчился начальник штаба.

– Дайте одну папироску на обе армии... Мы выкурим ее в окопе, вы даже не увидите нас...

Гуриелидзе остолбенел от неожиданности. Придя в себя, он заговорил, задыхаясь от возмущения и глотая слова:

– Что?! Что ты сказал?!.. Да как ты... Кому ты... Как ты посмел?! Чтобы я, Леван Гуриелидзе... педагог... ветеран войны... чтобы я своей собственной рукой... дал папироску... своим ученикам?!.. Отравил бы ваши легкие, сердце, кровь?!.. А?!.. Скажите, что это была шутка!.. Иначе я сойду с ума!..

Я перепугался не на шутку. Ребята затаили дыхание.

– Конечно... Мы пошутили, уважаемый Леван Петрович! Извините нас! – пробормотал я и поспешно пересел подальше от учителя.

Долго еще бушевал наш военрук, наконец он стал успокаиваться, приговаривая время от времени:

– А? Папирос им захотелось!.. Я вам покажу папиросы!..

И вдруг произошло нечто совершенно непредвиденное и непонятное. Хатия, не проронившая во время вышеописанной бурной сцены ни одного слова, подошла к учителю и сказала:

– Уважаемый Леван Петрович! Никогда в жизни я не была ябедой, но теперь не могу скрыть от вас: пока вы руководили боем на берегу Супсы, мальчишки достали из вашего кителя папиросы и одну из них начинили порохом, – все равно, мол, нам он не даст закурить... Они думали, что раз я не вижу, то и не услышу ничего...

– Да ты с ума сошла! Что ты брешешь? Врет она, Леван Петрович! – заорал я вне себя от искреннего возмущения.

– Испугался? – спросила иронически Хатия, моргая гла-

зами.

– Ах вот оно что... – проговорил учитель и оглядел нас испепеляющим взглядом.

– Врет она все, Леван Петрович! Признайся, дура, врешь ведь? – вмешался Нодар.

– Сам ты дурак, и сам ты врешь! – сказала спокойно Хатия.

Изумленный класс, разинув рты, смотрел на заупрямившуюся Хатию.

– Так... Не двигаться с места! – приказал шепотом побледневший учитель и встал. Он подошел к висевшему на дереве кителю, достал из кармана коробку папирос, внимательно осмотрел каждую папироску и, не заметив ничего особенного, повернулся к Хатии:

– Порохом, говоришь, начинили?

– Порохом, Леван Петрович!

– Прекрасно... Теперь слушай мою команду! – Учитель подошел ко мне. – Сосо Мамаладзе! Закуривай! – и протянул мне раскрытую коробку.

– Что вы, Леван Петрович! Не хочу!

– Не хочешь? Бери сейчас же!

– Хотите взорвать меня, Леван Петрович?

– Говорю тебе, закуривай!

«Черт с ним, – подумал я, – закурю с закрытыми глазами, в худшем случае опалю себе нос!» Протянул руку, достал из коробки папироску, закурил и жадно затянулся.

А учитель продолжал обходить ребят:

– Ну-ка, закуривай, Яго Антидзе!.. Бери папироску, Отар Тавадзе!.. Не стесняйся, Кажура Гагуа!.. Посмотри мне в глаза, Отия Каландадзе! Возьми папироску!

– Я не курю, Леван Петрович!

– Что-о-о?

– Не курю я!

– Закуривай, если тебе дорога жизнь!

Отия закурил и закашлялся.

– Убиваете меня, Леван Петрович? – прохрипел он.

...В коробке осталась одна-единственная папироска. Учитель отошел в сторону и стал наблюдать, кто же станет жертвой нашего неслыханного вероломства. А мы курили – осторожно, небольшими затяжками и тем не менее с огромным наслаждением.

– Быстрее! Что вы тянете? – торопил нас учитель.

– Между прочим, никуда я не спешу... – заявил Отия.

– М-да-а-а... Отличный табак! – добавил Нодар, затянувшись последний раз и бросил окуроч.

– Прекрасные папиросы! – подтвердил Яго Антидзе.

Вслед за ними бросили докуренные папиросы Отар Тавадзе, Ромео Чануквадзе и другие.

Остались я и Отия Каландадзе. Вскоре Отия тоже избавился от адской машины, и теперь весь класс с затаенным дыханием смотрел на меня. Учитель сгорал от нетерпения. Я взглянул на свою папироску – ее оставалось всего на одну

затяжку. Я зажмурился, медленно затянулся, набрал во рту ароматный дым, проглотил его и... открыл глаза. Папироска догорела до мундштука. Взрыва не произошло. Я вздохнул полной грудью и щелчком далеко отбросил окурок.

Класс ахнул. Теперь начальник объединенного штаба и его войско стояли друг против друга и не знали, как поступить дальше. Наконец учитель приблизился ко мне и произнес голосом, от которого дрогнули сердца даже самых отчаянных наших головорезов:

– В коробке лежит одна папироска, и ее выкуришь ты, Сосо Мамаладзе!

– Не могу больше, Леван Петрович! Благодарю вас!

– Мамаладзе...

– Эту папироску можете выкурить вы, Леван Петрович, она не взорвется! – сказала вдруг громко Хатия.

Все обернулись к ней.

– Как?.. – прошептал учитель.

– Не взорвется, – повторила Хатия, – не было никакого пороха...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.